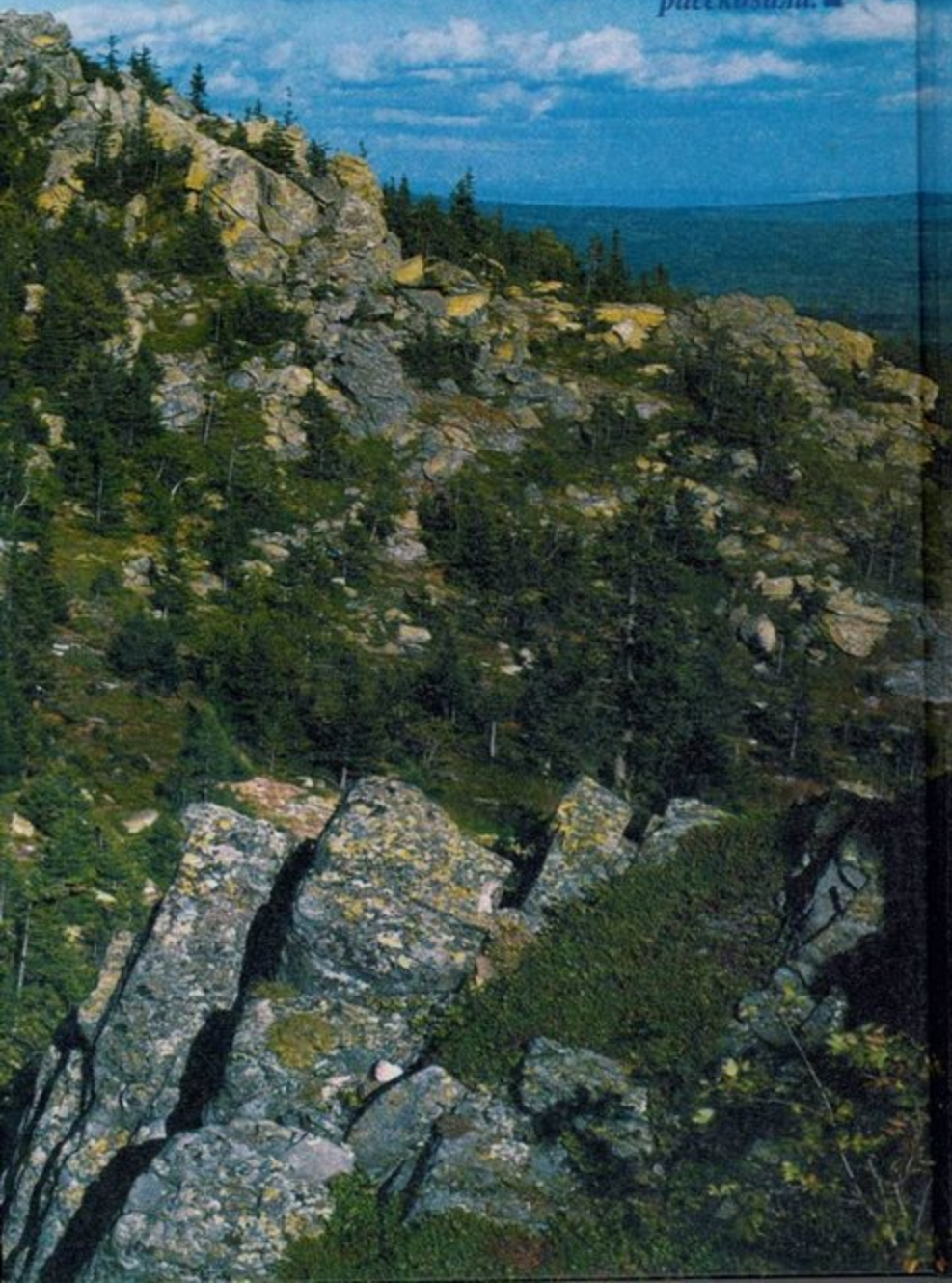
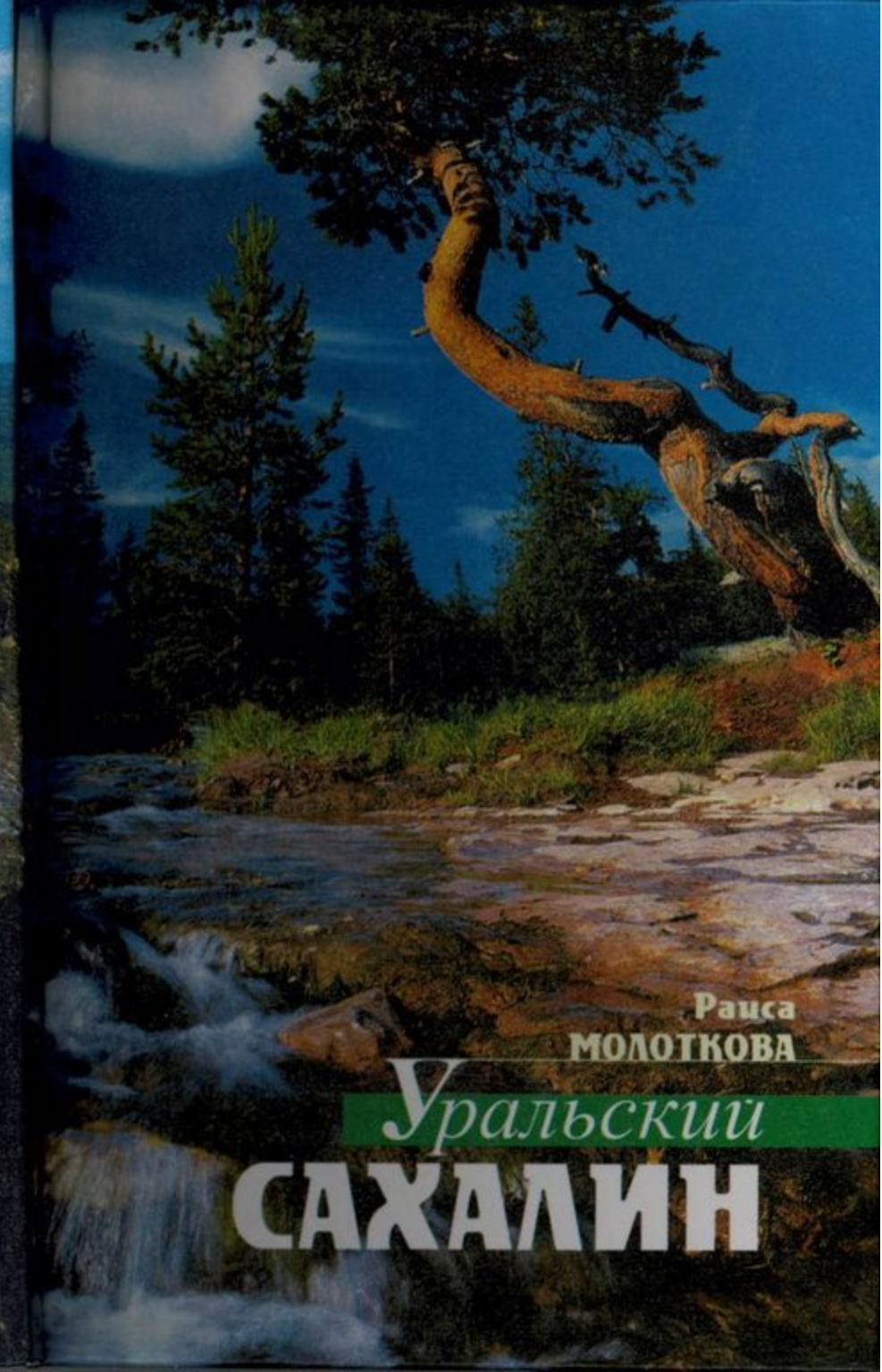

...Чему подивилась, тем и поделилась,
а также кому благодарной
осталась, обо всем вам
рассказала. ■

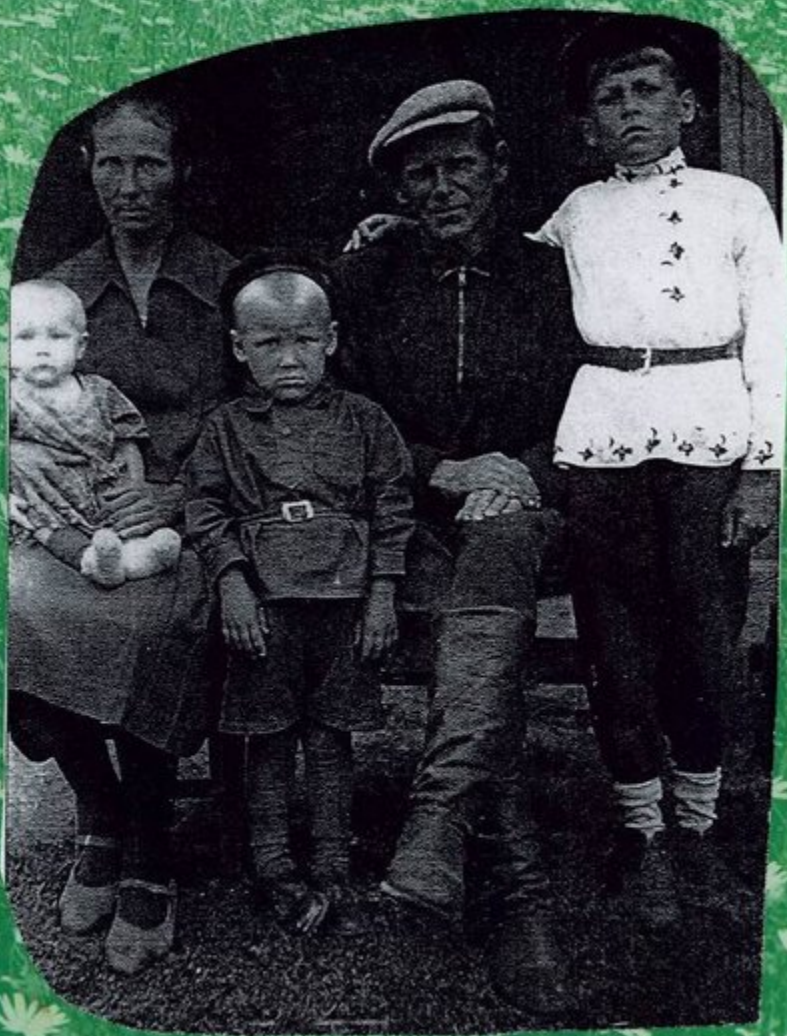

Рауса
МОЛОТКОВА

Уральский
САХАЛИН

Wachau 20072

Детство моё, Сахалинское милое детство
Дом два окна, я теплом его была согрета
Дом два окна, вековые леса, речка,
Скалы по соседству, Детство мое,
Ты все снишься мне Детство мое!

Детство моё, спой мне мамины песни.
Детство моё, спой про речку, скалы, поля.
Детство моё, на мгновенье воскресни.
Дом в два окна, где я выросла, где я окрепла.
Детство моё, беспокойное детство моё...

Потомки СФ
п. Ус

Раиса МОЛОТКОВА

Уральский САХАЛИН

Воспоминания,
размышления, рассказы

Издательство "Зауралье"
г. Курган, 2005 г.

ББК 84Р6
М76

Р. П. Молоткова. Уральский Сахалин.—Курган: издательство "Зауралье", 2005.—272 с.

Молоткова Раиса Павловна родилась в поселке Сахалин Ново-Лялинского района Свердловской области. В 1961 году окончила Новосибирский электротехникум связи. В 1970-м заочно окончила Целиноградский сельскохозяйственный институт по специальности «сельская электрификация». Ее детство прошло среди ссыльных, на фоне дивной уральской природы, а трудовая деятельность - среди удивительной техники и связана с ее проектированием, внедрением в производство и обслуживанием. В своей книге Раиса Павловна рассказывает о жизни граждан России, которых в 30-е годы прошлого века советская власть раскулачивала и отправляла за Урал, о людях, рядом с которыми ей довелось жить и работать. Она говорит просто, искренне и правдиво.

ISBN 5-87247-394-X

© Р. П. Молоткова, 2005
© Издательство «Зауралье».
Оформление, 2005

*Р. П. Молоткова в форме, принятой для
инженерно-технических работников связи
в советское время. 1977 год.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь зарождается и поддерживается в тепле, для этого и солнце на земле. Могучее светило греет и небеса, и землю, и воды, тепла не жалея. За это солнцу наша благодарность, а его Создателю наше благоговение. О чем мы говорим Создателю через молитву и его творения. А солнце есть его творение, ясное, осязаемое, наглядное, с ним можно говорить напрямую и благодарить его вслух – речами или про себя – мысленно. С уважением и нежностью обращаемся мы к солнцу, называя его то наш титан, а то великое светило, то красно солнышко, а больше – ласковое солнышко всем мило.

От солнечного тепла согревается не только тело, но и душа, а солнышко явно этому радо: – я чудо вам открою, а солнце-то живое! Ему я улыбаюсь, оно в ответ смеется!

Выйдя из дома на улицу в солнечный день, улыбаются люди такой доброй улыбкой, какую редко можно встретить. Душа наполняется добрыми благородными чувствами, хочется говорить приятные слова и радоваться жизни. Нам одинаково приятно воспринимать восход солнца, когда оно катится по небосклону и вечерний уход солнца с небосклона. Всегда оно прекрасно, всегда оно радует нас, и мы становимся смелее. Даже можем шутливо приказать:

– Мы солнышку велели, сияй, сверкай, свети; чтоб громче птицы пели, чтоб ландыш мог цвести!

Тепло от солнца самое щедрое, самое обширное, но охватить весь земной шар ему не дано. Большую часть своего тепла Солнце отдает южанам, которые принимают его как должное, иногда и не замечая. Северяне, а также большая часть россиян принимают тепло от солнца как Божию благодать, радуясь каждому его лучику.

Для россиян-северян солнышко не доступно более половины года, поэтому наши далекие предки грелись от костра, более близкие – от очага, от камина, от русской печи.

Если тепло от солнца льется на тебя щедро и в полную силу, не требуя никакой поддержки, то тепло от костра, очага и от печи необходимо постоянно поддерживать. Очаг и печь требуют дров. В наше детство в уральском поселке печи топили только дровами и до пятнадцати лет мы не знали другого вида топлива.

Заготовка дров – большая работа для всей семьи и мы, дети, принимали в ней посильное участие. Ссылным не разрешалось пилить

на дрова сырой лес. Родителям приходилось искать высохшие деревья – сухары и с каждым годом все дальше и глубже в лесу. Зимой к ним легче подъехать, поэтому и заготовкой дров чаще занимались зимой. Летом же мы, дети, с удовольствием собирали сухие ветки на спусках гор, а родители топили ими камин, у многих в поселке были русские печи с каминами.

В большей части России зимы холодные и длинные; дров необходимо много, да при том на каждую зиму, леса могло и не хватить, но в природе все предусмотрено: нашли уголь, изобрели электричество, нашли нефть, а сегодня и газ. Жаль, что для последних видов топлива, не складывается печь, на которой можно погреться, полежать и подумывать. Но новые виды топлива приносят тепло в дом, и это хорошо. При заготовке любого вида топлива, прежде всего, требуются большие человеческие усилия – труд, а чтобы его облегчить, необходима дорогая техника. Не легко, а теперь и не дешево дается заготовка дров, а тем более добыча топлива в наших северных краях.

И жизнь идет своим чередом, на зиму готовим тепло своим трудом, а летом пользуемся бесплатным, солнечным теплом. Но солнечного тепла россиянам-северянам явно недостаточно, и, конечно, никакая печь или очаг не могут в полной мере заменить всеобъемлющее яркое солнышко. И едут россияне-северяне на юг ежегодно по одному и семьями.

Притягивают россиян щедрое южное солнышко, безбрежное море с теплой водой, уже нагретой великим светилом, да лакомые фрукты – деликатес для северян. Здесь можно ходить легко одетым, бегать босиком по мягкому и тепломu песку; лежать на берегу моря, полностью расслабившись – все это очень приятно после зимних холодов.

Чудо наш юг для северного российского человека, для сибиряка, уральца – сплошное чудо и удовольствие. В этом мы с дочкой и двумя внуками убедились по приезду в город Анапу на побережье Черного моря. Устроились на туристической базе. Телевизор в домик не стали брать, чтобы побыть самими собой и отдохнуть. В результате вечера оставались свободными для чтения и рассказов, для подвижных игр и прогулок по берегу моря, когда мы могли наблюдать как огромный, огненный шар солнца медленно опускается в море, а точнее закатывается за море, оставляя за собой приятное вечернее тепло.

В один из вечеров внук, Роман, попросил меня рассказать полубившееся ему стихотворение – «Бабушка и внучек» Плещеева Алек-

сея Николаевича. Это стихотворение – диалог между бабушкой и внуком – я слышала в детстве, от мамы. Оно осталось в памяти и вспомнилось, когда появились внуки, которым оно очень нравилось, а мне нравилось его рассказывать.

В нем есть слова, с которыми внучек обращается к бабушке: «У» и так мне много сказок ты, бабушка, говорила; если помнишь, расскажи мне лучше то, что вправду было».

Моя внучка Яна, которой было в то время шесть лет, обратилась ко мне с той же просьбой: «Бабушка, расскажи нам лучше то, что вправду было». Я даже растерялась сначала, что же можно рассказать из прожитой полувековой жизни? Вопрос заставил задуматься. На помощь пришла память, воспоминания всплывали сами собой; рассказывая, чувствовала интерес внуков и решила – рассказать правдиво о самой прожитой жизни.

В правде о жизни – и боль, и радость, открытия и удивление, а также поиск предназначения. Помогала мне при написании книги подруга детства.

О любви и о природе слова сами льются, а слова о житие труднее даются.

Все когда-то и при определенных условиях начинается.

Наше начало – наши родители, им вторая наша признательность и благодарность. Жаль, о себе не сумели они рассказать, поведать о предках чуть более, боялись за своих детей, желали оградить от лишней боли. О жизни предков пришлось узнавать от очевидцев и односельчан, да из того, что осталось в архивах у нас в стране.

* - Текст стихотворения полностью приводится в конце книги.

В НАЧАЛЕ
О
ПРЕДУКАХ

«Милое, тихо-печальное...»

А. Н. Анненский

Все имеет название, наименование, а человек – фамилию, имя и отчество, напоминание об индивидуальности каждого человека. Несмотря на то, что у нас много общего, нам дана возможность быть разными, так сказать, дано немножко собственной свободы для проявления себя в природе. Имя от настоящего, личного – дает возможность совершенствоваться; отчество – от отца, напоминает о его ответственности перед детьми и детей перед ним, а фамилия – от предков, от цепочки рождений – из глубины веков. Фамилия несет родственные гены, так сказать, связь с предками. Вспомним о них. Фамилия Ковалевы – относится к кузнечному ремеслу. Много «шишек» и мозолей набили себе, как говорят в народе, а точнее, много потрудились мои предки, прежде чем получить свою фамилию.

Известно, что предки показали свое искусство не только в кузнечном деле, а и в сражениях против французов в 1812 году, за что были освобождены от крепостной зависимости. Получив свободу и заработав определенный капитал, мои предки занялись торговлей и превратились в смоленских купцов. Они проживали исконно в селе Холм Бельского уезда Смоленской губернии.

Смоленская земля названа так, потому что наши общие предки были смолокуры, славились изготовлением хорошей смолы. Ею смолили лодки, на которых торговые люди доставляли свои товары по рекам. Одной из таких рек был Днепр. Родается Днепр в России, на севере Смоленской области и течет по ее территории на протяжении

503 километров*; от Холма до Днепра двадцать пять километров. Очень много легенд хранит в себе эта древняя река, не жалея жизни, защищали ее славяне от иноземных захватчиков.

Более тысячи лет назад по Днепру проходил основной торговый путь с севера на юг, как предания гласят, «из варягов в греки». В то время Смоленская земля процветала и быстро развивалась, а Смоленск,

возникший на бойком месте торгового пути, был одним из центров русского племени и крупным торговым центром. Затем появились дороги, смола потеряла спрос, и Смоленск, не в обиду сказано, превратился, в сущности, в провинциальный город.

Другого ремесла – широкого дела – смоляне, что-то не могут найти для успешно-

го развития города. Есть ленок, да видно тонок и почему-то не легкий, а тяжел. Может, рекламу ленку не могут создать, а может причина в том, что одних купцов извели, а других у себя не вырастили?

У чужих-то купцов одна дума – как самим выжить.

Мы же разговор поведем о смоленских купцах, больше об одном их них, о более известном для нас купце. И начнем с доподлинно известного факта – свадьбы.

Примечание автора.

* – Ранее Днепр протекал по территории Руси – России, а сегодня по территориям независимых государств России, Беларуси и Украине. О Днепре хорошо сказал Иван Нехода: «В нем щедрость России, лазурь Беларуси, степей Украинских крас».

СВАДЬБА

Подошло время молодому купцу Ковалеву Андрею, по батюшке Васильевичу, жениться. У него дом хорош, да и сам он не плох, стали искать девицу. Здесь же в селе жили три сестрицы, все приглядны, все нарядны, все купчихи молодые – дочери купца Китайцева. Приглядывался, присматривался и решился: «Возьму помоложе, уж больно проворна, настоящая егоза-стрекоза, будет дом веселить, за хозяйством следить. Приеду – улыбнется и сердце отзовется, уеду – пригрожу построжее, чтобы ждала».

Сватов не стали выбирать, отец согласился судьбу испытать. Желание выдать замуж одну из дочерей в семье Китайцевых нашел. А какую, возник вопрос? Старшую дочь Китайцевы в невесты предложили. Мол и женой, и хозяйкой будет золотой, не пожалеет купец удалой. Жениху пока можно не говорить, а то глядишь, еще вспылит и от дома-то нашего убежит. А после венчания никуда не денется, пошумит, быть может, и остепенится. Хозяйки лучше не найдет и очень скоро то поймет. Так и порешили, понимая, что согрешили. Мол, все только на пользу детей, им будет хорошо и нам веселей. У Бога попросили прощения и счастья детям для их утешения.

Назначили свадьбу-венчание – всем думам окончание. И вот, наконец, идет в церковь молодой купец, а рядом невеста, стройна и степенна, закрыта фатой, слегка опустила голову, казалась чуть живой. Удивился купец ее скромности, да порадовался – не ошибся, видно, в выборе, хороша!

Под фатой лица не видно, что совсем не безобидно.

Повенчали их как положено. Перед Богом признались в любви и верности друг другу на все года. Домой пошли веселей, и невеста стала смелей, пока окружали родня и приглашенные. А когда зашли в дом, невеста растерялась: «Как открыться, как признаться, как же сил для объяснения набраться?»

Пора фату снимать и себя показать. Пала она на колени перед мужем и стала говорить: «Коли не по душе, скажи, уйду сразу я и прииму этот грех на себя одну, идти в церковь родители заставили, совершить обман я бы не смогла, не хватило бы смелости, хотя люб ты мне, в чем и признаюсь».

«Очень строго пригрозил отец, – спешила молвить Дарьюшка, – «мол, сестра твоя молода еще, желания выходить замуж не имеет, по-

гулять ей можно, потешиться, а тебе пора и семью создать, мол, с отцом жениха все согласовано».

А свадьба та полным ходом шла, породнились два купца, счастья не было конца. Родственники молодых пили крепко и хвалили друг друга крепко, а сами молодые еще к столу не выходили. Родители заволновались, смирится ли молодой купец, и поспешили к ним с вином, да с подарками.

Молодой купец, хоть и молод был, призадумался тем речам жены. Подняв ее с колен, тихо попросил: «Постой», – сам же сел на стул и пригорюнился. А жена стоит, слезы капаят. «Говоришь, с моим отцом согласовано, так я понял тебя?» – громко молвил он. «Да, оба родителя беседовали с моею сестрой и со мной, спросив, нравишься ли ты мне, я призналась, что нравишься», – отвечала Дарьюшка, наклонив свою головушку.

«Раз отец решил, так тому и быть, не будем людей смешить, кольца свадебные на руке, Бог тому свидетель, не будем жить в тоске», – вставая, молвил он и взял за руку свою суженую. Улыбнулась та и легко пошла с ним к родителям. Стали они жить и добро творить, что соседи все им завидовали. А молва еще долго витала и жить спокойно не давала: что Андрей, мол, очень радовался и прежде времени хвастался, что Дарья проворней младшей сестры оказалась.

Безразличных к той свадьбе не было: кто безобидно улыбался, встречая молодых; кто радовался такому казусу, ехидно улыбаясь, а кто и с доброй улыбкой встречал их, но сожалея о случившемся про себя.

А молодые уже ни о чем не сожалели, им хотелось скорей зажить детали их свадьбы и жить полной жизнью. Правда, Андрей Васильевич извлек для себя урок, так как часто стал повторять: «Не закончив дела, не хвастайся». Дарьюшка же повела хозяйство, как на показ, чем и заканчивается о свадьбе сказ.

Скажу только, что была эта свадьба Ковалева Андрея Васильевича и Дарьи Михайловны Китайцевой, во второй половине 19-го века, а рассказали о ней селяне – пенсионеры в конце 20-го века. Молва об этой свадьбе больше века в памяти земляков жила, как будто внучку ждала. И не только о свадьбе поведали тогда очевидцы, а также об их жизни и смерти.

РОДНЯ ОТЦА

В молодой купеческой семье Андрея и Дарьи родились три сына – Николай, Василий, Павел и дочь – Александра.

Андрей и Дарья были грамотными и прогрессивными людьми и к воспитанию детей относились строго и ответственно. Все дети получили хорошее образование. Когда же им исполнялось девять лет, родители везли детей в Москву, где показывали достопримечательности, а также различные выставки и новейшие достижения России и других стран, первыми входившие в жизнь столицы. В их доме, первом в селе, появлялись граммофон, велосипед и другие новшества цивилизации.

Андрей Васильевич и Дарья Михайловна были глубоко верующими людьми. Они не представляли своей жизни без веры в Бога, строго соблюдали церковные обряды и праздники, посещали все богослужения православной церкви.

Начинался двадцатый век, Андрей Васильевич и Дарья Михайловна с ужасом узнавали о новых идеях построения человеческого общества без веры в Бога и принять их не смогли.

«Без веры в Бога жить нельзя, это будет бесовская жизнь», – говорили они селянам.

Слухи и страшные пересказы проезжих людей беспокоили и поселяли страх в их душах. Привыкшие к размеренности своего жития, они не приветствовали смуту.

Рассказывали, что дедушка с бабушкой умерли в 1917 году на высоком

Андрей и Дарья с сыном Павлом. 1900 год.

крыльце своего дома. Односельчане вспоминали, что дорога от школы выходила прямо на крыльцо дома Ковалевых и что расстояние составляло один километр. По их рассказам, конница красных летела тогда по этой улице прямо к крыльцу дома Ковалевых, а красноармейцы в своих остроконечных шлемах размахивали саблями. Пожилым верующим людям, стоявшим на крыльце, показалось, что это мчащиеся бесы, летящие и угрожающие им саблями. Сердца их не выдержали. Деду тогда было 67 лет, а бабушке 64 года, в условиях мирной жизни они могли бы жить долго, но такую стрессовую ситуацию преодолеть не смогли.

Так первыми пострадали от новой Советской власти дедушка Андрей и бабушка Дарья.

Мы же вернемся к тому времени, когда они живы были и своих детей растили.

О детях расскажем несколько подробнее.

Дочь Александра была самой младшей и последней после трех сыновей.

Где три сына, чиновники от власти быстро и четвертого приписали. Возможно, ошиблись, а может, посчитали, что имя Александр больше мужское и девушек нельзя так называть, их в армию не разрешалось брать. А здесь вдруг Александра, убрали последнюю букву «А», решили, что служить пора. Пришлось отцу за дочку заступиться и перед властью объясниться. Такой вот казус с именем произошел. А молва о том по селу пошла, правда, не долго шутили, а вскоре вовсе позабыли. Мне же отец с улыбкой рассказывал, сестру он часто вспоминал.

Александра училась только на отлично. Преподаватели уговаривали родителей дать ей возможность продолжить образование. Но отношение к женскому полу однозначное, отчего мне, кажется, мир много потерял. С другой стороны, предназначение женщины быть матерью — цель ясная и прекрасная: свой род ей надо продолжать, значит нельзя ее наукой перегружать. Так рассуждали сто лет назад.

В шестнадцать лет за Александрой сваты пришли и брак удачным предрекли. Родители же в том не усомнились и выдать замуж Александру согласились. Не долго в замужестве она прожила — после рождения сына, через пять лет умерла.

Василий, о нем известно менее всего. Это оставшееся в памяти, воспоминание отца о том, что он прекрасно катался на коньках и легко выписывал фамилию Ковалев коньками на льду; да весточка о том,

что с первой Мировой войны попал на Гражданскую войну. Домой Василий не вернулся, с какой стороны воевал (со стороны белых или со стороны красных) — неизвестно, как неизвестно, где и когда погиб. Поиски ничего не дали.

Николай и Павел жили в отцовском доме и занимались торговлей.

Николай, кроме того, содержал библиотеку. В его уголовном деле сказано: род занятий - торговец-библиотекарь. О Николае односельчане рассказывали, что это был интеллигентный и глубоко верующий человек. Они вспоминали, что он ходил в шляпе и с тросточкой, при встрече здоровался с поклоном, при этом снимал шляпу, показывая полное уважение к встретившемуся человеку. Вспоминали и о том, как бегали в его библиотеку за книгами.

Павел, кроме торговли, любил играть на гармонии. Он был на фронте. «Воевал за свободу и за Россию против интервентов», — как он говорил, но более ничего о военных действиях не рассказывал. Воевал, видимо, на стороне красных, так как сохранился красноармейский шлем, но это в дальнейшем не помогло.

Так из дружной и обеспеченной семьи после 1917 года осталось два сына и разрушаемое новыми властями хозяйство.

Из архивной справки, от очевидцев и из дела Павла удалось узнать, что это было за хозяйство. Ковалевы имели красивый двухэтажный дом с высоким крыльцом, с уютными комнатами для приезжих. Кухня и столовая были построены отдельно и соединялись с домом теплым коридором. Все надворные постройки и помещения для скота были крытыми, имелось собственное хозяйство: коровы, куры, свиньи, лошади и т. д., земля, плодово-ягодный сад; яблоки очень вкусные росли, у всех остались в памяти они.

До 1917 года Ковалевы имели одну лавку (магазин) в селе и две лавки в усадьбе графа Уварова; после побега графа за границу у них осталась одна лавка в селе. Торговали, видимо, многим, в том числе лошадиной упряжью. Они являлись пайщиками частного торгового треста, держали наемных работников. Кроме этого, Ковалевы содержали пекарню, где пекли очень вкусные баранки. Отец же называл их «сельскими баранками» и при этом вздыхал, что таких вкусных баранок он больше никогда не едал. Что баранки были вкусны, подтверждала дочь рабочего (при встрече с ней), который работал у Ковалевых и возил эти баранки из пекарни в лавки. Дочь была мала, и отец брал ее с собой, они снимали пробы первыми. Но, что пекарня принадле-

жала семье отца ни отец, ни мама нам не говорили, хотя им было неприятно скрывать правду от своих детей. Позднее, находясь в ссылке и боясь за будущее детей, они вообще старались не рассказывать о своей прежней жизни в царское время, в особенности о родственниках.

Семья Павла создавалась в советское время, когда появилась, как им казалось, какая-то стабилизация после трех кровавых войн. Павел играл на гармонии, собирал молодежь для выступлений в местном театре и концертах. А Мария Камовникова любила петь, принимала активное участие во всех молодежных начинаниях. Здесь, в своем кругу, они нашли друг друга, тем более, что ограничения для замужества (слова) исчезли, чему все были рады. Да и годы молодые уходили быстро в эту неразбериху. Павел и Мария тогда еще успели обвенчаться в церкви и с большой любовью начали семейную жизнь. Через три года у них было трое детей, и они не собирались на этом останавливаться, но жизнь, а вернее, новые власти опять все перевернули.

Такое впечатление, что новой власти показалось мало того, что натворили войны и перевороты, им казалось, что бывшие зажиточные и богатые семьи, церковь не дадут построить новое общество и наладить экономику, которая была в полном упадке. В результате с 1930 года начались новые расправы, казалось бы, уже в мирное время, но об этом несколько позднее.

РОДНЯ МАТЕРИ

Без матери некому было бы рассказывать.

Мама росла в многодетной, но обеспеченной крестьянской семье. Ее отец, Камовников Петр Алексеевич, служил заместителем управляющего по сельскому хозяйству у графа Уварова. Это также скрывалось родителями. Из устного разговора с земляками узнаю, что Петр Алексеевич был управляющим у графа Уварова. Читаю про дворянские гнезда России, про усадьбу графа Уварова, узнаю, что управляющим был немец. Приезжаю к тете Тане, маминой сестре (мама к это-

му времени умерла), спрашиваю: «Отец Ваш был управляющим в усадьбе графа Уварова?» Она отвечает: «Нет, отец не был управляющим, а управляющий имел три заместителя, отец был одним из них, вел сельское хозяйство. У графа было несколько деревень, отцу приходилось часто в них бывать, видимо, некоторые и считали его управляющим». Так приходилось выяснять правду.

Мамина мама, Мария Матвеевна (девичья фамилия Погребова), имела возможность окончить гимназию, что очень положительно сказалось на воспитании их двенадцати детей. Трудно сегодня представить такую семью: всех детей надо было прокормить, воспитать и выучить, чтобы они могли найти свое место в жизни.

Но эта большая дружная и трудолюбивая семья сама создавала такую возможность – прокормить, воспитать и даже дать образование своим детям: старшим минимальное – четыре класса, как маме и ее старшему брату, остальным по семь классов, что помогло им в будущем и дало возможность получить престижную работу.

Совсем немного мне известно о жизни семьи Камовниковых. Мама изредка вспоминала, что на кухне у них стоял большой стол, и когда все садились за него, то улыбались, а отец, пряча улыбку, старался смотреть строго.

Чаще собирались за столом осенью, когда много работы с выращенным урожаем и заготовкой на зиму. Перебирали ягоды, фрукты освобождали от косточек, варили варенье; овощи промывали и готовили соленья. Эту работу делали младшие под наблюдением бабушки. А старшие косили, готовили сено для скота на зиму, косили пшеницу, жали рожь, молотили. Мама была вторым ребенком, ей, как старшей, приходилось больше всего косить, жать, так как братьев было четверо из двенадцати детей, но они были разного возраста.

«В осеннее время года всем хватало работы», – вспоминала мама. «Все, что выросло на грядках, в саду, в поле, в лесу, надо было собрать, прибрать, сложить, чтобы зимой было что кушать и за пряжей стихи да сказки слушать».

Мама поведала еще один момент из их жизни: «Заболела корова, ее надо было зарезать. Отец взял топор и пошел в хлев, чтобы ударить тупым концом топора между рог и лишить корову болевых чувств. Он зашел в хлев, а корова будто ждала хозяина, стояла не в стойле, а в коридоре между стойлами. Она, видимо, надеялась на помощь, не понимая, что хозяин не в силах ей помочь. Петр Алексеевич стал перед

коровой, собрался поднять топор, но перед этим взглянул на нее и увидел слезы в больших глазах коровы. Он растерялся, у него вдруг ослабли руки, найдя силы перекреститься, вышел из хлева. Придя домой, бросил топор и сказал жене: «Не могу, Мария, она плачет, придется, кого-нибудь просить, у меня руки не поднимаются».

Вспоминая об этом, забегаю вперед и расскажу подобное о маме. Ее также звали Марией, наверное, в честь бабушки, а сестры и брат называли ее просто Маня. Но это было в ее молодости, а здесь идет речь о времени, когда Марии было сорок восемь лет, она работала птичницей, отвечала за каждую колхозную курицу и цыпленка.

Почти ежедневно в летнее время курей выпускали на улицу. Они гуляли по большой поляне и кормились тем, что на ней росло, бегали или ползало. Для кур эти прогулки были сплошным удовольствием. Об этом можно было судить, исходя из их спокойного поведения. Для мамы это было самое беспокойное и напряженное время в течение дня. Причиной были ястребы и коршуны, которые мгновенно появлялись в небе над поляной, по которой гуляли куры. Они парили и кружили над поляной, выбирая момент нападения. Маме приходило бегать с палкой и отгонять их. Осенью, когда подрастали цыплята, ястребов появлялось еще больше. В это время даже давали второго человека, но и двое не всегда справлялись. Приходилось приглашать охотников, чтобы те стреляли ястребов.

Так и в тот ясный, солнечный день птичницы пасли, если можно так сказать, колхозных кур. Как ни прогоняли коршунов, один все-таки сумел схватить цыпленка, и маме пришлось отбивать его палкой. Отбить отбила, но злодей поранил горло жертве. Я играла на улице, смотрю бежит мама с окровавленным цыпленком, подбегает к провалившемуся мужчине и просит отрезать цыпленку голову, а тот еще трепыхался. Рассказывая об этом вечером отцу, она призналась: «Сам не смогла, рука не поднялась».

Семья Камовниковых имела надел общинной земли, плодородный сад, лошадь, корову, поросенка, плуг (так написано в архивной справке), то есть имела то, что необходимо для самообеспечения семьи; наемных работников не держала.

В связи с тем, что все дети имели образование, они очень prosperовали в начале 20-го века новому советскому, в большей части грамотному, обществу, или, как сейчас говорят, были востребованы временем и властью.

Камовниковы не знали богатства, но и не были бедными, самообеспеченная была семья. Забегая немного вперед, отметим, в советское время дети работали: пятеро учителями, двое бухгалтерами, трое были военными, один по-прежнему занимался сельским хозяйством в своем селе до войны; имели награды за мирный труд и достойную службу в военное время.

Как и вся семья, Мария была православной верующей, даже пела в церковном хоре. При Советской власти, работая секретарем в районном советском суде, петь не могла, так как за пение в церкви ее высмеивали в газете. Но несмотря ни на что, вера в Бога осталась с ней до конца жизни. В советском учреждении она отработала с первого декабря 1918 по первое января 1927 года, до рождения первой дочери.

После 1930 года власти снова начали просеивать российское общество. Мария, одна из всей семьи Камовниковых, была выслана в Сибирь в связи с высылкой мужа. Ее связь с родными была потеряна на двадцать три года. Вся родня оплакивала судьбу своей Мани, но время и для них подготовило страшнейшее испытание; об этом еще расскажем.

А Марию со своей семьей заставили покинуть родное село навсегда, позднее расскажем, где прошли эти годы.

РАСПРАВА

20-й век тяжел и мрачен, задуман был совсем иначе.

С начала века и до его половины смута и войны не давали жить России. Условия жизни богатых и бедных будоражили умы российских граждан, эту смуту поддерживали извне, возможно, как повод к войне.

А война и противостояния не делали различия, погибали в равной степени богатые и бедные: во время первой мировой войны 1914 года, начатой Германией; во время гражданской войны (1918–1920) между богатыми и бедными – между сторонниками старого и нового режима; во время установления новой Советской власти и одновре-

менно интервенции (1918–1923 года), когда на Россию нападали, с целью захвата ее территории, и с востока и с запада, видя, что внутри ее разброд умов и действий, то есть, видя ее государственную слабость.

Россия, как известно, всегда привлекала соседей и с запада и с востока своими богатствами и обширностью, не давали России жить мирно и развиваться. Несмотря на это более пятисот лет Россия поддерживала условия для проживания народов (около ста национальностей) на своих территориях, давая им возможность сохранять себя как отдельную нацию и оберегая их традиции. Но этого никто в мире не хотел замечать, так же и то, что большая часть России – это труднодоступные и тяжелые по климату места для проживания человека. Поэтому и природные богатства даны, чтобы люди жить достойно могли в этих трудных условиях. Но страны посильнее считали, что богатство им нужнее и постоянно навязывали войны; таков оказался и двадцатый век.

И внутри России в это время творилось что-то неслыханное и невиданное. Новые политики звали народ из царского самодержавия (19-й век) в советское равноправие (20-й век). Новые власти заявляли об этом с трибуны и в средствах массовой информации, и большинство населения надеялось на это.

Создалось тяжелое время для одних (имущих – обеспеченных или «белых») граждан России и более легкое для других (бедных слоев населения – «красных»), вооруженных идей, по словам новой Советской власти, «светлого, достойного человека, будущего». По правде сказать, и бедным ничего не давалось легко, кроме исполнения политики власти о высылке имущих в Сибирь или привлечения их к уголовной ответственности и отправки в лагеря-тюрьмы. После гражданской войны это исполнялось легко. Так что в очень жестокий период войн, противостояний и резких революционных переворотов довелось жить родителям нашего поколения.

Но что семьи богатых (имущих) будут выселять из собственных домов и отправлять в далекую Сибирь, никто и предполагать не мог.

Непредсказуемость власти – наши беды и напасти. Так во время короткой передышки от внешних расправ начались расправы внутри страны.

Второго февраля 1930 года арестовали Николая Ковалева, моего дядю, за якобы антисоветскую пропаганду и осудили на 8 лет. В связи с тем, что Николай был православным, глубоко верующим, он ходил

по деревням и призывал народ к вере в Бога и царя. Как выяснилось из его «Дела», оружие в руки не брал. Пострадал за то, во что искренне верил, физическое насилие над человеком считал грехом. Погиб дядя Коля на Соловках, реабилитирован посмертно 16 октября 1989 года.

Из всей семьи Ковалевых на свободе остался один Павел.

И вскоре власти взялись за него: сначала новое руководство забрало его дом, выселив семью на кухню, затем заняли склады и надворные постройки для своих нужд. Тут же стали требовать вступления в колхоз, соответственно, передачу земли и скота. Часть скота Павел сдал в колхоз, а вступать в него отказался; надеялся, что сможет продолжать торговлю, но за это его лишили избирательных прав. Отказался он от наемных рабочих, оставив только одного, но это не помогло.

Руководство села собрало селян на собрание, которое постановило:

«Ковалева П.А. — семейство пять человек, эксплуататора, пайщика частного торгового треста, систематически сдающего помещения под квартиры, лишённого избирательных прав за торговлю выселить из пределов Холм-Жирковского района», — выписка из протокола. Протокол подписали 18 марта 1931 года три малограмотных представителя власти и предупредили отца о ближайшей отправке его с семьей в Сибирь.

Постановление исполнили моментально. Уже на следующую ночь после собрания семью отца с малыми детьми (старшей дочери Ларисе было 4 года, а двум близнецам, Геннадии и Насте, по 1,5 года), выслали из собственного дома и родного села. Прямо перед выселением, увидев троих малых детей, Марии предложили остаться с детьми. Она же решила ехать с мужем, тем более, что в протоколе указана вся семья и никто не мог поручиться, что их не вышлют позже. Единственным утешением было для них, что высылка все-таки не тюрьма.

Вывозили ночью на одной подводе, ясно, что Ковалевы могли взять малую частицу того, что имели. Веками нажитое имущество, дом, постройки, купленная земля достались новой власти.

Правда, в «Деле» отца указано, что при его высылке была составлена опись имущества, но в архивах ее не оказалось по причине того, что много архивного материала из Смоленской области вывезли немцы в Германию во время войны 1941–1945 годов, часть Смоленских архивов из Германии как-то попала в Америку.

Не понимаю, для чего другим странам нужны наши российские мирные архивы? Очень благородно было бы с их стороны вернуть архивы в Россию, но пока этого нет, и у кого есть материальные возможности, едут в эти страны, чтобы узнать о своих предках. На Урале же сохранилось все то немногое, что было в деле, заведенном на отца как на ссыльного.

С этим делом я познакомилась только в 1994 году. Так как отца с семьей довели до Урала, его дело находилось в Управлении внутренних дел Свердловской области.

Сохранился протокол его допроса от 1931 года, в подлинном виде, где есть очень красивая роспись отца, как будто он расписывался в последний раз или на память. Тогда ему на самом деле было неизвестно, как с ним обойдутся власти.

На вопрос «За что выслали?», отец отвечал: «За то, что торговал». И это была правда.

С 1992 года торговлю новые власти стали пропагандировать, как самое престижное дело в России. Даже экономику называли рыночной.

А в 1930–1931 годах за умение торговать выслали в Сибирь.

Чего только не делают с народами России политики, а положительного результата все нет и нет. Но вернемся к 1931 году.

Семья семьи Ковалевых на Урал. Март 1931 г.

За торговлю, за использование наемного труда, а возможно, за то, что не хотели вступать в колхоз, моих родителей сослали в Сибирь, но остановились на Урале. И до Урала ехали очень долго, как показало родителям. Все взятые деньги, а затем вещи, золотые свадебные кольца и даже крестики ушли на продукты питания. Привезли родителей в глухие, дикие места таежного Урала.

Сюда же привезли высланных родственников моих будущих подруг. У Надежды выслали отца с семьей, имел кузницу. У Валентины выслали деда с семьей, в том числе мать Валентины. Дед Иван Степанович имел мельницу на паях с братьями, имел свое хозяйство, выслали как кулака. Рассказываю только о тех, про кого знала, так как ранее в детстве меня эти вопросы не интересовали. Я не знала, что росла среди высланных, хотя их было очень много, не знала и причин высылки, об этом тогда не говорили.

Урал принимал всех ссыльных без разбора, но выживали не все, больше умирало в первый год ссылки, так как семьи привозили в лес, жилья не было, надо было срочно строить, а лето короткое, не все успевали подготовиться к зиме. Дедушка и бабушка Валентины умерли в первый год. Бабушка после тяжелой болезни, а дедушка замерз в лесу, собирая мерзлые ягоды рябины. Дочери были уже взрослые и выжили, в том числе мать Валентины.

Не дай, Боже, повторения такого выселения никакому поколению. Конечно, Урал здесь ни при чем, он таков, как есть.

УРАЛ

Урал – седые и мудрые Уральские горы, богатые полезными ископаемыми и высокорослыми лесами; вечнозеленые, как никакие другие; такими они были в нашем детстве и такими останутся в нашей памяти. Чудные горы, чудные реки, нет вас прекраснее на белом свете!

Интересно! Мудрость Уральских гор – это не только умение копить богатства, но и умение разделять соединяя. Уральский хребет – этот горно-лесной пояс, протянувшийся с севера на юг более чем на

две тысячи километров, является чертой разделения русской равнины – европейской части России, от Западно-Сибирской равнины, являющейся азиатской частью России. Между равнинами горные складки, да не простые, а золотые; это ли не загадка?

В глобальном масштабе Уральские горы или горные складки – это граница разделения Европы от Азии.

А с другой стороны – Уральские горы – черта соединения европейской части России с ее азиатской частью. Они соединяют Россию с помощью рек, берущих начало в Уральских горах. Так реки западного склона гор – Кама, Чусовая, Белая, относятся к бассейну реки Волга, европейская часть России. А реки восточного склона этих гор – Тавда, Тура, Пышма, Исеть, впадающие в Тобол, далее Иртыш – приток реки Обь, принадлежат к бассейну реки Обь – азиатская часть России. Так что Уральский горный хребет разъединяет и в то же время соединяет Европу и Азию, а прежде всего европейскую и азиатскую части России.

Урал разъединяет соединяя. Чудно, а на самом деле факт.

Именно уральские реки подсказали или открыли путь из европейской части России в азиатскую, и этим предопределили дальнейшее развитие России. Видно, Сибирь природой, а вернее Богом, присоединена к России.

Урал для наших родителей оказался местом ссылки, а для нас, детей, родившихся на Урале, это место, где мы впервые увидели белый свет – прекраснейшую уральскую природу. Такова жизнь, или мы сами создаем ее таковой?

Часть II

МАЛАЯ РОДИНА - УРАЛЬСКИЙ САХАЛИН

ПОСЕЛОК САХАЛИН

Наш Сахалин в глуши лесистых Уральских гор, здесь родились мы и сформировались. Наш Сахалин – наш дом родной: лес, горы, речка золотая – все в памяти нашей осталось. И все то было, кажется, вчера.

Да, расскажем мы не об острове Сахалин, расположенном на Дальнем Востоке, а о поселке Сахалин, построенном ссыльными из центральной России и Сибири в глуши зеленых Уральских гор. Эти два Сахалина могли объединять только ссыльные люди, высланные на остров или на Урал из центральной России за какую либо провинность, предъявленную теми или иными властями.

Так и наших родителей большевики выслали с обжитых их предками мест в самые глухие места лесистых, глубоко заснеженных зимой Уральских гор и долин. Тогда впервые Урал начали заселять ссыльными (ранее заселяли наемниками), но также в большей части русскими из центральной России и Сибири.

Снежные горы Урала порождали быстрые реки, которые часто выбирали золотоносные русла. Золотоискателей (старателей) тайных и явных много тогда работало на Урале, как раз в самых глухих местах. Высланные под контролем властей потеснили вольных любителей золота и стали добывать его для восстановления своей страны.

Не менее дорогим и нужным для восстановления разрушенного войнами хозяйства России был уральский вековой лес. В лесу не

было вольных любителей, так как лес надо было не только рубить и пилить, но и вывозить; искать способы доставки, что при отсутствии каких-либо дорог было самым трудным. А высланным все было по плечу. Лес сплавливали по рекам до железнодорожных станций, которые были далеко от вырубок; приходилось сплавливать лес из одной реки в другую, учитывать разницу в течении и ширине реки. Доставка леса шла с огромными трудностями для человека. Дороги были необходимы. Ссылных заставили их строить. Так появились новые автомобильные и железнодорожные дороги – пути от Свердловска на север Урала. Вначале строили узкоколейки, которые дали возможность вывозить лес в центральные районы страны. Узкоколейка проходила в четырех километрах от поселка Сахалин, через поселок Ниновское.

Работы для высланных было, как говорится, непочатый край. Страна требовала леса все больше и больше. Лесоразработки велись круглогодично и вблизи жилья, и вдали от жилья. Затрещала, заухала вековая уральская тайга, быть может, даже радуясь человеку, готовая послужить ему. А животный мир явно был недоволен, лоси быстро покинули обжитые ими места, а медведи – не торопясь, надеялись напугать людей, пытались быть рядом. И только когда вместо глухого леса возникали открытые поляны, они также вынуждены были отходить в оставшиеся, неудобные для вырубок глухие места. Климат был суровый, семь месяцев в году минусовая температура, одежда высланных не соответствовала климату, многие умирали от простуды. Для каждого ссылного устанавливались нормы, кто их не выполнял – жестоко наказывался. «Виновных» оставляли на лесоразработках без крова, без пищи, без лодки, если работали за рекой. Как они выживали, одному Богу известно, да и всегда ли выживали? Семьи Фоминых, Ковалевых, как и многие другие, прошли через этот, выше человеческих сил, труд лесорубов. Павел подвергался и принятым наказаниям.

Жили высланные в холодных деревянных бараках, построенных для лесорубов, спали на деревянных нарах; одну семью от другой отделяли перегородки или занавески. Тепла от печей не хватало на весь барак, теплой одежды не хватало, врачей не было. Много детей умирало тогда от простудных заболеваний – скарлатины, дифтерии. От этих болезней в 1931 году умерли близнецы, Геннадий и Настя, в семье Ковалевых. С 1932 года по 1938-й родились и умерли еще два сына – Василий и Александр. В живых осталась одна старшая дочь, которой при высылке было четыре года.

Власти, видя и понимая, что дети не выдерживают суровых условий содержания, просили родителей (ходили по баракам) отдать детей в детские дома, что некоторые и делали. Большинство же родителей не соглашались отдавать своих детей, в том числе и наши родители.

Но не только ужасные условия проживания и труда были причинами смерти детей и взрослых, а также отсутствие пищи. Высланных было много, а продукты питания доставлялись плохо и в недостаточном количестве. Возможно, их просто неоткуда было доставлять, так как колхозы только зарождались и не могли обеспечить сельскохозяйственной продукцией свою страну, а частные хозяйства были разрушены.

И власти пришли к выводу, что необходимо создавать сельскохозяйственное производство на месте, а верней, на вырубках леса. Ссылных, заканчивающих вырубку на выбранных местах, стали собирать для строительства нового поселка, который, позднее, получил название Сахалин. Место выбрали вдали от всех дорог и крупных населенных пунктов, в долине Уральских гор, вдоль реки Вогулки, впадающей в реку Нясьма, и далее в реки: Ляля, Тавда, Тобол, Иртыш и Обь. В детстве мы, конечно, не знали всей цепочки рек. Мы знали тогда только две реки: Вогулка, на берегу которой вырос поселок Сахалин, и Нясьма, быстро несущая свои воды в 500 метрах от него.

Тогда не задумывались и над тем, почему поселок, в котором родились, называли Сахалин, а то спросили бы у родителей. Видимо, это глухое и отдаленное на несколько тысяч километров от родных домов место, показалось им краем света, как и остров Сахалин. Возможно, что на название Сахалин повлияло и то, что с одной стороны его окружали лесистые цепи гор, с двух сторон – реки Вогулка и Нясьма, а с четвертой – леса и болота. Все дороги из поселка Сахалин проходили через эти две реки, через них были построены мосты. Мост, построенный через реку Нясьма, называли горбатым. Если перешел горбатый мост, то поселок уже рядом. Строили поселок Сахалин в основном русские люди, высланные в 1930–1931 годах из центральной России и Сибири, в том числе и наши родители.

Ссылных тогда бросали то лес пилить, то строить дороги, то добывать руду или золото, то хлеб растить. Поселок Сахалин вырос для того, чтобы хлеб растить и другую сельскохозяйственную продукцию.

На вырубках, где ранее плотной стеной стояли леса, шумели вековые высокорослые деревья, земля открылась солнцу. На лесных полянах стали корчевать пни, пахать землю, сеять хлебные культуры.

Для лошадей, единственных помощников человека в то время, сеяли овес.

И на открывшейся земле легко и весело зашумели зеленые хлебные поля. Они располагались сразу за жилыми строениями, окружая поселок и отделяя его от болотистого леса.

Суровые зимы требовали не только теплого жилья, но и теплой одежды – стали разводить овец; детям и взрослым нужно было молоко – стали разводить коров, затем кур, гусей, свиней, коз и даже пчел. Дикорастущие цветы способствовали разведению пчел.

Так постепенно создавалось сельскохозяйственное производство, которое в 1939 году преобразовалось в колхоз «Коллективный труд» в поселке Сахалин. Кто не хотел вступать в колхоз до ссылки, стал работать теперь в колхозе, создавая и развивая его. Это были семьи Ковалева, Корнухова, Боровкова, Попова, Алексеева, Кузнецова, Крючкова, Нестерова, Насонова, Фомина, Вострикова, Ермакова, Никанорова, Сапрыкина, Арсеньева, Делло, Гавриленко и другие. Среди высланных в это время были удмурты, в нашем поселке их было две неполных семьи.

В колхозе требовалось обязательно иметь личные хозяйства, так как на каждый двор (семью) налагался сельскохозяйственный налог. Все семьи ежегодно платили этот налог в натуральном виде – сдавали определенное количество яиц, молока и скота: телят, поросят, ягненка или козленка, а также овцу или козу. Каждую осень мы, дети, провожали за поселок этот, собираемый с колхоза и от селян, скот со слезами на глазах, так как за лето очень привязывались к нему.

Видимо, поэтому хлеба и личные огороды были у каждой семьи колхозника, а собственных домов не было. Все дома принадлежали колхозу, каждый дом на несколько семей, минимум на две, а в основном более. Наш дом был на пять семей. Для каждой семьи выделялась одна комната, примерно, четыре на шесть метров, пристраивались сени и кладовая, из сеней был выход на улицу. Туалеты строились холодными и метров на сто вдали от многосемейных домов. В комнатах, которые назывались квартирами, из кирпича складывали русские печи с каминами. В нашем доме, было пять печей и соответственно пять труб на крыше дома, на других две, три, четыре. За время нашего проживания пожаров в домах не было, ни один колхозный дом не сгорел. Как аккуратны были люди, ведь дома-то все были деревянные!

О собственных домах высланные уже не мечтали, а дети, рожденные в колхозных домах, и представления о них не имели, поэтому и мечтать не могли.

Стоит, видимо, коснуться и 1937 года. Он не прошел мимо семьи Ковалевых, по чьему-то заявлению (как выяснилось позднее, это был человек «Петлоровской команды»), кто, заявляя на других, активно мыслящих, но высланных людей, спасал жизнь себе, а соответственно – своей семье; в числе десяти мужчин из нашего поселка, привлеченных к уголовной ответственности, оказался Ковалев Павел Андреевич. Ссылных легко было обвинить в чем угодно. Ему предъявили обвинение в том, что он якобы сжег базы в отдаленном от нашего поселка районе. Требовали признания вины, как рассказывал отец, угрожали пистолетом, но он не признал предъявленное ему обвинение, говоря: «я ничего и нигде не поджигал и не сжигал». Павел Андреевич находился под стражей в Соликамской тюрьме с января 1938 года по апрель 1939 года. Не доказав вину, его освободили из-под стражи «с выдворением в ссылку», так написано в его деле.

Выйдя на свободу, он не смог удержаться, чтобы не выяснить, сгорели ли те базы, за которые ему предъявляли обвинение? Оказалось, что они и не горели вовсе. Более года, проведенные в холодном подвале, практически без света, впроголодь, очень сильно подорвали здоровье Павла. Печальная история, стыдно за власть, тяжело и больно вспоминать об этом времени, но это факт жизни.

Вопреки всему Павел Андреевич выжил и вернулся к своей семье, в колхоз «Коллективный труд». В августе 1940 года в семье Ковалевых родилась девочка, ее называли Настя, в память о сестренке Насте, которая прожила всего два года.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ - ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

«Милые зеленые горы!

*Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью
в родные зеленые горы, мне начинает казаться,
что и небо там выше и ясней, и люди там такие
добрые, и сам я делаюсь лучше».*

Д.Н. Мамин-Сибиряк, наш земляк.

Свою третью и последнюю дочь Павел Андреевич и Мария Петровна называли Настей, как вторую дочь, которая умерла. Вторично Настя, а почему? Возможно, потому, что в то время имя Настя было очень распространено, так сказать, было в моде оно. А возможно, родители надеялись на удвоение сил, чтобы трудности жизни умела преодолевать и второе дыхание открывать на случай, если первое вдруг откажет. Потеряв четырех детей, ее родители были рады последнему ребенку, желая только одного – чтобы она жила. Но трудности ссылки давали о себе знать, сестер и братьев рядом не было, защитить было некому, а родители работали с утра до вечера ежедневно. Она же оставалась одна и, будучи мала, часто плакала она. Когда с работы прибегала ее мама, дочурку на руки брала, к себе с тревогой прижимала и вместе с нею плакала она. Дочурка вскоре затихала, с колен тихонечко слезала и для домашних дел ее освобождала. Сама была довольна тем, что не одна, а с близкими людьми она. Павел Андреевич в такие моменты не грубил, он тихо лишь произносил: «У вас глаза на мокром месте», – печально улыбался и за дела скорее брался. Спешил он печку затопить, чтобы жена смогла сварить суп или кашу, или просто пожарить картошку, чтобы солеными грибочками поесть в охотку. А после ужина он дочку учил рисовать, мать же спешила все в доме убрать. Завтра снова на работу, но не эта ее забота. Работать она всегда умела, за дочку ее сердце болело. «Хоть бы скорее подросла и покой душе принесла», – только об этом Мария Петровна мечтала и с дочкой рядом засыпала.

И девочка росла, становилась все смелее и понятливой была.

Когда научилась читать, то очень удивилась факту «двойного рождения», это ее даже ободряло. Всем подругам объясняла, что родилась в 1929 году, умерла в 1931 году и вновь родилась в 1940

году. Затем подтверждала официальными документами – свидетельствами о рождении и смерти на свое имя, отчество и фамилию. Доказательства были неоспоримы, но в душе она жалела и сегодня жалеет своих братьев и сестру. «А мне, – говорила она, – могли дать другое имя, например Рая и всего-то».

Когда еще подросла, то она уже не вспоминала о «двойном» рождении, чтобы не тревожить свою сестренку. А просто жила, делала то, что могла, училась петь и плясать, и в школе от других не отставать.

«Была маленькая, смешливая, но очень добрая, – вспоминала одна из подруг ее детства, – все ей нравилось: и речка, в которой она купалась и на лодке каталась; и горы, на которые часто забиралась и с удивлением смотрела на беспредельность мироздания, а также вниз, на поля, дома и на лес, в который не боялась ходить, даже младших детей за собою водить. В лесу находила много интересного, а главное из него никогда не приходила пустой. С детьми собирала ягоды, с отцом собирала грибы».

Да, Настя всегда радовалась всему живому в лесу, тому, что видела и слышала в нем. Куче муравьев, как какому-то открытию; ее не смущало, что муравьи ползут по ногам и рукам, когда она около этих куч собирала ягоду, которая здесь всегда крупнее. Она легонько их сметала и в живых всех оставляла. «Чем больше жизнью сбережем, тем дольше сами проживем», – так, видимо, считала.

А если встречала полянку среди леса, освещенную солнцем, да землянику яркую и сочную, то радости не было предела, а из души песня летела:

...До чего же хорошо кругом!!! Земляника покраснела под кустом.

Настя 1953-й год.

Так и просится в корзинки и манит сойти с тропинки.

Много ягод наберем, наберем. До чего же хорошо кругом!..

Тогда сахалинским детям везде надо было успевать и в лесу побывать, и на колхозной работе, и на своем огороде успеть прополоть грядки овощей от сорняков, а в жаркие дни полить эти грядки. И Настя поливала, несмотря на то, что для этого ей приходилось заносить два тяжелых ведра с водой на высокий берег, а потом нести до огорода. Полив огород, радуясь солнцу и тому, что все хорошо росло, она снова обращалась к песне:

...хороша земля, мой край дорогой,
люблю тебя всей русской душой!..

И в доме, как и все, она убиралась; только с песней и здесь не расставалась:

Встану рано поутру, поутру.
Все я в доме приберу, приберу.
Я воды принесу, вымою посуду;
И полы подмести я не позабуду!..

Любила книги, часто даже ночью читала, за что мать ее ругала. Проснется ночью, свет горит, значит за книгою Настя сидит, выключит свет, скажет: «Скорее спать, завтра в школу идти, надо рано вставать». Книги были интересны, а дорога в школу долгой. И прочитанное ночью пересказывалось утром по дороге в школу легко и быстро. Школьникам нравилось, как она рассказывала, и ее просили, чтобы назавтра она могла рассказать что-либо новое. Ругаться, а тем более драться не умела, даже сердиться не могла или не хотела.

Конечно, и уральская чудная природа делала свое дело. Родители всех сахалинских детей по принуждению властей оказались на Урале, а мы – Валя, Надя, Настя и другие, родившиеся на Сахалине, да и привезенные малыми детьми, как Лиза, радовались, что жили на Урале в поселке Сахалин, так как очень сильно полюбили его.

Урал седой и мудрый, Урал золотой и рудный, здесь камни самоцветные самые чудесные. Уральские родники чисты, мы пили холодную родниковую воду и варили на ней еду, а для хозяйственных нужд использовали речную воду. Уральские реки светлы и быстры. Уральские леса богаты ягодами и грибами. Уральские горы не высоки, но богаты и красивы, все зеленым лесом и цветами покрыты.

Если заберешься на одну из гор и посмотришь вниз, то видишь как прекрасна земля, рядом лес и поля, наша речка и пруд, и дома, где

живут. А если посмотреть вокруг, на сколько охватывает глаз, видишь цепи гор, заросшие лесом, зеленые перевалы между ними и огромное голубое небо над безбрежным зеленым лесом. Широта и простор, чистый воздух тех гор захватывали дух, так хорошо было вокруг. Когда же появлялись облака, то казалось, что они плывут по верхушкам горного леса.

Долго смотреть с высоты на вершины гор – эту зелено-голубую беспредельность и медленное движение облаков – небезопасно, может закружиться голова, поэтому лучше стоять подальше от края вершины, чтобы не упасть.

На горы ходили по одному и группами, любили петать на ближней к поселку горе, и песни, как птицы, легко и свободно летели в неизмеримое голубое пространство, и на душе была тихая детская радость от созерцания торжественного величия уральской природы. С песней становилось легче и спокойнее всегда, ведь, если весело, – поешь веселую песню, а если грустно, то успокоит все-таки грустная песня. Петать любили все сахалинские дети.

Когда же ты долгое время находишься одна на вершине горы, то тебе может показаться очень одиноко на этой высоте, среди широко распахнутого мира и захочется скорее спуститься вниз, к людям, к реке. Если же ты будешь с друзьями, то все будет прекрасно, поднимется настроение и тебе будет не страшно и не одиноко, а радостно, и появится стремление идти вперед и преодолевать эти горы одну за другой. Но не только горы ей пришлось преодолевать в своей жизни, а как и всем нам, этапы жизненного пути, в конечном счете, это те же подъемы и спуски, и где также многое зависит от окружения, быть может не только друзей, но и единомышленников.

Но как и в детстве, она спешила успеть побольше, не обращая внимания ни на подъемы, ни на спуски. Замуж, правда, не спешила и свое сватовство легко пережила. Мы также слегка его коснемся.

А было это во второй половине 20-го века, когда утвердилась Советская власть. Тогда призывали не к сватовству, а к любви. Чтобы молодые люди свои семьи по любви создавали и в этом счастье познавали. Но трудно было сватовство искоренить, оно и тайно могло быть. О чем сама Настя расскажет.

«Окончив школу на четыре и пять, решила в вуз я поступать.

А здесь откуда ни возьмись сваты пришли, и весть другую принесли. Они решили сына своего женить, коль скоро заберут его слу-

жить, чтобы невестка в доме их жила и сына с армии ждала. Родители решили так и не иначе, и выбор пал на Настю, а почему, предполагаю. Павел и Мария, мои родители, были преклонного возраста, еще из 19-го века, сваты и надеялись, что свои взгляды они поменять не могли, сватам обрадоваться должны. Их дочь на выданье, а у нас сын здоров и самообеспечен, какие могут быть тут речи? Отказа быть не должно, и слова сватов звучали уверенно. Мать мне сказала: «Иди погуляй, разговор серьезный, но ты не переживай».

Долго говорили или нет, но разум подсказал ответ.

Отец сватам вдруг отказал; мою судьбу он мне отдал.

Молвил: «Дочери надо учиться, а время ее придет, сама найдет с кем вместе жить и трудиться. Я не имею права ей жениха искать и за ее будущее отвечать. Я стар, и жить-то мне недолго, ошибки той исправить не смогу и не хочу пред нею быть в долгу».

Подивились сваты тем речам, долго Павла вразумляли, да не на того напали. Поблагодарили он сватов, что в дом его пришли, извинились, что невесты не нашли.

И снова повторил: «Другие времена, учиться дочь моя должна».

Так те сваты ушли ни с чем, а молву об отце понесли всем, что изменился старик очень и судьбой дочери не озабочен. Мать в правоте отца, как видно, сомневалась, но в молчании осталась. Отец был ближе к новому времени, чем мать, она же не хотела его замечать. Наверно, память о сестре ему покоя не давала, он считал, что сосватали и выдали замуж ее рано. Когда же сватать дочь его пришли, то одобрения, конечно, не нашли.

«Она сама свою судьбу должна создать, сама же за нее и будет отвечать. А мы, пока живы, ей будем помогать», — пояснял отец соседям и друзьям.

Так и получилось, Настя сама свою судьбу создавала, но это было не просто. Ее жизнь оказалась насыщенной и напряженной.

Зимой учеба в школе, летом работа в колхозе. Затем учеба в техникуме (вся группа была женской), защитилась на отлично, получила специальность техник-электрик проводной связи. Затем работа по специальности, семья и учеба в институте (группа была полностью мужской), защитилась на отлично, получила специальность инженера-электрика. Далее — семья и работа по полученной специальности. А можно и так сказать, все верно будет:

Ее жизнь очень просто прошла, где надо было, там была.

На целине детей растила и свет, и связь в дома вела.

Взрослея, она уже не была смешливой, а была серьезной и строгой, как ее мать. Расслаблялась только на природе при хорошей погоде, тогда она излучала постоянно присутствующую в ней энергию действия и яркий свет радости жизни. И опять эта энергия находила свое отражение в песне. Песня всегда была рядом – и в радости, и в печали, не зря она часто напевала «Нам песня строить и жить помогает...». Еще одна песня «Веселый ветер» с ней рядом жила, ее она также всегда напевала:

...Кто привык за победу бороться

С нами вместе пускай запоет.

Кто весел тот смеется!

Кто хочет тот добьется!

Кто ищет, тот всегда найдет!..

Эти слова она в душе всегда держала и в трудные минуты вспоминала.

Плохую же погоду на улице воспринимала, как должное, и к неудачам относилась внешне спокойно, что было внутри, никто не знал.

Во взрослой жизни у нее не было близких друзей, ей было не до них, она совершенно не имела для них времени. Общалась с однокурсниками, с соседями, с коллегами по работе, со всеми отношения прекрасные, и к ней относились хорошо, но все это было на ходу. Встречаться, делиться жизненными впечатлениями было некогда, а возможно, не было желания. Она не любила кого-либо обсуждать, считая, что не имеет на это права. Помочь была всегда готова и помогала, а свои проблемы старалась решать сама, а если помогали ей, то внутренне за помощь благодарила, но подарков не преподносила. На работе серьезна, но всегда готова выслушать. Задачи по работе определяла, исходя из потребности развития производства или услуг, нужных для населения. Сначала сама обдумывала их решение, имея в виду несколько вариантов. Затем спокойно и доступно объясняла необходимость их решения инженерно-техническому персоналу, советовалась с ним, выясняя также, что можно сделать самим, а где специалистов надо приглашать, и принимала окончательное решение. Работали результативно и премии за это получали, хотя не всегда их замечали, так как решив одну задачу, тут же брались за другую. Одного дыхания здесь явно не хватало, и второе дыхание появлялось всегда в нужное время. Она благодарна также людям, которые окружали её по жизни за то, что дали ей возможность прожить интересную жизнь.

«Мне повезло, – говорила Настя, – свое время, начиная с 1945 года по 1985 год, считаю мирным временем, так как 40 лет при моей жизни не было войны с моей страной. Это было время энергичного труда на целине, на стройках века, в нефтегазовой отрасли, чему я была очевидцем и участником. Поэтому большинство моих сверстниц, а тем более сверстников жили также насыщенно – учеба, работа, семья. Разница только в том, что в связи с переездами мужа мне приходилось начинать несколько раз заново с должности инженера, снова расти и опять начинать на другом предприятии; если требовались дополнительные знания – снова учиться, но уже самостоятельно, используя литературу технических библиотек. Семья также требовала повседневных домашних дел. Удивляюсь и сейчас, как сумела выдержать такой темп жизни? Ответ один – наличие второго дыхания!»

Жаловаться на судьбу не умела, но кое о чем сожалела. В рабочие дни, а иногда и в нерабочие, работала, часы не наблюдая, явно материнским теплом, воспитанием и вниманием детей обделяя. Надеялась, что трудовой порыв для них наукой будет, все остальное само прибудет-придет. Но старшая дочь думает иначе.

«Внимания детям отдавать надо было больше», – говорит она. Возможно, так считают и ее младшие сестра и брат, несмотря на то, что дома они не оставались одни, с ними была ее мать, благодаря которой она и смогла работать на ответственных должностях. Настя часто вспоминала звонок матери: «Как сейчас слышу ее голос по телефону, такой спокойный, такой милый и родной: «Настя, ты скоро придешь домой?». Звонила Мария Петровна всегда после семи часов вечера. Понимая, что Настина работа требует большой отдачи сил и времени, она звонком напоминала ей, что не должна забывать о семье. И Настя считала, что не забывала, все отпуска детям отдавала и все то время, что была дома. Конечно, этого было мало. Но дети выросли, все получили высшее образование по специальностям, которые, казалось, так нужны стране, создали семьи.

Надежда на детей сбылась, но тут перевернулась власть, да резко так, сменив режим и призывая к новому мышлению.

Но не будем о власти, мы всегда были от нее далеки. Что значит прожитая жизнь, как трудно ее по полочкам разложить. Тем более, когда в стране такие изменения, что постоянно просятся сравнения. Вернемся все же к последовательности повествования.

Как сказано ранее, здоровье Настиного отца плохое было, хотя вслух он никогда не жаловался. Павел Андреевич умер раньше Марии Петровны на двадцать три года, не увидев своих внуков, о чем Настя также сожалела. Но тем довольна, что выполнила две просьбы отца: получила высшее образование и помогла встать на ноги, то есть получить специальность, племяннику. Настины родители верили в нее, и она оправдала их доверие. В жизни обязательно надо, чтобы в тебя кто-то верил. Чем больше людей в тебя верят, тем легче по жизни идти и успех в делах приобрести — факт, который подтверждается опытом жизни.

Итак, уяснили, что второе дыхание имеет место быть не только в спорте, но и в жизни.

Как быстро и легко о Насе рассказали, и детство быстро пробежало, а было не такое уж легкое у сахалинских детей. Их детство прошло в колхозе «Коллективный труд», и расскажем о нем подробнее, но немного позднее, так как представление о времени, по нашему мнению, также имеет значение. В одно и то же время одни работали в колхозах своей страны, другие сражались за нее на войне, а третьи росли и учились жить спокойно.

СПОКОЙСТВИЕ. ОТКУДА ОНО?

*«Родина — наша вторая мать,
а такая родина, как Урал, тем паче».*
Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Спокойствие, откуда оно? От рода своего, от семьи, от родины, или от окружения: от природы, от заботы, от спокойных людей? А может быть, от всего вместе? Очень спокойными росли у нас Настя и Нина.

Обе они жили на берегу чистого пруда, с другой стороны которого расположены горы, склоны гор представляли собой то голые скалы, то горы, заросшие лесом, более всего соснами. Обе следили за двором, своевременно убирая и подметая мусор. Часто соревновались, как при работе на прополке полей с овощами, так и дома, когда мыли полы, выясняя, у кого чище.

У Нины сложная судьба, она росла без отца, а затем и мать тяжело заболела, ей пришлось растить брата. Спокойствия хватило на четверть века. «А далее все было, – как она говорила: – и ругаться научилась». Это не говорит о том, что она постоянно ругалась, конечно, нет, но часто, в детстве же вообще не ругалась. У Насти спокойствия хватило на более длительный срок, только ближе к пенсии ее нервы начали сдавать, но ругаться так и не научилась.

Она росла в полной семье, родители (отец и мать) при ней никогда не ссорились, во всяком случае, она не слышала каких-либо ссор в доме, хотя они наверняка имели место, но в ее отсутствие. В поселке также не слышала ссор, вернее, не слушала, занята была: домашние дела, книги, лес, горы, спокойная гладь пруда за окном, цветущая черемуха, полянки с яркими цветами и земляникой, засеянные поля пшеницы, ржи, овса, гороха, работа на колхозных полях, были ярче для восприятия. Находили сахалинские дети, где время провести: побегать, поленоваться, покусать ягод прямо с веточки зеленой и поработать с тяпкою веселой. Но и при работе на колхозных полях, когда сажали и копали картошку или пололи овощные поля от сорняков вместе со взрослыми, те также не ругались и не ссорились. Может, потому что уставали и, когда садились отдыхать, было не до ссор? Наоборот, рассказывали что-нибудь интересное и веселое, видимо, чувствовали, что рядом дети и не стоит детским ушам всякие дразги слушать.

Интересный факт – в поселке или на работе, если даже кто-то начинал шуметь, его сразу останавливали, говоря: «Ты не петушишься, успокойся и объясни, что случилось?» Это слово «не петушишься» тогда не требовало перевода, все сразу ясно понимали – случилась какая-то необычная ситуация, но, чтобы ее понять, надо спокойно о ней рассказать. А можно перевести и по-другому: не будь петухом, а будь человеком, успокойся, тогда и объясняй.

Конечно, и в поселке иногда ругались и ссорились, но, видимо, в коровниках или на других работах, но только не при детях. Все это явно сказывалось и на поведении самих детей.

У Насти никогда не возникало желания покричать, пошуметь на кого-то. У нее было какое-то устоявшееся внутреннее чувство, что она не имеет на это права. С другой стороны, она также не могла понять, когда вдруг на нее кричали, хотя это было очень редко. Она сразу замолкала и потихоньку уходила, будто говорила: «Опомнитесь, подумайте, я же понимаю и без крика».

Немного забежим вперед, когда ее дочь Наташа пошла в первый класс, то учительница, встретив Анастасию, спросила: «Вы никогда не кричите на детей? Наташа очень тяжело воспринимает крик, у нее в глазах недоумение, вопрос: почему кричат? Она как-будто говорит: «Я и так понимаю, без крика».

Также запомнился случай, который произошел с Настей на работе, когда она, будучи молодым специалистом, начала работать электромехаником на телеграфе города Омска. Тогда она сделала большую ошибку, замерила не ту линию (штепсель не в то гнездо воткнула на коммутаторе), в результате получилась техническая остановка — простой линии связи. Ее вина явная, она это поняла и внутренне отругала себя за невнимательность, решив на будущее, что такого не повторится. «А если не знала или сомневалась, где эта линия, надо было спросить, я также этого не сделала», — вспоминала она. Сменный инженер тогда очень кричала на нее и так долго, что Настя тихонько вышла из зала на некоторое время, но так как это была ее смена, она не могла уйти совсем. Спокойствие ее заключалось в том, чтобы не кричать, не обижать, не унижать другого человека, не драться, но оно не исключало переживания за любой произошедший инцидент, но опять же про себя.

Здесь она рассказала об этом крике своей однокурснице Зине, та спросила: «А ты сама можешь повысить голос когда-нибудь или на кого-нибудь, ты уж очень спокойна, ничем тебя не вывести из себя; как ты собираешься жить, надо уметь и постоять за себя». Она промолчала, а про себя подумала: «Да, конечно, но только не ответным криком, а дав возможность самому кричащему осмыслить свое поведение».

Продолжая работать молча, Настя старалась не встречаться со сменным инженером и не только в эту смену, а и в последующие.

Сменный инженер, звали ее Белла Иосифовна, наконец, сказала: «Настя, ты же была виновата, это действие могло быть даже опасным». Молча выслушав, Настя не стала более избегать встреч. Все замечания она слушала чаще всего молча, чтобы их понять и, если говорящий прав, принять.

Белла Иосифовна более никогда не кричала на нее, даже в том случае, если у нее что-то не получалось. Когда же ей пришлось уволиться для переезда к мужу в другой город, они расстались хорошими друзьями, хотя по годам у них была большая разница. Коллектив смены, в которой она работала, преподнес ей небольшой подарок на память. Но Белла Иосифовна ее так же, как и однокурсница, предупредила: «Люди разные, умей иногда постоять за себя».

А она все равно надеялась на разум человека. Всегда считала, что во всем можно разобраться без крика, и если не сразу, то все равно человек поймет, что он не имеет права кричать на другого, тем более, что она никогда никому не желала плохого. Она не понимала, почему надо кричать. «Перед тобой человек тебе подобный, с головой и мозгами, объясни спокойно, чтобы он мог понять. Если не хочет работать, посоветуй найти другую работу, которая ему нравится. Если не знает, подскажи, научи, или отправь учиться. Если молодой специалист, дай ему время и помоги практически, и опять все будет хорошо. Если нарушает дисциплину труда, правила в работе, то накажи, как установлено наказывать на данном предприятии, но не унижай человека криком».

Так считала и до сорока лет строго придерживалась этих понятий. А после сорока лет вдруг сама начала повышать голос и иногда кричать, чему в первый раз очень удивилась. Даже мужу сказала, что нервы стали сдавать, стала голос повышать на своих работников, видимо, пора уходить с этой работы. И вскоре ушла на другую, совершенно новую для нее, работу, где пришлось самостоятельно и с помощью технических библиотек многому учиться. Ей повезло, еще десять лет ей не было необходимости повышать голос на работе. Надеялась, что за это очень занятое время нервы успокоятся, но, растянувшись, они, видимо, уже не сжимаются. Ей пришлось снова поменять место работы, где с подчиненными не было причин повышать голос; с начальником же так не получалось, отстаивая свою точку зрения, повышала голос, что, естественно, не помогало, и она это понимала, но не могла себя сдерживать. За это потом казнила себя дома. Если не желаешь, не хочешь чего-то делать, а делаешь, значит, надо менять обстановку. А тут и года подошли, пришлось ей пораньше, чем думала, на пенсию уйти.

Видимо, на самом деле ей не дано было права повышать голос на постороннего человека, кем бы он ни был; она была права, понимая это с детства.

Анастасия, прожив пятьдесят лет, никогда не оправдывала скандалов соседей; но никогда и не вмешивалась в эти скандалы, в ее семье ни родители, ни муж, ни она никогда не ругались с соседями, им, видимо, везло на них. Драки также не воспринимала и относилась к ним на водку, затуманенность мозга и очень сожалела, что человек не знает меры пития.

А смысла войн вообще не разумела. «России нет причин с кем-либо воевать, в ней можно жить спокойно и созидать», - так считала.

Конечно, для этого необходимо на провокации не поддаваться, умело защищаться, а при нападении уметь сражаться так, чтобы отбить охоту в дальнейшем нападать.

Но все это не так просто, в связи с тем, что человеческий мир не может, а вернее, не хочет мирного сосуществования, надо уметь защищать себя, это факт.

О ВОЙНЕ И МАМИНОЙ РОДНЕ

Мамины четыре брата и семь сестер приняли советскую власть, и она им помогла выучиться и получить работу. Затем все создали семьи и желали одного – работать на благо своей страны, получать зарплату для материального обеспечения и радоваться семейному счастью, о чем они вспоминали при встречах со мной, но не тут то было, снова беда пришла из-за «бугра».

Фашистская Германия, поддавшись идее своей гегемонии, усиленно готовилась к войне. Начав ее, быстро покорила почти все страны Европы, но ей показалось этого мало, Россия ее больше всего привлекала. А в то время Россия была не одна, среди братских народов находилась она и называлась Советским Союзом. И немецко-фашистская армия, пополнив себя солдатами покоренных европейских государств, пришла на советскую землю: с танками, с пушками, с самолетами, сбрасывающими бомбы на мирные города и села; с автоматчиками, которые после проведенных бомбежек и огневой стрельбы устраивали свой порядок, убирая «неудобных». Расстреливали и тех, кто считал, что это их земля, они здесь родились, и никто не имеет права здесь хозяйничать. Но Германия для этого и пришла, чтобы поработить другой народ и захватить его территорию. Оставалось одно только – защищаться, так началась война против советского народа.

Эту войну с 1941 по 1945 год называли Великой Отечественной, в ней принимали участие все граждане СССР, даже те, кто был в лагерях и ссылке, если им давали такую возможность.

Вся мамина родня оказалась на оккупированной территории и перенесла все ужасы этой страшной войны.

Я не была в том аду. Была мала и жила на Урале, о ней дяди и тети позднее рассказали. Все они, кто как сумел, пережили эту войну.

Тетя Дуся и дядя Петр погибли на фронте, дядя Миша пришел с войны инвалидом, прожил не долго. Дядя Вася и дядя Георгий пришли с войны контуженными, но могли работать.

Тетя Тоня с частью жителей сумела выбраться из окруженного Ленинграда, привязав трехлетнего сына к лыжам. Тащила эти лыжи неизвестно сколько дней и ночей, питались только снегом, но добрались до населенных пунктов, не охваченных военными действиями, жители которых помогли им, полумертвым, выжить.

Тетю Пашу с пятью детьми (младшей было два года) немцы забрали и отправили в концентрационный лагерь, как жену красного командира. Спасли их советские войска, когда пошли в наступление. Из лагеря они вышли в рогоже, но живые.

Тетя Зина, самая младшая в семье, эвакуировалась вместе с матерью и четырехлетним сыном. Во время эвакуации, при бомбежке их колонны немецкими захватчиками, погиб ее четырехлетний сын, а сама она, получив осколочные травмы, потеряла зрение. Они вынуждены были вернуться в свое село, несмотря на то, что его уже заняли немцы. Боясь их, рискуя жизнью, бабушка стала искать среди них глазного врача и нашла. Немецкий врач - глазник оказал тете Зине необходимую помощь, вернул ей зрение, которое сохранилось до конца жизни. И такое бывало, если человек оставался человеком, а не превращался в зверя. Она часто вспоминала этого глазного врача с благодарностью. Когда же разговор заходил о сыне, она опускала голову и молча плакала, тогда все старались перевести разговор на другую тему.

Тетя Таня сумела вовремя эвакуироваться с двумя детьми, а после освобождения ее родной земли от захватчиков вернулась в родные края, где и дождалась мужа-инвалида.

Тетя Шура осталась в городе Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), окруженном немецкими захватчиками, желая быть рядом с сыном. Ее сын, Анатолий, закончил десять классов в 1941 году с золотой медалью и был надеждой всей родни, беда ж пришла для всей страны.

В Ленинграде 1941 год стал годом, когда выпускников средних школ с ионьского школьного бала провожали на фронт. Враг рвался к Ленинграду, а город был не готов к военной атаке. Большинство вы-

пускников - десятиклассников прошли ускоренную военную подготовку и записались добровольцами на ближний фронт. Анатолий был одним из них; с винтовкой против автомата пошел он на защиту Ленинграда. Мать его копала окопы у стен города, а сын находился в отряде ополченцев, не давая захватчикам войти в город. Через три месяца его убили. Тетя Шура пережила блокаду и дождалась освобождения города. Всю жизнь она хранила вещи и все, что касалось сына, не желая верить и слышать, что он погиб.

Как жестока и страшна война, сколько горя людям принесла она, сколько мучений, этого ни описать, ни тем более представить невозможно.

Война забрала Анатолия: от матери, которая любила его больше жизни; от города, которому он хотел посвятить все лучшее, что у него было; от страны, которую он любил. Дяди и тети добровольца часто вспоминали, умным парнем называли и печально все вздыхали.

Для окончания повествования о тете Шуре, добавлю, что после войны она продолжала работать учительницей, пользовалась большим уважением у родителей учеников, чему я сама была свидетелем, когда посещала Ленинград, и она знакомила меня с городом. Позднее ей присвоили звание заслуженного учителя Союза Советских Социалистических Республик.

Война уничтожала мужчин — солдат не считая, четыре мои родные тети так и прожили до конца жизни вдовушками. А сколько детей росло без отцов.

В народе говорят: «Конец хороший - все хорошо». Фашизм в 1945 году был побежден, это главное, территория Советского Союза полностью освобождена от врага, мирный труд обеспечен, но за это советский народ заплатил жизнями двадцати семи миллионов человек. А сколько погибло по всему миру в эту войну? Страшна война и нет ей оправданий.

Мои родители отбывали наказание в ссылке, неизвестно за что. А мамина родня переживала страшнейшее испытание — войну, но также неизвестно почему. Нам кажется, что ни сегодня и ни в будущем нет оправдания ни тому, ни другому. Это можно отнести только к идейному или полному безрассудству.

Мамина родня тяжело пострадала от чужеземной напасти, а родственники отца, — казалось бы, от своей, Советской власти. Но все они, кто выжил, несмотря на то, что были приговорены к смерти, ос-

тались до конца жизни людьми доброжелательными. Я не видела и не чувствовала ненависти, злости у своих родственников, переживших войну и ссылку, но душевная рана и физическая боль осталась у всех.

Вернемся на Урал, где мирно и в то же время подневольно трудились ссыльные и их дети, правда, во время войны они считали, что трудились для фронта. Расскажем о жизни в колхозе, где наши родители отработали более четырнадцать лет из 23 лет, что находились в ссылке.

КОЛХОЗ «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД»

✓ *«Одно есть только в мире счастье—
весь божий свет душой любить!»*

И. А. Бунин.

Население колхоза «Коллективный труд» в поселке Сахалин росло, прежде всего, за счет высланных. После 1942 года появились высланные по национальному признаку: семьи немцев, крымских татар, армян, греков, которым по каким-то причинам не доверяли власти в военное время. Условия проживания для них, в основном южан, были непривычны и тяжелы. Их расселяли в деревянные дома с печами и каминами, но очень тесно. Иногда семья в семь или восемь человек жила в одной комнате. В первые зимы многие из них обмороживали ноги — носки примерзали к ботинкам. Затем приобрели теплую одежду и научились ходить в валенках.

Колхоз пополнили семьи Классен, Бернгард, Цейхместера, Квирина, Манклера, Мартенс, Друженец, Май, Шахмеликьян, Муратова, Ахметова, Аблаева, Исмагулова, Исмаилова и другие.

Так что наши односельчане — это немцы и армяне, татары, русские и украинцы, а также греки, оказавшиеся на чужбине.

В поселке Сахалин все были высланными, а значит, и равными в правах и обязанностях при работе в колхозе. Несмотря на многонациональность, крупных ссор, а тем более драк на национальной почве среди взрослых не было.

Думается, что русскими, высланными ранее, была создана доброжелательная, мирная обстановка в поселке Сахалин, и вновь прибывшие быстро это понимали и не пытались ее нарушать. Считаем важным и то, что в поселке Сахалин не было магазина, и ни в одной семье не варили самогон или брагу, спиртное отсутствовало.

Среди детей – школьников редко, но драки на национальной почве имели место, в связи с тем, что многие дети остались без отцов, которые погибли на фронтах войны. Мне не нравились драки, злость среди людей.

Лиза, моя одноклассница и подруга, немка по национальности, имела двух братьев, также школьного возраста, говорила мне при возникновении драк: «Отойди, а то попадешь случайно под горячую руку», – я уходила, но очень печальной. А назавтра опять все вместе шли в школу и даже не вспоминали о прошедшей драке. Видимо, никто из родителей не поддерживал эти драки.

В доме своих родителей никогда не слышала осуждения какой-либо нации. Мама, узнав, что ко мне приходит Лиза, единственно, что сказала: «Настя, у Лизы другая вера, не смейся и не мешай, если ей надо помолиться или провести какой-то свой обряд». Это говорило о том, что я должна уважать другую веру, но вера не должна мешать нашей дружбе. Опыт жизни подтвердил сказанное родителями. Только уважение одной нации другой, а не унижение и оскорбление, способствует доброжелательной обстановке в условиях совместного проживания.

В колхозе было принято, чтобы колхозники были ответственны друг перед другом, если не могут помочь, то хотя бы не мешали жить друг другу, и старались соблюдать общественные правила поведения: не придирается, не ругаться, не драться, не забывать, что каждая нация создана для жизни. Большинство понимали, что только уважение, а не оскорбление способствует уменьшению человеческой грубости, и вели себя соответственно.

И сахалинские дети росли на этих понятиях.

Интересно то, что родители редко говорили об этом вслух, как будто считали это само собой разумеющимся и всем известным, а поступали именно так. Они встречали новых появившихся высланных любой национальности такими, какими они были, но подсказывали, как жить в новых для них условиях; объясняли, что съедобно в лесу, а что нет; что можно сразу есть, а что надо отваривать; помогали освоить ту работу, какая для них была новой и те правила поведения, кото-

рые были приняты. Самыми недоверчивыми оказались татары. Постоянно недоедая и голодая в новых для них условиях, они думали, что все, что растет, можно есть и у дорог собирали ядовитые грибы. Отец им говорил, что у дорог растут ядовитые грибы, и есть их нельзя ни в каком виде; они не верили, считали, что жалко, что просто не хотят им давать грибы. Даже были отравления, только потом поняли, что здесь, среди колхозников, им никто не враг и никто не желает им плохого; тогда успокоились и почувствовали себя равноправными членами колхозного коллектива.

В наш дом приходили все, независимо от национальности, и к отцу, и к матери. К отцу шли посоветоваться и поговорить о колхозных делах. К маме – написать прошение в Правительство (более всего К. Е. Ворошилову), в котором поясняли ситуацию высылки и просили освободить от нее, а более просили пояснить, куда попали их родственники, так как многие семьи были разделены. Она в молодости девять лет работала секретарем в советском суде и умела писать такие прошения.

Мама большую часть жизни прожила среди русских и только в ссылке познакомилась с людьми других национальностей, они ей были интересны, и относилась она ко всем с большим уважением. Написанные ею прошения помогли гречанке, Марии Муратовой, она с сыном ранее других уехала из Сахалина на юг. Ее прошения помогли армянской семье, Шахмеликьян Татьяне, она с сыном также смогла ранее уехать из Сахалина. Позднее при встрече с ними на юге они с благодарностью вспоминали моих родителей. Еще были высланные, которым помогли ее прошения найти родных или сократить срок ссылки, но я не старалась запоминать фамилии, которые приходили с благодарностью.

В связи с большим количеством национальностей в колхозе было много смешанных браков, а точнее, семей, которые часто распадались, а дети оставались при матери и росли сиротами – без отцов. Это вызывало боль в душе мамы. Она не могла этого понять, поэтому была против смешения национальностей. «Зачем плодить сирот?» – говорила она с болью. «Национальность интересна сама по себе, своими обычаями, костюмами, пусть и будет украшением мира, как цветы, а смешивать народ нет необходимости, главное, сирот будет меньше», – говорила она близко знакомым людям. Сирот, детей без отцов, а их после войны и так было много, она очень жалела, чувствуя, что они оставались без вины виноватыми.

Родители всегда старались помочь приезжим, чем могли. Они растили двух детей из крымских татар Соно и Захара, высланных без родителей. Соно в шестнадцать лет, с согласия местных татар, выдали замуж за татарина и передали в татарскую семью, а Захар жил в нашей семье десять лет, до совершеннолетия. При этом не пытались сделать из него русского, а наоборот часто советовались с татарами, чему те почему-то удивлялись. Просили татар помочь, чтобы Захар знал свои обычаи и традиции. Татарский язык он успел выучить от своих родителей. Я помню, как отец, думая, какое сделать замечание Захару по тому или иному его поступку, всегда вспоминал его родителей, иногда даже вслух, спрашивая: «А как бы в этом случае поступили его родители?» Он постоянно чувствовал ответственность за Захара перед его родителями.

В нашем доме ночевал татарин, приходивший в колхоз за мукой, если не успевал в этот же день вернуться домой; звали его Абай. Несмотря на то, что около пятнадцати семей поселка составляли татары, он выбирал дом Ковалевых, что вызывало удивление колхозников. Они шутили, мол, чем ты, Павел Андреевич, его прикармливаешь, что он выбирает только твой дом? А Павел отвечал спокойно: «Ему виднее». Абай, а дети почему-то кричали ему: «Бабай», – был пожилым татаринном высокого роста около метра и восьмидесяти сантиметров, крепким, плотным и муку носил на себе в поселок Нясьма, который от поселка Сахалин отстоял на расстоянии пятнадцати километров. Спросят его: «Тяжело Вам, Абай?» А он всегда отвечал: «Своя ноша не тяжка». Разные люди были в колхозе и по национальности, и по возрасту, но к труду относились все добросовестно, так мне казалось.

С увеличением населения колхоз расширял свое хозяйство. В колхозе растили много всякой живности: коров, телят, лошадей, овец, коз, свиней, кур, гусей, которые требовали постоянного ухода и пищи. По двенадцать часов ежедневно работали колхозники, обслуживающие животноводческие фермы и птицеферму. Они вставали по звонку сторожа в пять часов утра и заканчивали тогда, когда управятся, то есть после того, когда весь скот примут от пастуха, подоят коров, коз и напоят, а зимой и накормят всех животных.

В колхозе также сеяли: пшеницу, рожь, ячмень, овес, горох, гречиху, морковь, лук, свеклу, турнепс для свиней; сажали картофель, капусту, огурцы в парниках – все это также требовало большого труда и отдачи сил.

Теперь, можно сказать, что для колхозников объем работ в колхозе «Коллективный труд» был запредельный. Правда, войны в наших краях не было, никто не стрелял, не бомбил, не стоял ни над кем с автоматом. И люди понимали это, трудились без жалоб, зная, что часть продукции идет на фронт и что там во сто крат труднее и опаснее. Эти обстоятельства способствовали и повышению производительности труда колхозников.

Но дети в основном были предоставлены сами себе, оставаясь со старшими братьями и сестрами или одни, в том числе и я. Бабушек было очень мало в поселке. Помнится, как моя мама, вырываясь на несколько минут с работы, искала меня днем, находя, очень радовалась и, перекрестившись, опять возвращалась на рабочее место. Так же росли сестры Фомины Валя и Маша и многие другие.

К труду привлекали детей с семи лет, чему родители радовались, так как дети находились под контролем взрослого человека, а не бегали в лес и не лазили по горам. Свой труд дети начали с прополки пшеницы, работали под контролем библиотекаря. Затем, весной, стали привлекать нас, детей, для посадки картофеля и других овощей.

А ранней весной просили ухаживать за телятами. До сих пор в памяти эти милые, ласковые телята, которым было около месяца или чуть более. Мы, дети, поили телят перегонном (обезжиренное молоко), поддерживая ведро, пока они пили. Убирали использованную и складывали сухую солому в яслях – загородке, выполненной отдельно для каждого теленка. Телята пугались каждого грубого слова или окрика и были ласковыми при ласковом обращении. Когда гладили их по мягкой шерстке, они стояли тихо, принимая эту ласку с большим удовольствием. Мы любили телят и прибежали в телятник каждую свободную минуту.

Вступив в пионеры, получили еще одно задание – ранней весной собирать древесную золу для колхозных полей. Мы, дети, брали ведра, мешки, санки и ходили по домам колхозников, просили у них разрешения выгребать из их печек золу, которая накопилась за зиму. От всех получали согласие и выгребали ее совками. Очень радовались, если золы было много. Из некоторых печек, более из каминов, выгребали по пять, шесть и даже восемь ведер золы. Всю золу сдавали в колхоз, а весной ее использовали для удобрения полей.

Чем быстрее мы подрастали, тем все более и более нас загружали, а с одиннадцати – двенадцати лет на целый день. Ежегодно саха-

линские дети сажали и копали картошку, пололи морковь, свеклу, капусту, турнепс от сорняков, ломали березовые веники. Конечно, уставали на этих работах, но никогда никому не жаловались, даже мысли такие не возникали, выполняли все как должное.

Приезжие всегда с улыбкой провожали нас, когда мы шли с тяпками на плечах и с веселой песней:

Идем, идем, веселые подруги!

Страна, как мать, зовет и любит нас.

Везде нужны заботливые руки

И наш хозяйский, теплый женский глаз!

А ну-ка, девушки! А ну, красавицы!

Пушай поет о нас страна.

И звонкой песнею пушай прославятся

Среди героев наши имена!..*

В жаркие дни, во время перерывов на отдых, весело бежали к реке, с большим шумом и хохотом заходили в воду прямо в платьях, а затем мокрые возвращались на поле. После купания с новыми силами продолжали полоть поля с овощами, прохладная вода смывала нашу усталость.

Без колхозной работы нас тогда не оставляли. А требования к пионерам еще более увеличивались – ввели нормы, как взрослым. Так, при заготовке на зиму березовых веников, для кормления овец и коз, устанавливалась норма – 25 веников определенной толщины в день. На прополку моркови, свеклы, турнепса, капусты устанавливались нормы по количеству рядов, то есть по квадратным метрам и т.д. Нормы пионеры выполняли. Тогда на колхозном собрании родители решились требовать оплаты труда их детей и добились этого. Детям стали писать трудовни, чему обрадовались и дети, и родители.

Постепенно жизнь в колхозе налаживалась. Большой радостью для всех было строительство начальной школы в самом поселке. На стало время, когда дети до четвертого класса могли учиться в своем поселке. Родовались дети, родовались и их родители. Мы – Надя, Лиза, Валя и я, а также другие к этому времени закончили три класса, но также родовались, что хотя бы один год проучимся недалеко от дома. Школа светлая, просторная – родовала; это был самый счастливый школьный год для нас.

* – слова В. Лебедева-Кумача.

Здесь же вскоре открыли колхозный детский сад и ясли, что было не менее радостным событием, чем открытие школы. Как легко вздохнули мамы, теперь не надо было бросать детей одних дома, они находились под присмотром взрослых, их кормили три раза в день, и играли с ними в разные игры. Мы, выросшие на улице, даже завидовали эти детям.

В детский сад принимали детей с трех месяцев до семи лет и только детей колхозников. С открытием детского сада Марию Петровну, мою маму, из птичника перевели работать в детский сад, и этот вопрос решался голосованием на колхозном собрании, чему она очень долго удивлялась. А причина в том, что она любила детей и знала, о чем с ними говорить. Мама помнила наизусть много добрых детских стихов русских поэтов XIX века, а также сказок и песен.

А когда она попросила председателя колхоза устроить в садик своего внука, привезенного старшей дочерью, не работающей в колхозе, ей отказали. Его не принимали, и водилась с ним я. Обращаясь во всевозможные инстанции, мама все-таки добилась, чтобы внука приняли в детский колхозный сад, но на это ушло полтора года. Мать Валентины, Фомину Варвару Ивановну, также перевели из пекарни для работы в детский сад.

Работники детского сада. Мария Петровна стоит в центре.

Устроенность детей давала новые силы для работы их родителям. А сил надо было много, особенно в уборочную страду. Это такое время, когда только успевай, поворачивайся. Тем более, что все работы тогда выполнялись вручную: зерновые косили косами, жали серпами и траву также косили вручную, а сроки на эти работы зависели от погоды. В это время дорог был каждый теплый, сухой солнечный день. Руководство колхоза даже обращалось за помощью к районному начальству, так как этот район обеспечивался нашей колхозной продукцией. По договоренности районные власти направляли в наш колхоз как взрослых мужчин, так и студентов из Горного училища.

Косили обычно в жаркие, сухие дни, и дети, как всегда, были нужны. Мы разносили косцам воду для питья, а иногда, по их просьбе, поливали их холодной водой, что вызывало громкие крики – «оой», «айя», заканчивающиеся приятным смехом и благодарностью. Приглашенные помогали колхозникам убрать урожай в более короткие сроки. Это приносило радость той и другой стороне, так как нет ничего приятнее, чем собирать урожай. Но приезжие выполняли только небольшую частицу огромнейшего и постоянного объема работ в колхозе.

Трудились колхозники столько времени, сколько надо было, чтобы получить результат. Несмотря на то, что всего пять месяцев скот пасли на лесных, естественных пастбищах, корма для животных и птиц ниоткуда не завозили. Все корма росли на местных полях и лесных полянах. Только все это надо было собрать и сохранить для долгой зимы, что и делалось.

В детстве мы не задумывались о таком большом объеме работ, все как-то шло само собой, что надо было, то и делали.

Когда же повзрослели, посмотрели на другие колхозы, задумались и до сих пор удивляемся, как небольшое количество людей справлялось с таким огромным и разнообразным хозяйством. Домов-то в поселке было не более семидесяти, а население вместе с детьми составляло не более 260 человек, из них 90% ссыльные.

Продукцию же – муку, мясо, масло, яйца, мед, овощи (картошку, капусту, морковь, свеклу, лук, огурцы), горох, живой скот, шерсть – ежегодно вывозили за пределы поселка, но как и где все реализовывалось, мы, дети, не знали, да нас это и не интересовало тогда.

Память сохранила и некоторые неординарные факты, например кражу, сливочного масла, которую совершила заведующая молочной фермой. Она была уволена с работы после внесения оплаты за

*Мария Петровна (сидит в центре)
с коллегами по работе.*

похищенное масло. Имели место «спорные кражи», когда после приезда высшего руководства или районных комиссий из свинофермы пропадали поросята. Явно они дарились, а руководство колхоза спокойно их списывало. Ревизионная комиссия, узнавая об этом, требовала отчета, так как колхозную продукцию руководство колхоза не имело права дарить по своему усмотрению и списывать, как погибшую. Ревизионная комиссия требовала вернуть в колхоз положенную за поросят сумму; также указывала на то, что руководство подает плохой пример для рядовых колхозников. Отца часто выбирали председателем ревизионной комиссии, поэтому он больше

других знал о колхозных делах, как о хороших, так и о плохих, и в связи с этим имел много неприятностей.

В 1947 году наши семьи освободили из спецпоселения, теперь родителям не надо было отмечаться в спецкомендатуре, сняли негласный контроль, чему они очень обрадовались, но уезжать в другие места пока не разрешали. Мне родители тогда ничего не сказали.

Время было мирное, жизнь улучшалась. Вновь разрешили продавать свою продукцию на рынке, колхозники сразу этим воспользовались. Районный рынок находился за пятнадцать километров от нашего поселка, свободного времени у колхозников было мало, но все-таки умудрялись, даже ночью носили на рынок овощи, ягоды, куриные яйца, мясо и продавали с раннего утра. Мы, дети, собираясь по несколько человек, также ходили пешком в районный центр на рынок. Носили ягоды и куриные яйца на продажу. Ягоды очень тщательно перебирались дома от лесного мусора, а только после этого несли их

продавать. Ягоды продавались быстро, чему очень радовались, а на вырученные деньги покупали себе обновки и шли домой веселые, не замечая длительности пути. Жизнь становилась интересней, наступал 1954 год.

1954 год – год, который запомнился всем колхозникам и ссыльным на всю жизнь. Он принес радостное известие – возможность получения паспорта, а значит, свободу передвижения по своей стране. В этом году многие дети узнали, что были не свободны, в том числе и я. Мои родители никогда не употребляли слово – ссылка. В 1954 году они, как и все колхозники, получили правительственные бумаги на полное освобождение. Для меня было неожиданностью, когда мама сказала: «Настя, можешь ничего не бояться, мы освобождены, теперь остается получить паспорта и можно будет уехать в любое другое место». Мне тогда показалось странным, почему я должна была кого-то бояться, но промолчала. Со временем поняла, что только потому, что не знала о том, что мы – высланные, росла свободной и не считала себя униженной властью. Вскоре наша семья и многие другие семьи оставили уральский Сахалин навсегда, а память о нем сохранилась на все года. Валентина уехала позднее, поражаясь, что так легко оставляют ее Сахалин, она также его очень любила.

*Коллектив детского сада среди детей. В центре
Варвара Ивановна и Мария Петровна.*

Слева направо Надя, Лиза, Настя, Валентина - сахалинские девочки.

Как подсказывает время, детство наше было тяжелое, а труд иногда не по силам — не соответствовал возрасту. Вспоминается же детство почему-то без сожаления и боли, возможно, потому, что нас не гнали в спину, на нас не кричали, не заставляли, а преподносилось все, как необходимость в помощи: в доме родителям, в колхозе — колхозу. А помощь даже при тяжелой работе становится легче и значимей.

Радует нас, что многие сахалинские дети нашли себя в жизни. Из них вышли инженеры (Вера Алексеева, Гуля Ахметова, Рая Ковалева и др.); режиссеры (Валя Фомина), технологи (Надя Корнюхова и др.); **токари высшего класса (Александр Боровков), кинемеханики (Мика Муратов); агрономы (Тамара Фомина, которая ушла учиться в Свердловск в лаптях и выучилась); механизаторы (Иван и Яков Классены).** Стало ясно, что только природа и труд всем силы дают.

Естественно, что физический, как и умственный труд обязателен для человека. Хорошо, если бы средства массовой информации это поддерживали. Желаем любить труд на протяжении всей жизни, но, конечно, нужна мера — нагрузка по силам и по возрасту, чтобы оставалось время на спокойный отдых: чтение, вышивку, вязание, художественные поделки или настольные игры, в сочетании с активным

отдыхом — песнями, плясками, походами, путешествиями, спортивными играми и собственным творчеством.

Так вот в этом богатом прекрасными, трудолюбивыми людьми и природой поселке Сахалин Ново-Лялинского района Свердловской области произошли интересные случаи, сопутствовавшие нашему детству, о чем и пойдет дальнейшее повествование.

ЗОЛОТАЯ РЕЧКА

Горная, быстрая, веселая речка Нясьма с чистой прозрачной водой текла и радовала нас в пятистах метрах от поселка Сахалин. Спустившись по узкому руслу с гор, на равнинный простор, она растеклась по камням, и казалось, даже растерялась в них. Берега реки в этом месте практически не просматривались. Вода ясная, светлая, дно, как на ладони, все видно: золотистый песок, большие и малые камушки, большие и малые рыбки, которые мелькали перед глазами быстро, как солнечные зайчики. В ясный солнечный день вода в реке блестела и сверкала так, что рябило в глазах, приходилось зажимать глаза. Удивительно, что в этом неглубоком месте (глубина составляла от двадцати до пятидесяти сантиметров) было много рыбы. Кому удавалось, даже кололи ее вилкой, когда она стояла около камней. Это искусно делала моя старшая сестра, будучи в подростковом возрасте. Особенно много она ловила налимов, размеры рыб доходили иногда до сорока сантиметров. Большинству же не удавалось их колоть, в том числе и мне, но все видели рыбу среди чистой мелкой воды, она была очень красива. Чаще рыба как стрела проносилась от одних камней к другим и пряталась в их тень. Так что мы больше играли с рыбками, а верней они с нами, так как были гораздо проворней нас. Нам же мешали быстро двигаться скользкие камни, которыми было устлано все дно. Подвернуть или вывихнуть ногу было легко и просто. Но это место манило детей к себе, да и речка здесь уж больно веселой выглядела, или простор ее радовал, или камушки, с которыми ей приходилось соприкасаться!

Далее Нясьма входила в новое русло, зажатое невысокими зелеными берегами. В этом месте речка была не широка (10–15 метров), глубина ее составляла от одного метра до трех, но со стремниной у более высокого берега. Носовой платок вырвет, и не поймает. Река по-прежнему отличалась твердым дном, которое состояло из мелкого камня и песка. Плавали мы по течению, а против течения шли по дну, вода всегда оставалась чистой. Это было наше место, здесь мы купались, плескались, играли на песке и просто бегали по песчаному берегу. Взрослые купались с другой стороны моста, там было глубже и река гораздо шире. На плавание солнышко отводило нам один месяц в году.

С моста, который был в ста метрах от описываемого места, речка смотрелась очень живописно. Поэтому никто не проходил горбатый мост, чтобы не остановиться и не полюбоваться с него на живую лесную речку с густо заросшими зелеными берегами.

Особенно выделялись на берегах большие заросли черемухи. Весна в нашем сознании начиналась с цветения черемухи на реке Нясьма. Белым пышным цветом черемуха ежегодно радовала людей и все живое вокруг. Приятный запах душистых цветов черемухи разносился вдоль реки, приглашая полюбоваться кудрявыми кистями ее цветов и их белизной. Кто бы ни шел в поселок Сахалин весной, никогда не проходил мимо, чтобы не сорвать одну, две, три цветущих ветви. Все темные мысли уходили. И пришедший в поселок, и встречающий сразу улыбались друг другу. Весна делала свое доброе дело.

И сахалинская молодежь, одна или вместе с молодежью из ближнего поселка, встречала каждую весну на поляне, недалеко от черемуховых цветущих зарослей, с гармошкой и балалайкой. Веселые песни и чистые голоса молодых людей разносились в это время вдоль реки, еще более оживляя природу.

Осенью мы, сахалинские дети, ели черную, вкусную спелую ягоду черемухи до оскомины на зубах и собирали ее в ведра для дома. Родители сушили черемуху и использовали на пирожки, а когда было необходимо - от расстройства желудка.

За горбатым мостом, через который проходила дорога в поселок Сахалин, новые мощные притоки вливались в реку Нясьма. Река постепенно расширялась и уносила свои воды в неизвестную тогда для нас даль.

Во многих местах, в том числе и там, где мы купались, на дне реки Нясьмы имелись глубокие ямы, их называли шурфами. В таких

местах идешь по дну реки очень осторожно, если чувствуешь, что нога проваливается, сразу подпрыгиваешь вверх и начинаешь быстро отплывать от этого места. Считалось, что эти ямы на дне реки могут втянуть человека, и он может утонуть. И такие факты были. Мы все равно купались, правда, не забывали об опасности, были осторожны.

Появление шурфов, а иногда и шахт объяснялось тем, что в реке Нясьма ранее вручную добывали золото. Мы смеялись и радовались, что купаемся в золотой реке, но золота не искали и не замечали даже, так как нам нравилось просто купаться.

Наличие золота в реке подтвердилось еще при нас.

Тогда сразу на реке Нясьма построили драгу для добывания — намыва золота. Ее строили заключенные; для них в трех километрах от нашего поселка построили зону. Почти каждый день, шагая в школу, мы встречали идущих строем политических заключенных в сопровождении охраны. Встречаясь, всегда здоровались, они же дружно, хором отвечали нам, казалось даже, с большим удовольствием, так как многие улыбались.

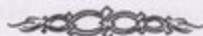
Когда драга была построена и начала работать на реке Нясьма, нас, школьников, водили на экскурсию. На драге показывали, каким образом намывается золото, и само золото — мелкие желтые камушки и желтые, как песок, крупинки. Ежедневно намываемое золото увозили вооруженные люди в районный центр. Везли золото через наш поселок, нам всегда хотелось понаблюдать за военными, но они очень быстро проскакивали поселок; да и мы, дети, побаивались вооруженных людей и чаще убегали скорее в сторону от дороги, чтобы и нас не заметили.

После того как по реке Нясьма прошла драга, река превратилась в бугристую каменисто-песчаную «пустыню», шириной до ста метров, среди зеленого леса. Русло практически не просматривалось и осталось заметным только под мостом. Русло заменили котлованы воды среди песчаных холмов вперемешку с корнями спиленных деревьев и кустарников. Все вокруг выглядело неприглядно — серый, неприятный, мрачный вид. Берега исчезли, и деревья, стоявшие у края отработанной драгой земли, выглядели печально.

Заросли черемухи вывернули с корнями и перемесили с землей, как будто их и не было вовсе, видимо, под ними также было золото. Казалось, река жаловалась нам, видевшим ее в полной красе: посмотрите, что со мной сделали, как жестоко разрушили мою красоту. Мы

уже не любовались рекой Нясьмой, хотелось скорее пройти ее по появившейся насыпи, горбтому мосту, и не было желания остановиться и посмотреть вокруг.

Возможно, что через многие годы она снова заросла кустарником, выправилося ее русло, но нам было не суждено этого увидеть.

ВОГУЛКА, ТЫ МАНСИЙСКАЯ РЕЧКА?

А как же наша речка Вогулка, вдоль которой и был построен поселок Сахалин? Вогулка брала свое начало в болотах, но протекала вдоль цепи горных хребтов, с которых весной пополнялась талой водой. Она то приближалась вплотную к горам, протекая так вдоль поселка, то отдаляясь от них на расстояние от пяти до ста метров. Эта речка была невелика, от пяти до двадцати метров в ширину. Один ее берег упирался в горы, второй зарос дремучим лесом. Так что эту речку ранее можно было и не заметить, тем более, что и течение ее было каким-то заворачивающе-тихим среди молчаливых гор и высококорослого леса.

Казалось, что Вогулка, как невидимка, скрывалась в своем дремучем лесу. Наглядной, заметной и полезной сделали ее ссыльные. Высланные, в том числе и наши родители, вырубили и убрали лес, расширили русло и запрудили реку, построив плотину. Затем установили мельницу и малую электростанцию.

Река превратилась в большой и прекрасный пруд. Ясная и светлая вода пруда приглашала к себе купаться, кататься на лодке, ловить рыбу, а колхозных гусей – показать свое величие и красоту.

Вот было чем полюбоваться: впереди плывут взрослые гуси, родители – гусь и гусыня, а за ними выводок из семи – десяти гусят и таких семей несколько. Плывут гуськом, друг за дружкой, но медленно, важно, величаво; чувствуется, что родители осторожны, головы

подняты и периодически смотрят по сторонам, слух и зрение напряжены. Гусята же очень довольные: от родителей не отстают, но строго соблюдают дистанцию; плывут уверенно, быстро шевеля перепончатыми лапками и изредка обмывая свои носики. Интересно, что во время такого плавания гусей не образуются волны, а только нити на воде около каждого гусенка. Создавалось даже впечатление, что гуси сами собой любят, понимая, как они красивы в такой момент.

Прекраснейшая картина: мы, дети, стоя на берегу, как зачарованные, любовались этим спокойным, достойным и свободным плаванием гусей по воде искусственно созданного пруда. Встретившись с односельчанами через тридцать лет, вспоминая поселок Сахалин, все помнили это красочное плавание гусей.

Электростанция давала свет в дома, клуб-столовую-библиотеку (одно здание), контору, баню, пекарню, школу, детский сад и животноводческие фермы, чему мы были очень рады. Позднее, со строительством драги, к поселку подвели линию электропередачи от более мощного источника электроснабжения. Так что мы радовались, что жили не с лучиной и не свечой освещали свой дом. Днем солнце, электричество в ночи, попробуй-ка чудесней отыщи. Вечернею порой могли плясать и петь и на судьбу свою уныло не смотреть.

В последующее время стало известно, что название реки Вогулка (а возможно, и других рек) связано с тем, что на этих территориях в давние времена, проживали вогулы – современные манси, которых в Свердловской области осталось на сегодня не более 500 человек. Большая их часть проживает в соседнем Ханты-Мансийском округе.

В детстве мы не знали этой народности, рядом они не проживали. Непредвиденно, но факт, судьба некоторых детей, рожденных в ссылке и выросших на Урале, сложилась так, что они встретились с манси и создали с ними семьи. Правда, эти манси родились и выросли в другой глухой лесной деревне Евре Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Если провести прямую линию между поселком Сахалин и деревней Евра, то получается всего-то 250 километров, но заполненных лесом, горами, озерами и болотами. Встретились русские и манси не в лесу, а в городах, во время учебы и работы, в том числе и я.

На вопрос Вогулка не дала ответа, решила оставить в секрете. А возможно, секрет оказался в том, что действительно мы потому и встретились с манси, что родились и выросли на реке Вогулке.

ОПАСНЫЙ ПОЕДИНОК

«Гуси отличаются целомудренностью», – говорят одни. «Гусь очень умная птица», – говорят другие. «Гуси могут быть хорошими сторожами, они бдительнее собак, они это доказали тем что спасли Рим», – говорят третьи. А четвертые решают: «Гусь неразумная, а может и глупая птица». Все это правда, в какой-то ситуации гуси умны, что они доказывают при перелетах в опасных местах, целомудрены – природный факт, но в иной ситуации могут оказаться и неразумными.

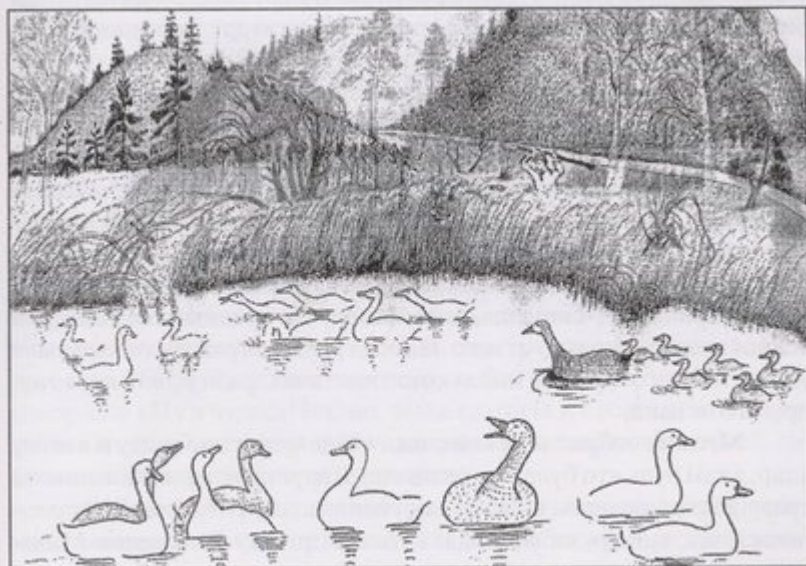
А насчет бдительности не могу утверждать, но был такой случай. Гуси и куры в колхозе размещались в одном помещении – птичнике, в конце поселка. За птичником было поле, а далее метрах в пятистах лес. Несмотря на открытое место между лесом и птичником, зимой хищные звери как-то подкрались к птичнику. И здесь гуси почувствовали опасность первыми, они заготовили так, что разбудили кур, те начали громко кудахтать, петухи подхватили криком «ку-ка-ре-ку...у», поднялся такой шум, что и помощи не надо было, зверь убежал. На шум и сторож прибежал, даже сделал один выстрел в воздух для устрашения зверя, но преследовать его не стал. В его задачу входило только отпугнуть зверя, так как помещение птичника было крепкое, и забраться в него было практически невозможно. Но, как говорит пословица, чем черт не шутит, поэтому он и выстрелил в воздух, понимая, что птица зря шуметь не будет. Сторож тогда решил, что гуси бдительнее кур, так как они первыми поднимали шум. Но такие факты, когда при выстреле почти все просыпались и выходили на улицу, были редкостью. И хорошо, ночь-то у колхозников и так коротка.

В колхозе разводили уральскую породу гусей, выведенную еще в XVII веке, в уральских климатических условиях. Благодаря вольным пастбищам и водоемам уральская порода отличалась хорошими

вкусовыми качествами. Гуси считались вкусной, деликатесной птицей и осенью хорошо реализовывались, давая колхозу прибыль. Этот вывод можно было сделать только потому, что птичники в конце года всегда получали премии за работу, в том числе и моя мама. Как уже говорилось, содержали гусей в специально построенном доме – птичнике, вторую половину которого занимали куры. Если курам для прогулок достаточно зеленой поляны, то гусям желательна и зеленая поляна, и вода – это водоплавающая птица. Водоросли и зеленая трава – их главный корм. Поэтому ежедневно с утра гусей провожали к реке, когда было кому, даже наблюдали за ними, а вечером собирали в птичник – теплое помещение.

Это был обычный летний день, только солнце почему-то спряталось за облака. Гусей оставили на маленькой речке Вогулке, за плотиной, где было ее собственное русло. По берегам реки росла сочная зеленая трава, и гуси с удовольствием ее щипали.

С горы к плотине спускался Михаил Сергеевич Князев. Он хорошо знал эти места и выбрал самый короткий путь, через горы, по лесной и горной тропе. Шел Михаил Сергеевич с хорошим настроением, не спеша, напевая себе под нос, и внимательно смотрел вперед и по сторонам. Вдруг он заметил в долине реки что-то белое среди

зеленой травы и болотных кочек, ему показалось, что это белое пятно медленно движется. Заинтересовавшись, Михаил Сергеевич стал спускаться быстрее. Когда увидел реку среди ставшего редким леса, а на реке гусей, его осенила мысль: «Кто-то ползет к гусям».

Прихватив крепкую, надежной толщины, суковатую палку, он потихоньку, не шумя, пошел на белое пятно, предполагая, что ползет лиса. Все это происходило недалеко от плотины, шум которой поглощал шорох от его движений.

Приближаясь к белому,двигающемуся ползком, пятну, Михаил опознал рысь. Он был удивлен, даже несколько испуган: впереди него яростный хищный зверь, сильный и быстрый в прыжке. Он знал, что рысь человека не боится, хотя избегает встреч с ним, но при встрече в лесу может напасть, и тогда результат борьбы непредсказуем и в любом варианте опасен для человека.

Он стал двигаться осторожней, почти прижавшись к земле. Если рысь его почувствует, то не ясно, кто кого осилит? Отступить было поздно, так как прыжок сзади еще опасней. А то, что рысь умеет молниеносно прыгать на расстояние до четырех метров, охотникам было известно. «Это же типичная кошка, но величиной с крупную собаку, которую и напоминает своей длинноногостью». Рысь очень ловкое животное, она прекрасно лазает по деревьям, но любит и горные леса со скалистыми местами, откуда она в данном случае и спустилась.

Поражаясь, с каким рвением и осторожностью одновременно рысь подкрадывается к гусям, Михаил сам увлекся охотой, страх почти исчез. Но дистанция между ними сокращалась, угроза опасности требовала принятия решения, единственного решения: когда наносить удар? Рысь все увереннее приближалась к реке и к гусям. Михаил понимал что, чем ближе рысь к гусям, тем меньше у нее возможности услышать шорох сзади, но надо выбрать момент до ее прыжка. Непредсказуемость волновала, он понимал, что поединок неизбежен и все пока зависит только от него. Но если рысь почувствует его раньше удара, то... он отбросил мысль о последствиях, надо успеть первому, другого не дано.

Михаил собрал все свои силы. «Еще чуток проползу и нанесу удар, а там будь что будет», – решил он. Вдруг гуси перестали щипать траву, насторожились, видимо, почувствовали угрозу, рысь мгновенно сжалась, как пружина, и была готова к прыжку. В это время Миха-

ил рванулся вперед и со всей имеющейся у него силой успел нанести удар палкой по голове, при этом сам кое-как удержался на ногах.

Несмотря на громкий гогот гусей, рысь после первого удара, инстинктивно реагируя на опасность, повернула голову с открытой от злобы пастью в сторону Михаила. Ей нужны были секунды, чтобы прийти в себя и собрать силы. Но Михаил не дал ей этих секунд, быстро обретя равновесие, он изо всех сил нанес второй удар. Рысь от неожиданности и мощности первого удара опомниться не успела, второй удар был решающим, но еще несколько ударов пришлось сделать. Михаил остановился и стал ждать. Гуси же с диким гогом, махая крыльями, быстро полетели и поплыли к своему берегу, ближнему к поселку. Вскоре Князев понял, что рысь поражена смертельно.

Он долго осматривал зверя, дивился размерам его и невольно любовался красотой белой короткой шерсти с темными пятнами, что также было большой редкостью. Окраска меха рыси зависит от места обитания зверя, но даже в одних и тех же местах одинаково окрашенных рысей не встретишь. Забросив рысь на плечи, Михаил пришел с ней в поселок; удивлению селян не было конца. Чтобы воочию увидеть рысь, большинство колхозников шло к дому, где остановился Князев. Мы, дети, прибежали одними из первых. Смотрели испуганными и одновременно удивленными глазами на лежащего перед нами хищного зверя, которым нас пугали, чтобы не ходили далеко в лес. Насмотревшись, слушали разговоры взрослых и рассказ Михаила Сергеевича.

Что заставило этого осторожного зверя, живущего в глухих, захламленных буреломом, непролазных лесах, идти к населенному пункту, так и осталось загадкой. А факт таков, что рысь подошла близко к поселку Сахалин, правда, с лесной и горной стороны реки Вогулки.

Активно и горячо обсуждали это событие колхозники. Одни считали, что рыси не подходят к населенным пунктам и удивлялись, что рысь убита вблизи поселка, пытались найти объяснение этому факту. Вторые не могли поверить, что такая большая рысь убита палкой. Третьи удивлялись, как она, имея тонкий слух и чутье, не почувствовала человека. Но факт налицо, видя перед собой рысь, убитую без ружья, говорили: «Ну и чудеса! Видно, была голодна и с горы заметила гусей?» Охотничья страсть при виде спокойно плавающих гусей, да, возможно, голод, заставили ее рисковать.

А Михаил был рад, как ребенок, он смеялся над своим первоначальным страхом, над тем, как он полз. «Если бы, - говорил он, - мож-

но было посмотреть на нас сверху, с горы: гуси спокойно плавают, щиплют траву у берега реки, к ним крадется рысь, а за рысью крадется человек, весь в траве и грязи».

Понятно, что он смеялся от радости победы над сильным зверем и считал свою победу оправданной, потому что рысь опасна и для человека, и для домашних животных и птиц.

А вернее всего, он смеялся от того, что остался жив и невредим, на что совсем не надеялся. Он повторял про себя: «Жив, жив, жив...». А вслух сказал: «Не знаю, нашел бы я в себе силы еще раз повторить эту охоту?»

Так что это событие оказалось потрясением не только для жителей поселка, но и для самого победителя опасного животного.

Еще долго потом обсуждали внезапное появление рыси в местах, где ходят люди. Просили детей, любивших лазить по горам, чтобы не ходили по одному.

Такие непредсказуемые случаи периодически нарушали кажущееся однообразие нашей жизни.

ПОПРЫГУНЯ

В том году большие морозы не отступали очень долго. У нас в доме появился маленький козленочек, а точнее козочка, и назвали ее Рима. В хлеву было холодно, и ее пришлось забрать у мамы-козы и принести в теплый дом. Риму разместили около русской печи, под полатями, на полу. Постель устроили из мягкого, ароматного сена и старой фуфайки. Козочка была такая маленькая и беззащитная, что разрешала сидеть около нее, смотреть на нее, брать за ушки и гладить по мягкой шерстке. Мама позволила мне поить ее молоком из бутылочки с соской. Пила она очень энергично, с большим удовольствием, и я с трудом удерживала бутылочку. Молоко давала ее мама, коза. В тепле быстро подросла, поднялась на ножки, и ей уже не хотелось лежать. Козочка стала бегать по дому так быстро и проворно, что я за ней просто не успевала. Меня очень удивляло, что Рима такая маленькая, а

бегают быстрее меня (мне было лет шесть), большой, как мне тогда казалось. Даже маме рассказывала, что она бежит гораздо быстрее меня. Мама с улыбкой успокаивала, говоря, что она и прыгать будет выше и очень легко, такова природа коз. Они в большинстве своем росли в горах и научились хорошо прыгать и бегать по ним. Когда она начнет прыгать, то первое время за ней надо смотреть и не бегать за ней, так как ножки у нее еще слабые, и она легко может их сломать, а как только окрепнет, можно будет с ней вместе бегать. Вскоре я увидела собственными глазами, как она начала прыгать. Козочка с удовольствием прыгала на стул, на кровать, на стол, на сундук, везде, куда только можно было запрыгнуть, и казалось, что прыгать она может без конца. А если я начинала догонять, то она еще проворнее и быстрее прыгала. Так, один раз со стола запрыгнула на книжную полку, и мама кое-как успела подставить стул, так как боялась, что она разобьется с такой высоты или сломает ножки. Я радовалась маленькой козочке, бегала и прыгала вместе с ней, как могла. В морозы меня не отпускали на улицу, а с Римой и дома было весело.

Чудесная была козочка. Ей становилось тесно в доме, а тут и морозы закончились. И Риму перенесли в хлев, к маме-козе, которая облизала ее и приняла, как родную. Этому все были рады, так как боялись, что коза могла отвыкнуть от козочки за то время, пока она была в доме, такие случаи бывали. Наконец, пришла весна, земля согрелась, появилась зеленая травка, которая радовала глаз и не только наш. Коз выпустили из хлева на зеленую полянку, казалось, они только этого и ждали. Теперь для них было раздолье, Рима прыгала и бегала, сколько хотела, а напрыгавшись, паслась рядом с мамой-козой. Иногда и я составляла им компанию, от души набегавшись вместе с Римой. Ее мама Роза при этом спокойно жевала свежую зеленую траву.

ТАЙНА СВЕТА

В результате строительства плотины на реке Вогулке образовался большой пруд с чистой и спокойной водой, где развелось много щук.

Колхозники заметили, что появились и большие щуки в нашей реке Вогулке. Об этом предупреждали гуси, уплывавшие далеко, за поворот реки в коряги и терявшие там своих гусят. Выясняя причины, колхозники увидели такую картину: гусенок, забираясь на корягу, чтобы отряхнуться и посмотреть вокруг, вдруг исчезал под водой. Пришлось наблюдать с разных сторон, чтобы выяснить причину исчезновения гусенка. Вскоре убедились в том, что гусенка захватывала щука и уходила с ним под воду, иногда при этом даже перебиралась через корягу, захватывая гусенка с собой. Это и навело на мысль, что щук развелось много и появились большие щуки.

Несмотря на это колхозники ловили щук редко и мало. Не знаю, чем это объяснить: постоянной занятостью колхозников на работе, в личном хозяйстве или отсутствием сетей. Ловили щук в основном дети на удочку с берега и приезжие из районного центра, которых все знали. Они оставляли свою лодку на берегу реки открыто, и мы, дети, с удовольствием пользовались ею в их отсутствие.

Особенно хорошо щука ловилась летом и именно в ночное время, чему мы были свидетелями. Наш дом стоял на высоком берегу пруда, и я вместе с родителями с интересом наблюдала из окна за этим действием – таинственным и ярким.

Кромешная тьма: черное небо, черная гора за прудом, черная гладь поверхности воды, и по этой глади плывет лодка, ярко освещенная костром, горящим на мысу лодки. На фоне яркого света в этой черной темноте люди, находящиеся в лодке, казались прозрачными, ненастоящими, а движения и действия их диковинными.

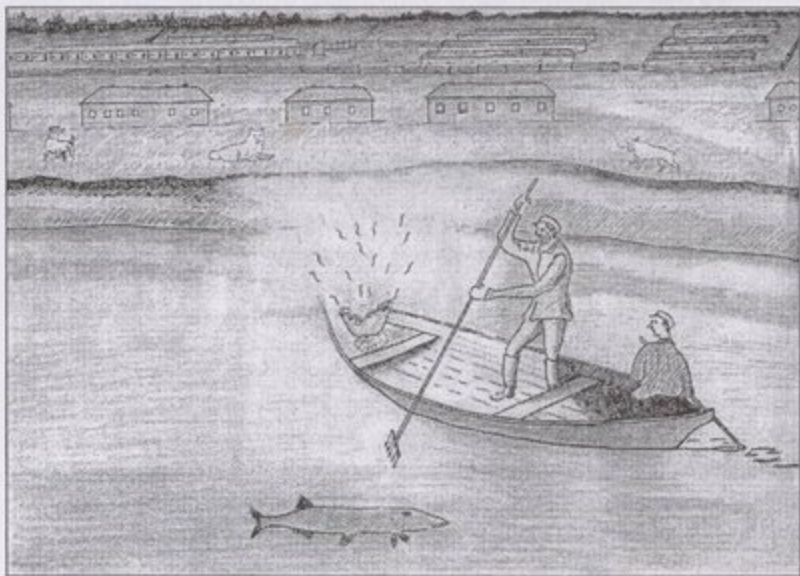
Но расскажем все по порядку. В лодке два человека, Семен и Николай, на носу лодки в металлической корзине горел костер. Семен стоял посередине лодки, держа в руках острогу (подобие вил, но короче) и пристально смотрел в воду реки; Николай сидел на корме лодки и веслом правил лодкой. Плыли очень медленно, весло заходило в воду без всякого шума и брызг. Свет костра помогал хорошо видеть; заметив щуку, Семен ударял ее острой, затем поднимал острогу, на ней извивалась большая щука. Он проворно стряхивал ее о край лодки на дно и снова становился в позу ожидания до следующей рыбы.

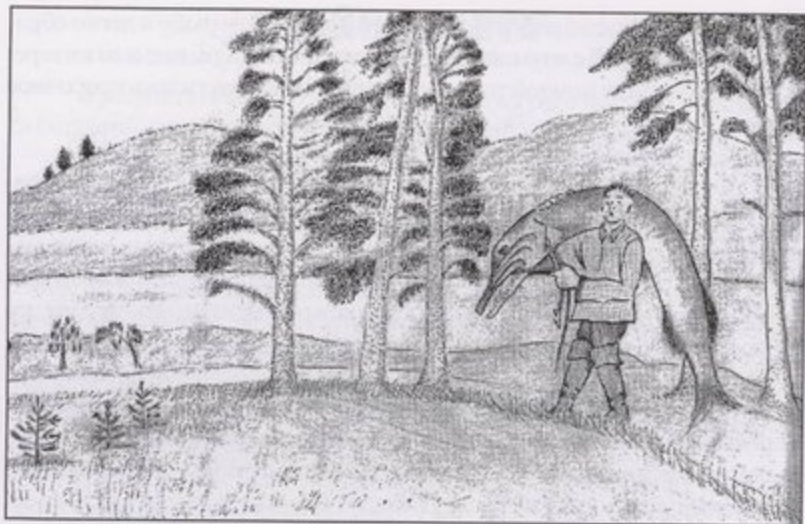
Семен очень искусно работал острогой, накалывая рыбу и легко сбрасывая ее в лодку. Я с изумлением, а родители с нескрываемым интересом наблюдали за ночной рыбалкой, перед нами крутилось красочное живое кино.

Мы называли эту рыбалку тайной света.

Оказывается, в темное время суток щука стоит на месте недалеко от поверхности воды и при свете очень хорошо видна, чем и привлекала рыбаков такая рыбалка. Она не вызывала большого шума, что было вполне приемлемо, так как река проходила вдоль жилого поселка. Конечно, нужен определенный навык в этом нелегком деле, но рыбаков на то и есть рыбаков. Если же попадала очень большая щука, то стреляли из ружья.

Однажды убили очень большую щуку, такую, что когда рыбак перебросил ее через плечо и пошел, то хвост волочился по земле. Это было предостережением для селян, так как получили подтверждение, что такие щуки живут в пруде. До этого случая такой большой щуки никто не ловил и что щука может вырасти до таких размеров, никто не предполагал. Ловили щук до четырех и даже до шести килограммов, но не более, эта же была около двадцати килограммов и длиной около полутора метров. Многие колхозники приходили посмотреть на щуку-

великана. Мы, дети, конечно, были тут как тут, нас удивляла большая голова, страшная пасть и что щука занимала весь стол, которого не хватало, хвост ее спускался за стол.

Общее удивление, разговоры в доме рыбака не стихали, а нас, детей, пугали, говоря, чтобы мы не купались по одному, а то щука ногу или руку откусит; другие же шутили: «Растеряетесь, так и без носа останетесь», – и все смеялись!

ПЧЕЛЫ И СЕНО

Разведению пчел в колхозе способствовали дикорастущие медоносные цветы Урала. Для резерва недалеко от пасеки сеяли гречиху, цвести она успевала. Пчеловодом работал хорошо знающий свое дело Яков Арсеньевич Коробов. Он был стар и болен, поэтому просил себе помощника, даже сам искал того, кто бы мог продолжить его дело, желая успеть передать свой опыт и любовь к пчелам. Искал того, кто

мог бы полюбить пчел так же, как он. Желающих было немного, в их числе оказался мой отец.

Колхозники почему-то часто выбирали его председателем ревизионной комиссии колхоза. А в колхозе было принято, что председатель ревизионной комиссии, бухгалтер и один из членов комиссии обязаны были присутствовать на пасеке, когда качали мед. Каждое лето это происходило не менее двух-трех раз. Отец поражался трудолюбию пчел, их природной разумности. Он часто оставался и помогал пчеловоду в его делах. Пчел он полюбил по-настоящему, даже хотел, чтобы я стала учиться по этой специальности, уговаривал меня, но это было позднее.

А тогда он осваивал пчеловодство с большим рвением, но быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Подошло время пчеловоду уйти в мир иной, подошло оно как всегда неожиданно и непрошено. После похорон председатель назначает отца пчеловодом и заставляет принять пчелиное хозяйство (отец же сомневался, справится ли?) Так началась новая, но приятная для него работа.

В один из летних дней отец позвал меня на пасеку, чтобы сгрести сено, траву он скошил ранее, и она хорошо подсохла. Я взяла грабли и начала сгребать сено в рядах между ульями. В это время к отцу подошли несколько колхозников, и он ушел с ними в сторожку, чтобы угостить свежим медом.

Ясный солнечный день радовал, и я работала с удовольствием. Сено было сухое, запашистое, мне хотелось быстрее его собрать, хотя на пасеке работала впервые. И скоро поняла, что это не так просто, здесь была не лесная поляна и не берег речки, где ранее приходилось сгребать сено. Это была пасека, и пчелы здесь чувствовали себя полными хозяевами, в чем я быстро убедилась. Тем более, что я еще не работала на пасеке, оказалась чужим человеком, а чужих они не любили. Пока сгребала сено в одну кучу, дежурные пчелы (это мне потом объяснил отец) летали вокруг, не понимая, что я делаю около их ульев, и наблюдали. Затем, видя, что на них не обращается никакого внимания, а колебания воздуха становятся заметнее, так как чем больше охапка сена, тем сильнее машешь граблями, они возмутились и где-то на середине работы начали меня кусать. Надеюсь, что их будет не много, я стала работать быстрее, хотелось закончить работу.

Но пчел собиралось все больше и больше. Они летали вокруг меня, жужжали и жалили все сильнее, причем не только в лицо, руки

и шею, а по всему телу. Терпеть становилось все тяжелее, слезы потекли сами собой. Я остановилась, посмотрела вокруг и поразились, меня окружала живая темная туча, через которую даже яркое солнце стало менее заметно. Я испугалась, бросила грабли и подошла к сторожке. Зайти в нее постеснялась, там были посторонние люди. Остановилась у стенки около двери сторожки и плакала. Вокруг меня собрался, наверное, целый рой пчел. Поняв мою незащищенность, чувствуя, что в данный момент они сильнее меня, пчелы жалили злобно и жестоко. Я вся горела, было больно, но зайти в сторожку не решалась, слезы заливали лицо. Бежать домой было далеко, шесть километров, из них более половины по лесу; одна я не решалась ходить домой, а в этой обстановке не знала, что делать с собой.

Сколько стояла у домика сторожа, не знала, вдруг вышел сторож, увидев меня и тучу из пчел вокруг, закричал папу. Отец выскочил и завел меня в домик, я села в уголок и тихо плакала. Сторож, его звали Гаврила Васильевич, был высоким, грузным, пожилым и больным человеком, макнув куском хлеба в чашку с медом, вдруг заплакал, рука с хлебом и медом, которую он нес ко рту, затряслась. Его плач становился все громче, и он прохрипел, захлебываясь слезами: «Жалко Настю». Я испугалась уже за сторожа, зная, что он больной человек, и стала говорить, что мне не больно, стараясь удержать слезы. Папа, подумав, сказал: «Беги в речку, посиди в ней, может, легче будет». Он видел, что я вся горю, и понимал, что укусы жгут меня. Пройдя тихо по пасеке, я побежала к реке. В прохладной воде мне стало легче, жар начал спадать, боль потихоньку затихала; минут через тридцать я успокоилась и вернулась к отцу. Домой мы пошли вместе. Отец явно переживал за меня, ругая себя, что поручил мне сгребать сено на пасеке.

Но все обошлось, больших опухолей не было, а через несколько дней я уже забыла про этот страх и боль. С пчелами же стала обращаться осторожно, внимательно, ничего не делала без отца, но не отказывалась ему помогать, даже рой собирали вместе. Пчелы привыкли ко мне и уже не кусали, но работала все время в сетке, в платье с длинными рукавами и резинкой на конце рукава, а также в закрывающих ноги штанах.

Став взрослой, узнала, что укусами пчел лечат людей, тогда я посмеялась над собой, говоря, что прошла курс профилактического лечения укусами пчел в 11 лет.

Папе везло в работе на пасеке. Пчелы давали меда не менее, чем ранее, а иногда и больше. Собирали меда по 100 килограммов с улья; откровенно говоря, мне не пришлось встречаться со специалистами пчеловодства, и я до сих пор не знаю, много это или мало, но люди говорили тогда, что это много.

Интересный факт: отец никогда не приносил мед домой с пасеки. После качки меда его сдавали на колхозный склад. Отец выписывал в бухгалтерии колхоза пятьсот граммов меда и после получения на складе приносил домой.

Не могу не рассказать о бухгалтере нашего колхоза, который всегда присутствовал при качке меда. Это был старый человек, к работе относился скрупулезно ответственно. Постоянно подбивал итоги работы колхоза и колхозников, строго следил за долгами. Он не закрывал колхозные балансы, пока не будет оплачена последняя копейка. В любом месте он находил или догонял должника и, даже не здороваясь, тихо произносил: «На самом деле, на самом деле за Вами копейка. Придите погасите задолженность». А чаще говорил короче, чуть коснувшись плеча и слегка наклонив голову: «За Вами копейка!» И люди уже знали, что надо прийти и рассчитаться, Иван Васильевич, так звали бухгалтера, не отстанет и будет ходить «по пятам». Справедливый и упрямый был старичок, все у него должно было сходиться — и доходы, и расходы, иначе спать не будет спокойно.

Колхозники недолго на него сердились, а больше шутили над ним, да и мы, дети, дотронемся до плеча друг друга и кричим: «За Вами копейка!» или «На самом деле, на самом деле, ты пойдешь завтра в школу?» Иногда даже по имени-отчеству его не звали, а просто: «За Вами копейка идет, держитесь!» Но детям и бухгалтер не мог отказать. Понимая, что мед быстро вывозится из колхоза, мой отец делал следующее: определив дату качки меда, пригласив комиссию, в присутствии которой должна проходить эта процедура, он говорил мне: «Завтра будем качать мед, собирай детей и приходите по землянику (ее было много недалеко от пасеки), зайдите на пасеку, сможем угостить медом».

Мы шли по ягоды, набирали ягод и заходили на пасеку. Увидев нас, отец говорил комиссии: «Как считаете, можем мы своих колхозных детей угостить медом, не объедят они колхоз?» Комиссии ничего не оставалось, как согласиться, мы стояли рядом и ждали. Нам наливали большую чашку меда, давали ложки, и мы ели, но меда много не

Ворожков ИВ
- гед

съешь за один раз, остатки ложками выливали в ягоды. Так дети колхозников, может, и понемногу, но все-таки кушали мед. Если заходили взрослые в эти дни, их тоже угощали, но только на пасеке. За то, что я помогала отцу (так он говорил), он и меня угощал на пасеке медом — свежим медом в сотах. Это еще одна картинка из детства.

ПОКОС И МЕДВЕДЬ

*«Раззудись, плечо! Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо, ветер с полудня!»*

А. В. Кольцов.

Самые сухие, теплые дни лета старались использовать под сенокос. Прекрасная работа, хотя и требует большой отдачи сил и пота. Но как говорится в народе, везде нужна сноровка, закалка, тренировка. Если умеешь хорошо делать свое дело, то оно наполовину легче становится, а если ты еще любишь это дело, то оно делается и с меньшей отдачей сил. Мои родители любили косить, но каждый по-своему, и умение косить было разное. У отца любительское — быть на природе, косить, где нравится и что нравится, конечно, с учетом полезности сена для скота. У мамы профессиональное, она могла и природу не заметить, ей бы поляну побольше да подлиннее, чтобы можно было развернуться; у нее одна мысль — накосить как можно больше и успеть это сделать вовремя, пользуясь хорошей погодой. Она научилась за свою жизнь косить быстро и даже красиво.

Но на покос я ходила с отцом, начиная с 10 лет. Траву косили на полянках, в редком лесу, учитывая многообразие невысокой, густой травы, и вдоль речек, где трава высокая, но сочная, там же и подсушивали. Сено получалось мягкое и ароматное. Если успевали это сено вывезти летом на сеновал, тогда и нам, детям, было приятно на нем поваляться. Когда кто-нибудь из мам соглашался с нами ночевать, то мы с удовольствием спали на нем.

Но такое сено доставалось нелегко, его приходилось выносить на поляну и из леса, и с берега реки. Если не давали лошадь в летнее

время, то складывали сено в зарод (типа копны, но больше по размеру), который всегда огораживали от лосей и местных животных, а вывозили уже по первому снегу. Самой тяжелой и длительной работой было выносить сено с покосов, я здесь была небольшая помощница, хотя, конечно, выносила охапки сена, перевязанные веревкой, на своих плечах по количеству раз одинаково с отцом, а по весу в соответствии с возрастом и силами.

Но сначала надо было скосить эту сочную траву. Косили всегда несколько дней, а иногда и недель. Предварительно отец выбирал места для покоса сам, а затем уже брал меня с собой на покос. Мне запомнился один год, когда он наметил косить вдоль речки Вогулки, за поселком. Каждый день рано утром мы уходили на покос. При подходе к лесу, в котором и протекала река, отец начинал громко кричать: «Э, эй, э.., эй...э.., эй, э.., эй...». Так громко, что я просила его: «Потише, пожалуйста». На вопрос: «Почему ты кричишь?» – отец молчал. Заходили в лес, он переставал кричать, спускались к реке и косили. Мне попадалась мятая трава, как будто кто-то здесь валялся, причем не маленький. Я говорила отцу о своих подозрениях, он отвечал, что лошадь могла забрести или телята, которых пасли здесь иногда.

Работая с отцом, я даже не думала об опасности и не отказывалась ходить на покос. То же самое повторялось, когда мы, закончив косить, выходили с покоса. Отец снова начинал кричать: «Э.., эй...э.., эй...». На мои вопросы и просьбы не отвечал, как будто не слышал. Мне даже хотелось пожаловаться маме, но жалобы у нас не приветствовались, что я очень рано поняла. То же самое повторялось на следующий день и в последующие дни, при подходе к покосу и при уходе с покоса отец громко кричал: «Э...эй...эй...эй...ээ...».

Эти крики прекратились только тогда, когда мы закончили все работы вдоль речки – выкосили намеченную площадь, подсушили траву, вынесли ее на поляну, сложили в зарод и загородили.

По окончании покоса отец все пояснил: «Во первых, скот в этих местах не пасли, потому что были близко поля пшеницы и ржи, а на берегу речки, где мы косили траву, жил медведь. Когда мы заходили в лес, я своим криком просил его уйти, а когда мы уходили с покоса, я предупреждал медведя о нашем уходе; тебе об этом сказать не мог. Медведи не любят человеческий голос, поэтому быстро на него реагируют – уходят, если слышат его близко и, наоборот, приходят на свое место, если голос удаляется».

Закончив покос, отец рассказал о медведе охотникам. Его беспокоило, что место нахождения медведя близко к поселку и к проезжей дороге. Впоследствии охотники подтвердили, что это был большой медведь, но им удалось осилить его, и они благодарили отца за указание точного места. Печальный для медведя, но правдивый случай.

Как я уже говорила, моя мама хорошо косила.

В подтверждение вспоминается такой факт: когда созывали на колхозный покос, а мама с удовольствием отзывалась, то

мужчины колхоза просили ее не ходить на покос, говоря: «Мы справимся, Мария Петровна, занимайся своими делами». Мама оставалась с сожалением, а мужчины уходили на покос с облегчением, им не надо было соревноваться с женщиной, которая косила быстрее и лучше. Выросла мама в многодетной семье, была вторым ребенком, на нее пришлась большая нагрузка по содержанию семьи, косила она с детства и постоянно и научилась это делать хорошо. Но для покоса ей нужен был простор, чтобы могла развернуться по большому кругу, «тогда она косила легко, свободно, уверенно, делая широкие прокосы, коса слушалась и подчинялась каждому движению ее рук, трава же ложилась ровными, красивыми рядами», – так говорили очевидцы. Мужчины за ней не успевали, что им совсем не нравилось. Поэтому и просили ее остаться, когда оставался небольшой объем работ. Я думала, и папа поэтому не приглашал маму с нами на покос. Он косил спокойно, не спеша, выбирая траву погуще и поляны поменьше. Конечно, это мои предположения. Но ранее, до меня, они косили вместе, так как рассказывали разные случаи, какие с ними приключались.

А все оказалась гораздо проще, ранее у нас была корова, и сена надо было много, а потом из-за травмы корову пришлось зарезать, и родители приобрели коз. Для коз, естественно, сена надо гораздо меньше. Отец, видимо, решил, что справится сам, тем более, что маме хватало работы и без покоса.

То, что мама косила быстрее отца, он не отрицал, говоря: «На покосе Мария само совершенство». Конечно, всегда есть работы, которые одни делают быстрее и лучше, а другие хуже. Так что не будем над этим задумываться, а лучше самим пытаться делать любую нужную работу хорошо, чтобы было хорошее настроение.

ЗМЕЯ, ГДЕ ТЫ?

Ясный солнечный день, мы на покосе. Косили, как и прошлый год, вдоль речки Вогулки. Вдруг к нам подбегает соседка Тамара, она косила неподалеку от нас, и говорит, что, усевшись на землю пообедать, заметила змею, которая проползла около ее ног. Она стала просить отца пойти на это место и убедиться, что здесь есть змеи. В этих местах змеи нам не встречались, и папа с недоверием сказал: «Ну что ж, пойдем посмотрим твою змею!» Мы пошли с Тamarой на то место, где она заметила змею. Ее там не оказалось, Тамара настаивала на том, чтобы посмотреть змею в ближайших окрестностях.

В лесу очень легко заблудиться, и происходит все быстро и незаметно, если ты чем-то увлекся: ягодами, грибами, в нашем случае поиском змеи – и не держишь под контролем свой путь. Так получилось с нами, мы искали змею, смотрели только вниз: на землю, на траву, на появившиеся кочки; змеи не нашли, а с покоса ушли. Отец первый спохватился, посмотрел вокруг и говорит: «Мы попали в незнакомое место, надо выходить, змею можно целый день искать и не найти, пусть живет. Теперь надо быть внимательней при косьбе и ходьбе. А сейчас давайте искать речку, она должна быть где-то недалеко». Впереди было светлее, решили посмотреть, что там – открытое, без леса, место или река? А там увидели всего лишь небольшую полянку, зеленая трава и

лесные цветы, которые весело улыбались солнцу и нам. Осмотревшись внимательно по сторонам, никакой речки не увидели там. Куда идти, было не ясно. Тогда отец говорит: «Пойдемте на солнце, когда мы заходили, оно было сзади нас». Мы пошли на солнце, надеясь выйти к речке.

Оказывается, в поисках змеи мы не заметили, как по кочкам перешли речку, вдоль которой косили, то есть оказались на другом берегу. Небольшие лесные речки иногда теряются в болотах, а затем, собираясь в более глубокое русло, продолжают свой путь.

Считая, что мы идем к речке, фактически мы уходили от нее все дальше и заходили в лес все глубже. Впереди, казалось даже угрожающе, смотрел на нас лиственный, но очень густой и высокорослый лес. Вначале солнце просвечивало сквозь деревья, рассыпая свои лучи по земле. Но, идя на солнце, заметили, что солнечные лучи пробиваются все реже и реже, а лес становится все гуще и гуще, казалось, что ему нет конца. Перед нами возник чудный, дивный лес до небес, но такой густой, что всё вокруг заполнил собой. Крепкие высокие деревья росли плотно друг к другу, они были стройны и красивы. Хотелось их обнять и рядом с ними постоять. Но страх неизведанного леса и неизвестность не давали нам этого сделать, и мы, удивление внутри себя скрывая, продвигались вперед.

Не видя изменения местности, остановились. Компаса не имели, отец сказал: «Ищите любую тропку, она нас обязательно выведет из леса». Мне казалось, что в таком лесу не может быть никаких тропок, но, с другой стороны, нам ничего не оставалось, как их искать. Мы более внимательно стали смотреть вокруг себя и, к нашему удивлению, не очень скоро, но попали на тропку, да еще такую утоптанную, по которой явно ходили люди. Тропе в дремучем лесу мы очень обрадовались и пошли по лесной тропе гораздо смелее и веселее. Но лес как будто рос на глазах. Мы поднимались все выше, не замечая подъема. Лучи солнца уже не могли пробиться до земли и были видны только на верхушках деревьев, небо открывалось все реже и реже. Перед нами стояли не деревья, а великаны. «Какой частый и высокий тут лес, как стена!» – воскликнула Тамара.

Было не ясно, облака или ветви высокорослых деревьев так густо сплелись между собой, что закрыли небо; стало совершенно темно. Мы продолжали двигаться молчаливой цепочкой по лесной тропе, которую еще можно было различить среди густых вековых деревьев и по плотности земли.

Долго ли мы шли, одному Богу известно, день, вечер или уже ночь, понять было невозможно. О ручных часах тогда даже не мечтали, их ни у кого не было. То, что мы заблудились в глухом лесу, все понимали, но об этом не говорили. Сколько будет тянуться этот лес, никто не знал. Отец стал думать, как провести ночь в лесу, он сказал, что ночевать придется на деревьях, стоящих недалеко друг от друга, но у нас ещё есть время выбрать место. Разговаривая, мы продолжали идти вперед, стал чувствоваться подъем в гору, видимо, подходили к вершине.

Никогда больше в своей жизни я не видела такого густого и высокого лиственного леса, в котором не видно небо. Вполне возможно, что белая рысь, появившаяся вблизи поселка и охотившаяся за гусями, жила в этом лесу. Если бы не поиск змеи, мы так и не узнали бы, что в нескольких километрах от поселка растет невиданный по высоте и по частоте лес. Высокорослые деревья, не менее сорока метров в высоту, а вернее всего и более, закрыли небосвод своей зеленой, разросшейся кроной. Они закрыли то голубое небо, которое мы привыкли видеть всегда и везде и отсутствие которого ощущается очень остро — как тяжелая утрата чего-то очень необходимого. Я уже не смотрела вокруг, становилось как-то не по себе, страшно, но отец шел спокойно и уверенно вперед, и мы шли за ним.

Иногда слышали выстрелы, но они были сзади нас и очень далеко, поэтому не придали им значение. А это стрелял муж Тамары, придя после работы за ней на покос, он не нашел ее, а коса, грабли лежали на земле. Не нашел он и нас, а также увидел косы и грабли. Тогда он решил, что мы заблудились, это случалось нередко в тех глухих местах. Владимир, так звали мужа Тамары, пошел домой, взял ружье и, вернувшись на покос, стал стрелять. Но это уже не имело значения, покос от нас был очень далеко.

Мы продолжали идти по тропе, темнота и густота леса не менялась. Вдруг впереди на высоте появился свет, лес внезапно расступился. Как мы обрадовались этому свету, нельзя описать, смеялись, хлопали в ладоши, прыгали, а папа стоял и улыбался. Поднявшись на гору, увидели, что вышли на поляну вырубленного леса, но и этому были рады. Светлое небо, даже закрытое легкими облаками, было для нас большим утешением. Стало понятно, что без неба мы ничто, а точнее мы — земля и люди, без неба, как дом без крыши.

Стало также ясно, что настал вечер, но еще не ночь. Пройдя вырубку, вышли к дороге, но в какую сторону идти, вправо или влево —

не ясно. Решили идти вправо, дорога была хорошо протоптана и проезжена на лошадях; по ней мы пошли быстрее и увереннее. Между тем ночь приближалась очень быстро. Все кругом чернело и утихало. Мы шли вперед, вдруг почувствовали, что появилось болото. Чутье подсказывало отцу, что это уже наше болото, за ним должен быть наш Сахалин.

Все подтвердилось, направление было выбрано верно, и к трем часам ночи мы добрались до дома, где нас ждали моя мама, Захар и родственники Тамары. Они собрались все вместе и ждали рассвета, чтобы начать поиск. Но мы вернулись ранее, чему были все рады. Муж Тамары посмеялся над тем, что мы решились искать змею. Но когда хороший конец, все кажется очень хорошо, и мы, улыбаясь и радуясь дому, спокойно пошли спать, взрослым с утра надо было идти на работу.

О ЛЕСЕ И МОРЕ

«Под большим шатром голубых небес».

И. С. Никитин.

Богатый лес окружал наш поселок со всех сторон. Он рос по горным цепям, в болотах (у нас не было очень сырых болот), вдоль реки и за полями.

Лес на Урале смешанный – лиственный и хвойный.

Лиственный – береза белоствольная; осина с постоянно дрожащими листьями; лиственница крепкая с мягкими пушистыми иголками; рябина – весенняя кормилица птиц; черемуха душистая, от белых, кудрявых цветов пышная; верба или ива гибкая, о которой в народе поют ласково: «Ивушка зеленая над рекой склоненная»; ягодные кустарники малины, смородины, жимолости – дополнительные витамины к выращенному урожаю.

Вечнозеленый хвойный лес – мохнатые ели с остроконечными вершинами и колючими зелеными иголками; высокорослая сосна с золотистым стволом – так для строительства нужна; пихта пахучая, с

мягкими зелеными иголками; могучий кедр с самыми длинными, но мягкими зелеными иголками, дающий для птиц, зверей и людей кедровые шишки с маленькими, но очень вкусными и полезными орешками.

Хвойным лесом больше любовались, на строительство срубали иль орешки те щелкали. Только сухой хвойный и лиственный лес пилили для топки печей. Жили уральские сахалинцы по законам лиственного леса, переодевались вместе с ним два раза в год.

Весной лиственный лес одевался - листвой покрывался, а мы, люди, наоборот, раздевались, снимая теплую зимнюю одежду, меняя ее на более легкую, а дети и разувались, бегая босиком по земле.

Осенью лес раздевался, осыпая листву, а мы обувались, одевались, плотнее, теплее. Обо всем нам лес поведает - подскажет или укажет, когда и как себя вести, что можно взять и унести, а чему просто порадоваться от души. Мама говорила, что пустым из леса нельзя возвращаться, он всегда рад одарить тебя подарками, только принимай, не ленись. Нас, детей, манили грибы и ягоды в лесу, без них, казалось, жить нельзя. Конечно, лес полон чудес и прекрасен, но для детей небезопасен. Они о том не забывали и далеко не убегали, к дороге делали пометки, умнее становились детки; чтобы в лесу не затеряться, привыкали откликаться.

«Ау, ау...» - кричали мы,
В лесу блуждая;
«Э, эй...» - отвечали нам,
Дорогу зная: -
«Идите к нам скорей».

А вот и солнышко взошло,
Свет, тепло нам принесло.
Ты порадуйся, дружок,
Сядь-ка рядом на пенек.

Наш пенек в краю лесном, словно кресло в доме родном. Посидеть на нем приятно, на душе светло и ясно. Вся природа пред тобой, не найти другой такой. Так я в детстве своем считала, пока море не увидала.

Море также превосходно, беспредельная синь и гладь, уходящая в небеса. А ты заходишь в него, и морская вода ласкает твое тело. Можешь плыть по поверхности воды, по этой глади, и вода держит тебя. Можешь нырнуть и заглянуть в глубину моря и плыть под водой, ощутив себя на время рыбкой, легкой и свободной, а затем быстро вынырнуть. Так что море и внутрь тебя пропускает, и наверх, в реаль-

ный мир выйти помогает; лес также и внутрь приглашает и выйти из него не мешает, но требуется двигаться и быть внимательным. В море также твои усилия нужны, море помогает только живому двигающемуся телу. Необходимо работать руками и ногами и не лениться. Так что труд нужен везде – и в лесу, и в воде. Конечно, человеку дается возможность и просто любоваться и морем, и лесом.

Море я наблюдала с земли, с моря и с высоты гор, оно для меня остается загадкой, но приятен морской простор, правда, если не далеко от берега. А с высоты горной скалы, когда смотришь вниз на море, оно кажется бездной, похожей на пропасть. При отсутствии солнца становится даже жутковато. Когда же с высоты смотришь вперед, вдаль и ясно видишь, как синь моря сливается с небесами и появляется одно целое – синее – голубая беспредельность, тогда хочется смотреть долго, а на душе спокойно. Но при этом лучше сесть на скалистую землю и подальше от края, спокойно наблюдая.

Когда же смотришь вниз с высоты Уральских гор, то не видишь ничего страшного, а только реки и поля среди зеленого леса. Если с высоты этих гор смотришь вперед, вдаль, то видишь уральские цепи гор, сплошь заросшие зеленым лесом, и перед тобой также открывается море, только зеленое. В нем нельзя купаться, им можно только любоваться, и оно также уходит в простор небес. Для нас, выросших среди гор, вид на зеленые цепи гор приятнее для взора; зеленое море кажется живее, ближе и роднее. Но оба моря, синее южное и зеленое уральское, объединяет беспредельность, эта таинственная даль, которая уходит в голубой небосвод. Кажется, что без неба, как без воздуха, мы ничто, и это очень хорошо понятно в лесу и в море. Живой зеленый лес и синее море только под куполом небес вызывают полное чувство успокоения и удовлетворения созданным миром.

- Небо, солнце, море и Я...а!!! Небо, солнце, море и я...а!!! ... - так кричала я, лежа на спине в море, находясь вдали от берега. Передо мной был огромный купол неба и солнце в нем, а вокруг вода без конца и края. Окружение рождало мысль, что я есть маленькая песчинка в огромном пространстве воды и неба. А с другой стороны, я – частица этого огромного пространства. Я причастна к нему, ко Вселенной, и это внушало спокойствие и уверенность в себе. Помните об этом чаще, особенно в душевное ненастье.

Но я же одновременно маленькая и беззащитная песчинка на морском берегу, иль та зеленая травинка в лесу, аль на лесной поляне. Все чудно в этом мире, но я в лесу, о нем и рассказать хочу.

Пенек в лесу, что кресло в тихом доме. Присядешь, оглядишься и только удивишься: трава зеленая иль ягода лесная, цветок иль бабочка, червяк или букашка все земпо украшают, все к месту и все дело свое знают.

Все создано для украшения земли, в том числе и мы, люди, но этого мы часто не понимаем. Как все чудно на природе, только с ней мы на свободе. Здесь росистая травинка, здесь березка, здесь осинка. Там зеленая сосна, все стремится ввысь она. В лесу небо высоко, дотянуться не легко. Даже птички милые ниже летают, поют и, лесу радуясь, играют.

Вот муравьи бегут, неся сосновую иголку в дом,
А там кузнец стрекочет о чем-то о своем.
Зеленого кузнечика в траве не отличить,
И, может быть, поэтому он о себе кричит:

Я здесь, я здесь, — и весь мой род,
Сестер и братьев хоровод;
Я здесь, я здесь, и я живой
С моей прекрасною травой.
Я с ней живу и умираю;
А раннею весной я с нею оживаю!

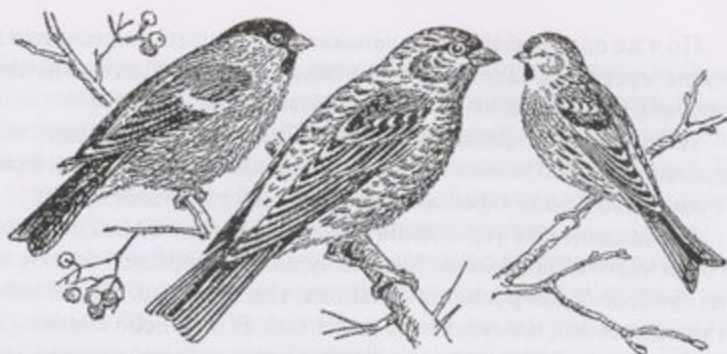
Здесь и ягода лесная красоту в траве скрывает. Вот жучок, а вот грибок, ярче мака здесь цветок. Все землю радуют и нас иль сердце доброе и глаз.

В лесу при солнце всем тепло, уютно и светло, а на душе спокойно и страха нет.

А солнышко зайдет за тучи и потемнеет лес, сразу бежишь домой, там свой секрет.

Дом леса не заменит, но накормит и теплом согреет, а ночью мысли успокоит.

Уверена, что море нас возвышает, а лес зеленый украшает, к труду и жизни призывая. Из-за высоты и густоты деревьев небо в лесу очень высоко, гораздо дальше от тебя, чем в море, когда оно прямо над тобой. Неоспоримо, что небо олицетворяет духовность, мечту, космос, звезды и одновременно воздух, так необходимый для жизни, а земля и лес — условие и реальность жизни. А все вместе — это наш удивительный мир, наша, может быть, единственная в своем роде Вселенная в бесконечном множестве других.

Вот что значит – посидеть на пеньке в лесу, да еще если ты ранее побывал на море; мысли плывут, набегая, как волны, друг на друга, и нет им конца, но закат солнца и часы напоминают, что в лесу хорошо, но дома лучше, а вернее, всему свое время и место.

Времена года, спасибо, что вы есть!

Чудесно: весна украшает землю зеленым цветом.

Лето украшает землю всеми цветами;

Осень украшает землю желтым (золотистым) цветом, цветом плодородия и богатства, если к земле приложен труд.

Зима украшает землю белым цветом – светом на длинную, темную, зимнюю ночь.

Весна – воздух жизни, она открывает землю для полного дыхания, вся природа оживает, а вместе с ней и человек дышит глубже. Наблюдая за появлением зеленой травки из черной земли, набуханием почек на деревьях, появлением листочков, а далее цветочков, человек рождается заново; наверное, не найдешь человека, который бы не улыбнулся весне. А продолжение весны – лето.

Невероятно и печально представить или увидеть водоемы без рыб, воздух без синего неба и птиц, землю без зеленой травы, цветов, жилых строений, полей, гор и леса, а лес без живых существ. Увидев в лесу живые существа, ты как будто сам оживаешь, наполняешься радостью жизни.

Особенно это заметно летом, когда растительный и животный мир живет в лесу полной жизнью. Звонко и незаметно для человека шумно от неувливаемого движения, ползания, лазания и бегания летом в лесу. Идя по лесу, обязательно услышишь звонкое пение или перекличку птиц, перелетающих с дерева на дерево, встретишь бурундука или ящерицу,двигающихся бесшумно, услышишь, как дятел выиски-

вает червячков на поврежденных временем деревьях, а иногда можно увидеть белочку на дереве или бегущего по зеленой траве зайца. Это все радует тебя не меньше, чем ягоды или грибы.

И человек интересен для обитателей леса, ящерица, бурундук даже останавливаются, чтобы внимательней на тебя посмотреть, но при малейшем шорохе исчезают непонятно куда. А белочка всегда настороже, но, повернув к тебе голову, также внимательно посмотрит на тебя, а затем, махнув пушистым хвостом и пролетев по нескольким деревьям, исчезает в лесной глуши. Серый же зайчик, остановившись на миг, настороженно подняв свои длинные уши, посмотрев на тебя с большим любопытством, уносится из вида, очень быстро скрываясь в зеленой траве. А птицы, продолжая петь, кажется, за тобою наблюдают, пока в лесу гуляешь или ягоды собираешь.

Удивительно, что движения в лесу в основном бесшумны, как будто каждое живое существо леса понимает, что надо с уважением относиться друг к другу и вместе, не мешая друг другу, жить и радоваться жизни. Даже поющие птицы и дятел вписываются в эту тишину, не нарушая ее, а, наоборот, радуя, наверное, как для нас хорошая музыка или песня. А с другой стороны, когда поют птицы, все живые существа в лесу спокойны, значит, нет опасности; когда же тишина, то в лесу все затихают и прячутся, пока не поймут, в чем дело или увидят, к кому пришла беда, или наступило какое-то другое, важное для птиц или животных, событие.

И в лесу свои, хотя и неписанные, имеются законы. «Если люди не блуждают, то также должны соблюдать тишину в лесу, — говорили нам взрослые. — Мы же приходим в гости к лесу, а в гостях не принято шуметь, таков обычай». Да и гораздо приятнее слушать тишину леса, не возбраняется тихонько напевать, коль радость некуда девать.

Интересно, что, слушая пение птиц в лесу, вспоминаются прекрасные слова из советской песни: «Когда поют солдаты, спокойно дети спят». А когда поют птицы в лесу, то значит, все спокойно и нет беды.

А может, песня на самом деле предотвращает беду?

Я все о лете да о лете, а лес прекрасен во все времена года, тем более, что продолжением лета является осень.

Осень — яркий итог деятельности весны и лета — получение урожая для жизнеобеспечения до следующей осени, и яркий цвет природы перед уходом в зимние холода, чтобы запомнился не менее, чем на год.

Здесь сразу вспоминаются строки из стихотворения «Осень» А.С. Пушкина: «...люблю я пышное природы увяданье, в багрец и в золото одетые леса...».

Точнее и лучше высказаться об осеннем лесе, наверное, невозможно, во всяком случае, трудно найти другие слова. За осенью в России «идет, бредет» зима.

Она замыкает временной цикл природы и одновременно дает возможность собрать силы для начала нового цикла. Замкнутая цепь, а дает возможность вострепнуться, во всю ширь развернуться, итоги подвести и на отдых уйти. Как в жизни! Что-то мы быстро итог подвели, а о зиме разве слов не нашли?

И вот зима, заслуженный, спокойный отдых леса и полей и здесь же приобретение сил для новой встречи весны и лета. Как все чудно устроено!

Осень открывает глубину леса, а зима подчеркивает эту глубину, давая возможность ее познать. Она укрывает лес, как бы для покоя его и одновременно украшает лес белым, пушистым снегом. И только красивые узоры звериных и птичьих следов на белой скатерти снегов говорят нам о том, что и зимой наш лес живой.

Особенно прекрасен зимой хвойный лес. Когда первые белые снежинки легко и мягко ложатся на мохнатые, пушистые, зеленые ветви кедра, ели, пихты, то трудно оторвать глаза от этой красоты. Живая сказка возникает пред тобой, и говорить совсем не нужно, за эту красоту ее зовут зимой.

А душа стремится восторгом поделиться и с лесом, и с небом, и вслух с самим собой. Только песня может выразить эти чувства, и песня льется:

Здравствуй, гостя-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.
Есть раздолье у нас, -
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.
Нам не стать привыкать, -
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!*

О зимнем лесе хорошо сказал и мансийский поэт Юван Шестаков: «Дремлет лес, легко дыша», — под теплым снежным покрывалом лес чувствует себя уютно — это верно.

Зимние морозы, упрятав реки, озера, болота под лед, предоставляют большое раздолье для людей и зверей. Бегай, езди и ходи по земле и по воде. Это ли не сказка и зимы разгадка. Только снежною зимой все пути в лесу открыты, становись скорей на лыжи. Зимний лес кра-

* — И. С. Никитин

сотой тебя удивит, свежим воздухом напоит. Лыжные прогулки в лесу сплошное удовольствие.

На крылья парящей птицы похожи кедровые ветви зеленые; в лесу какое-то затишье, и мы идем замороженные.

По лыжне тихонько едем без оглядки, а в природе зимней будто все в порядке. Покрывалом белым вся земля одета; хочется быть смелым, радоваться свету.

Зимний лес, как ты прекрасен! На душе легко так стало. Не заметив поворота, на лыжне я вдруг упала. Улыбнулась тихо лесу и быстрей лишь побежала. Интересно, после лыжной прогулки по зимнему лесу не ощущаешь усталости, а бодрость духа на всю рабочую неделю обеспечена.

В наше время (1975 год и далее до перестройки) требовали сдачу норм ГТО (что расшифровывалось – готов к труду и обороне) – определенных спортивных навыков в беге, прыжках, спортивных играх, а также в беге на лыжах. Нормы ГТО должны были сдавать все работники производственных предприятий. Это спортивное принуждение всем нравилось, так как соревнования проходили на свежем воздухе, учитывался возраст; работники, получившие лучшие результаты, премировались, остальных благодарили за участие, и все были довольны и улыбались.

Мне запомнился зимний день соревнований, когда молодая семья – муж и жена встречали лыжников, соратников по работе, окончивших гонку, горячим чаем. И мне досталась чашечка горячего чая после пробега. Как я была благодарна этой молодой паре – Ляпуновым Николаю и Людмиле, уверена, что не я одна. Какие они молодцы, додумались приготовить чай и в большом термосе принести на место финиша; жена держит кружку, муж наливает, а жена угощает, прекрасно, спасибо им! После пробега на лыжах горячий чай очень кстати и для здоровья плюс, и не иначе, а еще неожиданное человеческое внимание, приятно и памятно. В народе говорят: «Дорога ложка к обеду». А я бы добавила: «Дорога чашечка горячего чая после пробега».

Гораздо позднее на лыжных базах стали появляться чайные, и это прекрасно.

Зимой на лыжах пробежаться значит здоровья набраться!

Не упустите зиму в лесу!

ОХОТА БЕЗ РУЖЬЯ

Начало августа, день летний, но уже не очень теплый, вторая половина дня. Как и многие другие, я работала на огороде, заканчивала окучивать картошку. Между огородами проходила дорога в лес. Выпрямившись, чтобы отдохнуть, увидела, что по дороге идет мой отец с Лохматкой. Он, видимо, сумел пораньше прийти с работы. Лохматка – это охотничья собака небольшого роста. Отец взял ее щенком, вырастил и практически с ней не расставался. Слышу, с соседних огородов кричат мужики: «Куда пошел, Павел Андреевич?». Отец отвечает: «На охоту». Все смеются: «Без ружья на охоту!? Рассмешил ты нас, Павел Андреевич!» Они радуются возможности посмеяться над кем-нибудь, или «позубоскалить», как говорят в народе, а в данном случае над моим отцом. Мне было не очень приятно, но ничего не поделаешь, никто, наверное, не проживет в деревне, чтобы над ним в какой-либо момент не посмеялись.

Вечером отец принес домой куропаток и одного косача, ощипал их, опалил, разделал ножом и передал маме. Перо шло в подушки, а мясо в суп. Это был прекрасный, вкусный суп, даже в те времена не сравнимый с супом из домашней птицы. «За три часа три птицы? – спрашивая, удивлялись соседи, – трудно поверить, что без ружья!» На самом деле все было именно так, все на виду – и уход на охоту, и приход с охоты. В дальнейшем это было не один раз, но люди с трудом верили и всегда удивлялись: «Так у тебя золотая собака, как это она умудряется ловить живую дичь?» Отец улыбался и с удовольствием рассказывал: «В лес заходим тихо, Лохматка начинает ползти, то есть крадется, я нахожусь на расстоянии видимости от нее, иду осторожно, она ползет, до тех пор, пока птица, заметив опасность, начнет взлетать, в этот миг Лохматка делает прыжок и хватает ее на взлёте, здесь подбегаю я и помогаю удержать птицу». Иногда собака справлялась сама. Отец не ловил птиц много за один раз, как говорят, не жадничал, чтобы успеть обработать добычу и использовать.

А дичи в лесу тогда было много, и мы, дети, заходя в этот лес, часто пугались взлетающих перед собой птиц. Они же взлетали, видимо, пугаясь нас, шумно бегущих детей. Дело в том, что в этот лес мы забегали с горохового поля, на котором часто лакомились. Председателю колхоза это не нравилось. Он часто объезжал поля на своем черном, блестящем на солнце жеребце; появлялся неожиданно и на

гороховом поле, кричал нам, чтобы ушли с поля, а сам подгонял коня плеткой и ехал в нашу сторону. Мы, боясь, что и нас достанет плеткой, скрывались от него в лесу. Председатель считал, что мы вытопчем горох, и его трудно будет косить. Но колхозники на собрании настояли, чтобы он не пугал детей и разрешил им есть горох с края поля, мол, много они все равно не съедят. После этого мы стали есть горох только с края, и не надо было прятаться в лес.

Отец же с Лохматкой посещал этот лес чаще нас.

«Ну, посмотри, какая хитрая собака, как лиса, — завидовали некоторые колхозники, — как ты, дед, умудрился научить ее такому искусству — не мертвых птиц выносить, а живых ловить?». «Это секрет, ответа здесь нет», — отвечал, улыбаясь, отец, если не было настроения рассказывать подробности. Я была последней у моих родителей, папе после моего рождения было 45 лет, и когда мне было 10 лет, то отец был уже совершенно седым, и его часто называли дедом. Судьба распорядилась им не по его желанию.

Много разных работ приходилось выполнять отцу в колхозе, пока он стал работать пчеловодом; был он и пастухом, пас телят. Когда у него было время, он тренировал собаку в лесу и на поляне, в том числе и для охоты. Вскоре понял, что собака умна и выполняет охотно и ста-

рательно все его команды. Он уже с интересом и серьезно стал с ней заниматься, и результат не заставил себя ждать. Охотники завидовали, глядя на нашу Лохматку, всем хотелось иметь такую собаку, поэтому щенки разбирались очень быстро, хотя не все они оправдывали ожидания охотников.

Неожиданно отца отправили в командировку в Среднюю Азию за лошадьми для колхоза. Предвиделась продолжительная командировка, и мы (я, Захар и мама) пошли провожать отца на железнодорожную станцию, была с нами и Лохматка. Расставание их было тяжелым, собака не хотела оставлять отца и бежала за поездом. Отец кричал нам: «Берегите Лохматку». Лохматка продолжала бежать за поездом, наши крики не помогали, и мы ушли домой без нее. Железнодорожная станция была далеко от нашего поселка, мы переживали, найдет ли обратно дорогу? Оставалось надеяться на лучшее и ждать. Лохматка не возвращалась, мы были очень огорчены, но надеялись, что она живая и взята каким-либо охотником, так как многие просили отца продать им собаку.

Прошел месяц, к нам зашел охотник из другого поселка, спросил отца, я сказала, что он еще не вернулся из командировки. Тогда охотник поведал печальную историю: он поставил капкан на волка, а в капкан попала Лохматка, когда возвращалась домой. Охотник долго не проверял капканы, а когда пошел проверять, то нашел мертвую Лохматку, о чем он очень сожалеет и просит извинения у моего отца. Это был большой удар не только для отца, мы все до слез жалели нашу любимую собаку.

Отец вернулся через два месяца, как только сдал лошадей, поспешил домой, сразу заметил, что его не встречает Лохматка. Поэтому почти первое, о чем он спросил: «Где Лохматка?». Наш ответ был очень тяжелым для него. А впоследствии охотник рассказал ему все подробно и извинялся, понимая, что таких собак не так уж много, редкая была собака. Но позднее еще две собаки, которых растил отец, как сторожевых собак, при работе сторожем, оказались также умны, берегли отца, но и он любил их и оберегал, только обо всем не рассказывай.

КОРОТКИЕ ЭПИЗОДЫ

Телята, несмышленные милые телята. Но если с ними работать с любовью и уважением, то и они становятся смышленными. В связи с этим вспоминается один эпизод. Произошел он, когда отец пас телят. Как уж он с ними справлялся, знает только он, а как тренировал вожakov, выбранных из телят, видели и слышали многие. Во всяком случае, вожак его слушались, а его обращение к телятам удивляло всех. Наступало время возвращаться в поселок, отец кричал: «Налим, домой, Обет, домой, пожалуйста, домой! Налим, домой, Обет, домой, пожалуйста, домой!» – повторял он несколько раз. И телята, как по волшебству, шли домой. А Налим и Обет – это были клички вожakov. Моя подруга детства запомнила это на всю жизнь, так как телята ежедневно проходили недалеко от их дома, и через 30 лет, когда мы встретились, она сама напомнила мне, по-прежнему удивляясь, что отец так вежливо, как бы «волшебным» словом «пожалуйста» обращался к телятам, и что это им нравилось.

Также она помнила, что моя мама прекрасно солила грибы, за которыми многие приходили к маме, когда приезжали к ним гости или на праздники и весной. Приходила за ними и мать моей подруги Валентины. Не зря говорили в народе: «Весной грибок, что мед!». Действительно, лесные грибы в маминой кадке были очень сладки. Я также помню, как селяне приходили к нам за солеными грибами.

Собирали грибы мы, я и отец. Работая пастухом, он запоминал места, где растут грибы для засолки, а где для жарки или сушки. Для засолки брали в основном белый груздь. С горячей, свежей картошкой соленые грузди были деликатесом, и я, вспоминая об этом, тут же аппетитно облизываюсь. После Урала таких грибов не кушала, да и рецепт засолки мне мама не рассказывала. Когда были грибы, была мала, а когда выросла, жила в городе, и о грибах можно было только мечтать, а мечтать времени не было; так что все это осталось только в памяти, и спасибо ей.

О ПРАЗДНИКАХ

Интересно и то, что, в нашем поселке Сахалин праздновали как советские праздники, так и православные – церковные праздники.

На советские праздники вывешивали красный флаг Союза Советских Социалистических Республик (СССР) на конторе, плакаты на тему праздника, предоставлялись выходные, даже варили бражку – деревенское спиртное (но только в колхозной столовой). В столовой готовили также праздничную еду, здесь же, прямо в клубе-столовой, можно было кушать и выпивать. Так и делали, праздновали сообща, коллективно, но разрешалось, кто желает, брать еду и бражку домой. Бражку выдавали по одному литру на женщину и два литра на мужчину.

К праздникам всегда организовывались концерты, в которых мы, дети, принимали самое активное участие. Некоторые колхозники, более пожилые, приходили только на концерт.

Православные праздники праздновались скромно, только в семьях: без выходных, без выпивки и без концертов. Церкви в поселке не было, потому что строился он в советское время. Только мы, дети, веселились, соблюдали все традиции православных праздников, ходили по домам, поздравляли с праздником и получали за это подарки. Особенно ярко мне запомнились два праздника.

1. Светлое Христово Воскресение – Пасха Господня. На этот праздник стол украшали крашеными яичками и стряпней, яркий и красивый был стол. Конечно, все знали суть праздника – Воскресение Христа, это вносило радость и благоговение. Стол, украшенный вкусной едой, подчеркивал особенность дня. Куриные яички варили и красили чаще всего луком, чтобы можно было спокойно кушать, правда, только после определения их крепости с родными или друзьями (каждый брал крашеное яичко и ударял его о яичко в руках другого человека, определяя, чье крепче, это называли похристосоваться, при этом надо было поцеловать друг друга в щеку). В связи с тем, что у нас не было церкви и праздник не приветствовался властями, целовались только близкие и родные. Только для красоты несколько яичек красили в разные цвета (пищевых красок у нас не было); стряпня представляла собой пирожки, булочки, печенье разных форм и Пасху, которая занимала самое почетное место на столе.

В основном стряпней, а кто имел возможность, конфетами угощали нас, детей, когда мы заходили в дома и говорили: «Христос Вос-

кресе!». А нам отвечали: - «Воистину Воскресе!» – целовали нас и давали угощения.

2. Другой праздник - Святая Троица. Это также православный праздник, он отличался прежде всего убранством дома. Как к любому празднику, в доме делали генеральную уборку: мыли окно (оно у нас было одно), стол, пол, протирали пыль, чистили иконы; в этом я принимала активное участие. Иконы чистила песком на берегу реки.

А далее были чудеса: просыпаюсь утром на Троицу у себя дома, а оказываюсь в лесу: в изголовье, у кровати, молодые свежие березки; на столе полевые цветы; на стенах березовые ветки; а на полу зеленая, свежескошенная трава до самого крыльца. Природа, вновь возродившаяся природа, пришла к нам в дом. Когда ложились спать, ничего не было, родители украсили дом рано утром. Поэтому чувствовался прекрасный лесной воздух, листья на ветках и деревцах были живые, блестящие, трава мягкая и нежная, а цветы как-будто улыбались на столе и говорили: «Вставай, все уже на работе, порадуйся вместе с нами». Радостно и тепло становилось на душе, и я улыбалась цветам, траве, березкам – пришедшему лету и в душе благодарила родителей за необычный подарок. В этот день я не чувствовала, что одна в доме.

Богу угодно, чтобы каждая семья, вернее, каждый человек заметил и прочувствовал этот переход от весны к лету, этот прекрасный ежегодный подарок людям, называемый Божиим даром. А именно, чтобы человек, после зимних холодов, порадовался зеленой, но уже выросшей травке, зеленому, но уже полностью раскрывшемуся листочку; любому появившемуся цветочку и летающей над ним красивой бабочке. Лето – самое благоприятное время для полной жизни человека и в целом всей природы в России. Праздник Святой Троицы отражает крепость духа, силу веры православной в нашей церкви святой и расцвет земли родной.

Бог объединяет в этот праздник все народы единством духа и радости жизни. И невольно приходят слова молитвы: Хвала Отцу и Сыну, и Святому Духу, теперь, всегда и вечно. Аминь!

Этот чудесный и радостный праздник мне нравился всегда.

Когда подросла, то обязанность украшать наш дом на Святую Троицу перешла ко мне, что я исполняла с большой радостью до девятого класса.

А почему именно березками, березовыми ветками украшали дома, а как я узнала позже, и храмы?

Для меня березка белая – всегда родная, она же всю себя отдает людям:

– Белый ствол – белый свет, а свет – это уже добро;

– Березовый сок – прекрасный весенний напиток, придает бодрости и силы.

– Чага – это лекарственный нарост на березе для лечения желудка.

– Кора. Береза – единственное дерево, которое имеет три наружных покрова, три «кожи», из которых делали и делают прекрасные резные изделия: туески, хлебницы, разные украшения, а также пайвы, заменяющие современные рюкзаки.

– Березовые почки и листья используются в медицине.

– Березовые веники издавна используются в русских банях, ими парятся, т.к. они полезны для здоровья.

– Ствол березы – прекрасное топливо для печи (сравнимо только с лиственницей), долго горит и держит жар, что также использовалось для приготовления пищи и кондитерских изделий – приготовленные в печи, они были вкуснее, чем испеченные в духовках. А тепло от жарких углей, когда находишься недалеко от печи или камина, благоприятно для тела и создает уют для души.

К сказанному о березке белой следует добавить, что сок из нее брали осторожно и в меру, прорезь делали не широкую, чтобы она могла быстро зарости.

Использовались также березовые ветки с листьями для зимнего корма овцам и козам, они их очень любят. Поэтому летом мы обламывали ветки у берез и делали из них большие веники, а березы от этого у нас были стройные и красивые, не было на них висячих веток, как у ивы. Молодые же березки срубали только в тех местах, где они росли очень густо.

Берегите и любите белоствольную березку, не срезайте кору, не буравьте ее как попало, а, вырубая, восстанавливайте сразу же. Березка растет нам на радость, и все, что в ней есть, она без остатка отдает нам – людям, живущим с ней рядом.

В темноте суровых буден свет дает нам этот ствол,

Постоят с ним рядом люди, и спокойней станет сон.

Вполне возможно, что и представители других народов на Сахалине отмечали свои национальные праздники, но это не было наглядным, и поэтому не осталось в моей памяти.

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ

(продолжение)

Новый год праздновали по-особенному:

Во-первых, ставилась елка, которую надо было украшать. Украшения для елки делали сами, использовались фантазии каждого: придумывали бусы из ягод, цепи из бумаги; также из бумаги вырезали снежинки, птиц, животных, склеивали кубики, сосульки; использовались фантики от съеденных конфет, заполняя их бумагой – обманные конфеты и лесные шишки. Денег не было, поэтому в магазинах, которые были в соседних селах, ничего не покупали, да и не помнится, были ли там игрушки к Новому году?

Наряжали елку с искренней радостью взрослые и дети вместе.

Электрические лампочки для украшения елки не использовали, остерегались пожара.

Празднуя Новый год, прежде всего, веселились вокруг украшенной елки.

Во-вторых, вместо конферансье праздник вели Дед Мороз и Снегурочка (юноша и девушка, наряженные в костюмы Деда Мороза и Снегурочки). Наряды соответствовали зимнему убранству природы – белый снег и белая борода у Деда Мороза, белый наряд у Снегурочки, но с блестками, подобными снежинкам, когда они блестят на солнце. Того, кто изображал Деда Мороза, наряжали в красный халат с белым большим воротником. Халат надевался на одежду, а при необходимости на фуфайку или пальто, затем подпоясывали Деда Мороза кушаком – красивым поясом.

Одежда Деда Мороза напоминала овчинный тулуп длиной до пят, который издавна в России использовали купцы и путешественники зимой. В большие морозы при длительных поездках на лошадях надевали такие тулупы поверх обычной зимней одежды, ложились или садились в них в сани и ехали, не боясь замерзнуть. Дед Мороз пользовался посохом – палкой, так как это был пожилой человек. Зимой настоящий Мороз считался хозяином в природе, часто и жизнь человека находилась в его руках. Об этом много разных сказаний и стихов:

...Мороз-Воевода дозором

Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели

Лесные тропы занесли,

И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?..
Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...*

В-третьих, считалось, что Новый год – особенный праздник, все в нем должно быть необычно, по-новому, и чем интереснее его справим, тем интереснее будет этот год. Поэтому наши самодеятельные артисты, кроме обычных костюмов, наряжались в маски, яркие, красочные, но соответствующие естественному виду персонажей, которых им приходилось изображать. Для выступлений в масках использовали сказки, были, стихи. В масках могли быть также все желающие. Маски выполнялись яркими, красочными, в них веселились, шутили и плясали гораздо смелее и свободнее.

Празднование Нового года нравилось всем, так как не только интереснее становился концерт, но и интересно было узнать, кто скрывается под той или иной маской, даже задавался такой вопрос, в котором просили угадать маску, если сразу не угадывали, то все смеялись и угадывали снова. Угадывали и Деда Мороза со Снегурочкой, если они затушевывали лица.

А для детей готовились подарки, вот было радости, тем более, что их прятали под елкой и раздавали подарки опять же Дед Мороз и Снегурочка.

В связи с тем, что детям не платили за труд и не писали им трудовой, то колхоз делал подарки два раза в году – к Новому году и к майским праздникам. Весной чаще покупал материал на платья для девочек и на рубашки для мальчиков. Эти праздники мы принимали вдвойне весело и радостно.

На весенних и осенних праздничных концертах выступали клоуны. Запомнился клоун, немец по национальности, Манклер Иван. Когда он разложил на сцене большую карту Советского Союза и искал по ней заблудившуюся в нашем лесу колхозную корову, хохот был неимоверный, смеялись все до слез. Тогда же в первый раз мы, дети, узнали, что в Италии готовят и едят очень длинную лапшу. Ел ее на сцене тот же Иван, и все смеялись, так как лапше не было конца.

Дети же пели, танцевали, читали стихи, а также выполняли физические упражнения – пирамиды, мостики, стояли на голове. Для пе-

* – слова Н.А. Некрасова

сен костюмы были простые: нами же вышитые белые кофточки и цветные юбки, косыночки на голову. Цветные юбки выполняли из цветных ковриков, висевших повседневно на стенах около кроватей в домах колхозников. Коврики были из цветного ситца или сатина. На праздники нам давали их с охотой, постирав, вдевали резинку - и длинная юбка готова. После концертов в целости и сохранности коврики возвращали владельцам. Физические упражнения выполняли в спортивных костюмах, в которых ходили на физкультуру в школе.

В наше детство телевидения не было, да и радио появилось ближе к 1950 году, поэтому развитие детей полностью зависело от родителей. И они это понимали. Все свои знания родители, независимо от национальности, передавали нам, детям. Одни учили стихам, другие - танцам, третьи - песням и, конечно, труду. Мы знали танцы многих национальностей, а также умели изображать корзиночки, цветочки и разные фигуры.

Позднее, примерно с 1950 года, для подготовки концертов стали пользоваться материалом из библиотеки; в журналах находили новые стихи, песни, которые быстро разучивали. Так что мы и спеть могли, и сплясать могли, если надо поработать, только с песней шли.

Ничего не утаили и о труде рассказали, и о праздниках. Думаю, что без хорошего труда не может быть веселого праздника и наоборот. Но главное, чтобы труд и праздник были в меру, так они создают истинную радость человеку. В колхозе же труд для ссыльных был больше всякой меры, а праздники проходили в основном спокойно и весело, можно сказать, в меру.

«МЕДВЕЖОНОК»

У Сережи сегодня радостный день, дедушка купил ему коричневый спортивный костюмчик с ворсом. «Ну-ка примерь», - обратился он к внуку. Тот с удовольствием надел костюмчик, который оказался точно по его размеру. Покрутившись и поплясав, Сережа отказался его снимать. Очень ему понравился костюм, и он сел на пол, продолжая играть наполненными дедом деревянными кубиками. А тут и бабушка пришла с работы, увидев внука в такой обновке, улыбнулась, и говорит: «Ну, осталось

только маску медведя на голову одеть и будет настоящий медвежонок». Я проворно отыскала маску и примерила на Сережу. Все, удивляясь, смотрели на него. А дедушка, смеясь, сказал: «Смотри-ка, и вправду медвежонок!». Вдруг стук в дверь. Зашли три незнакомые женщины и сразу, даже не поздоровавшись, выскочили из дома на улицу.

Это были члены районной комиссии. Они ходили по домам и задавали вопросы, желая получить ответы от колхозников. Вопросы касались окончания 1951 года. Бабушка вышла вслед и спросила: «Кого Вы испугались»? Члены комиссии ответили: «Медвежонок, он же у Вас на полу сидит!». Бабушка засмеялась и говорит: «Это мы к Новому году готовимся, вот и надели маску медведя на внука». Члены комиссии не поверили и говорят: «Так это не медвежонок?». Мама ответила: «Конечно, нет, это мой внук в маске медведя». Члены комиссии продолжали удивляться: «Вот здорово, а как будто живой медвежонок!». Когда этот медвежонок вышел на улицу, бабушка попросила его рассказать новогоднее стихотворение. Сережа рассказал весело и с выражением, как его учили. Члены комиссии радостно посмеялись, но про себя решили, что над ними все-таки подшутили, так как в следующие дома заходили осторожней, стучались и спрашивали, можно ли войти.

И они были правы, мама никогда не приходила в это время с работы, всегда гораздо позднее. А тут она, видимо, услышала о комиссии и побоялась, что отец может высказаться откровенно, это было в его духе. Она же не хотела неприятностей с властями, сама умела как-то отмолчаться, а за мужа переживала. И этот совершенно естественный эпизод очень хорошо выручил. Я тогда также не догадалась бы ни о чем, если бы не слова матери: «Слава Богу, пронесло!», - которые прошептала она после ухода комиссии и пошла на работу.

Не задав вопросов, не получив ответов, члены комиссии запомнили больше всего квартиру Ковалевых, удивляясь такой неожиданной встрече, а особенно такой правдоподобной маске медведя.

Да, вспоминаются и мне эти яркие красочные маски медведей, волков, лисиц, зайца, домашних животных, очень похожих на живых персонажей, а также выдуманная маска черта с рогами. Готовились маски к Новому году. В дальнейшем не приходилось встречать таких живых масок. А краски тогда получали на месте из коры деревьев, трав, простым перемешиванием.

КИНО

День, когда привозили кино, также считался праздником. Мы, дети, прыгали от радости и не могли дожидаться вечера. Девочки-школьницы и я в том числе бежали к дояркам выяснять, кому сегодня необходима помощь, чтобы быстрее закончить вечернюю дойку. Без доярок кино не начинали, так было принято, они, как и все, любили кино. Мы помогали доить коров, это была тяжелая работа для детских рук, но мы ее делали. Доярки же выбирали нам для дойки самых смирных коров. А коровы были разные; одна корова, звали ее Миниха, была очень бодучая, допускала к себе и слушалась только одну доярку даже среди взрослых. Закончив дойку, мы вместе с доярками бежали в клуб, чтобы посмотреть кино, а мальчишки бежали по улице и сообщали, что дойка закончилась и кино начинается. В клубе натягивали белое полотно на середину стены, и кино начиналось. На полотне появлялисьдвигающиеся люди, лошади, машины, паровозы, сначала без звука, а затем со звуком и с речью. Все это было очень интересно и казалось сверхъестественным. Часто дети смотрели кино, сидя на полу.

Когда на экране появлялся паровоз, который, казалось, двигался в зал, прямо на смотрящих, то пожилые колхозники, сорвавшись с мест, издавая дикий крик, в ужасе выбегали на улицу и не возвращались. Киномеханик объяснял всем, что на полотне видна фотография, и она никому не грозит опасностью, но пожилые люди этого не хотели понимать. В дальнейшем он стал сообщать пугливым через мальчишек, что в этом кино паровоза не будет. Они шли в клуб, но садились все же ближе к выходу.

Киномеханики тогда, по моему разумению, были самыми счастливыми людьми, так как видели и чувствовали, какое они доставляют удовольствие колхозникам, особенно их детям. Моя подруга Валентина, наша сахалинская девчонка, впоследствии, выучившись, работала несколько лет киномехаником.

Смотрели кино вместе с родителями. При просмотре военного кино показывали сцены насилия, мама прижимала меня к себе, как и многие другие своих детей, и говорила: «Не смотри». Родители не хотели, чтобы мы видели насилие, которое способен совершить один человек над другим. Они хотели, чтобы мы росли в доброте к людям и верили в доброту людей. Это нам очень помогло в жизни.

Но больше смотрели мирное кино: о труде, об учебе, о любви, пышной свадьбе, о путешествиях, открытиях и других добрых чело-

веческих делах. И всегда весь поселок ждал кино как великое сказочное чудо.

Так редкие праздники и кино украшали наше детство, а мне кажется, и для родителей это были минуты спокойной радости – отдыха души и тела. Я поняла это, когда стала матерью: хорошо, весело детям – и у тебя хорошее настроение и наоборот. Все взаимосвязано, не зря сказано: «При солнышке тепло, при матери добро».

ГАРМОНЬ

Гармонь, ей стоит заиграть, и вся печаль уходит в даль.

Май, светлый май пришел. Солнышку радуйся, а про землю не забывай. В мае месяце в колхозе шла посевная, и не только в колхозе, а и у колхозников. Вот и Ковалевы собрались назавтра копать огород, чтобы посадить на нём картошку. Но молодежи что за дело, они все успевали – и работать, и веселиться. А тут еще весна, черемуха в «белой накидке», хочется потанцевать, решили гармониста поискать. Пришли за отцом прямо к нам в дом и просят его поиграть вечерком. Мама сразу возразила и причину объяснила: «Огород завтра копать, Павлу надо отдыхать». Молодежь не отступила, вариант свой предложила: «Мы вскопаем огород, Вы, Мария Петровна, не беспокойтесь, разрешите поиграть вечерок». Мама вдруг засомневалась, но отцу тихо сказала: «Решай сам, земля не ждет, вскопан должен быть огород». Молодежь повеселела, забрала гармошку смело, Павла под руки держат и в колхозный клуб спешат. Танцевали, веселились, но про обещание не забыли. Огород, смеясь, вскопали и как будто не устали. Хотя редко это было, но зато памятно.

Для молодежи и танцы были веселыми праздниками. Танцевали в колхозном клубе один, а когда и два раза в месяц, организовывала танцы сама молодежь. Веселила и звала к танцу единственная и неповторимая, всегда певучая и заливиная гармонь. В то время она была незаменима. Гармонь открывала души молодых людей, естественно отражая их состояние как в песне, так и в танцах, но это удавалось не

всем гармонистам. Моему отцу удавалось, но ему было за 50 лет, он устал на работе, и ему не всегда хотелось идти играть на танцах. Поэтому он научил трех молодых парней играть танцевальные мелодии и надеялся, что ребята его заменят. Но молодежь приходила за отцом и просила поиграть, он не в силах был отказать, слезал с русской печи, на которой спал, и шел вместе с молодыми в клуб, гармонь несли молодые; иногда его просто уносили с печи на плечах. Играл он бесплатно, изредка, как сказано выше, молодежь помогала в сельскохозяйственной работе, но не всеми это воспринималось положительно, и отец стал отказываться от такой помощи.

Я удивлялась тогда и удивляюсь сейчас: сельская молодежь, кажется, какая им разница, кто играет, танцуй, да и все. Приходили же и просили играть отца, говоря, что другие просто меха гармони растягивают, играют без души, «а когда играете Вы, Павел Андреевич, то ноги сами идут в пляс». Ну, где же тут откажешься?

Отец на самом деле вкладывал в гармонь всю свою душу. Когда у нас появилось радио и мы могли послушать игру других гармонистов для сравнения, мне казалось, что он играл не хуже.

Отец в основном играл, прижав ухо к гармонии, соответственно голова его была повернута в сторону, а не прямо к танцующим, что меня удивляло. Мне было неудобно в такие моменты за отца, я считала, что это неуважение к танцующим. Но, как узнала впоследствии, он просто вливался своей душой в музыку, которую выдавала его гармонь, составляя с ней одно целое. Но были и другие ситуации, когда он, играя, разговаривал с собеседником, а вел мелодию не сбиваясь. Любил отец гармонь, очень любил. И любовь эта была с детства и подтверждается тем, что, несмотря на все трудности высылки, гармонь он взял из родного дома и возил всегда с собой. Она помогала ему выживать и преодолевать трудности ссылки.

Вечерами танцевали только взрослые; детей, школьников на танцы не пускали. Нам оставалось только подглядывать в окна, пока не зазывали домой. Помнится, что танцевали очень красиво, отдельными парами, или шли по кругу с перебором рук, как бы здороваясь, а затем выходя в круг, где каждая пара танцевала друг перед другом. На праздниках в дневное время и нам, детям, играли танцевальную мелодию, мы учились танцевать, как взрослые.

Также очень сильно любил отец русскую народную песню, он говорил: «Ты чувствуешь, как она отражает настроение человека, если

песня грустная, то пробивает до слез, а если веселая, то не сможешь удержаться и пойдешь в пляс». В зимнее время у нас часто собирались селяне и пели народные песни, а мы, дети, забирались в это время на печь и слушали. Украинские песни воспринимались как русские. Это также осталось в памяти.

Старинные народные песни мы знали, но пели их только дома. На сцене пели современные песни, подыгрывал нам отец на гармонии. Он как-то быстро схватывал любую новую мелодию, и это даже доставляло ему удовольствие.

Интересная штука память! Очень интересная!

Еще несколько эпизодов и размышлений.

После освобождения родителей из ссылки мы уехали из поселка Сахалин к сестре в Алтайский край, где стали жить на железнодорожной станции Тягун. Там уже не справляли праздники коллективно в клубах. Праздновали в домах, квартирах, собираясь узким кругом соседей и знакомых. А без гармонии да песен под гармони какой праздник, поэтому родителей приглашали ближние и дальние соседи. В связи с этим вспоминается следующее: собираясь в гости, отец всегда обращался к маме: «Маня, дай что-нибудь поесть». Мама, смеясь, отвечала: «А что ты в гостях будешь делать, там же полный стол наготовлен?» Отец же свое: «Дай мне поесть». Мама ставила на стол еду, и он кушал. Оказывается, отец стеснялся кушать в гостях. Мама же, наоборот, старалась покусать все, что стояло на столе, считая, что все приготовлено для гостей, и не надо стесняться.

Вернувшись домой, отец ворчал: «Ну, Маня, мне за тебя стыдно было, тянешься за салатом чуть ли не через весь стол, все-то тебе хочется попробовать». Мама же отвечала: «Конечно, мне интересно все попробовать, для гостей же готовили, а ты сидишь и около себя ничего не ешь, что же тут хорошего? Хозяйева могут обидеться, решив, что тебе не нравится приготовленная еда». И продолжала, слегка сердясь: «Пришли из гостей, а тебе опять подавай есть». Выказались и успокоились. Мне же мать говорила: «Не приходилось мне отца твоего пьяным домой тащить и тебе этого не желаю».

Если во время праздничного веселья возникали ссоры, мама сразу же забирала гармонию и просила отца уйти, он вынужден был уходить, а возможно, и сам не хотел ввязываться в ссоры, за которые депрессивным потом стыдно было.

На железнодорожной станции и в леспромхозе пили водку открыто, никого не стесняясь. То ли заработок тяжело давался, то ли деньги в карманах водились от хороших заработков, не могу сказать, но пили по праздникам и по воскресеньям больше, чем надо. Казалось, что причиной всего водка, а человек не при чем, и это подтверждалось, так как трезвые, на самом деле, не дрались. Трезвые отшутятся, похлопают друг друга по плечу, мол, всякое бывает, не придавай значения, улыбнутся друг другу и разойдутся. А пьяный с каждого не понравившегося слова встает на дыбы, взрывается. А подумать — и причины-то для этого нет, но пьяные не думают. А кто заставляет пить до того, чтобы терять контроль над собой, непонятно.

Здесь же, на станции, я впервые в своей жизни увидела драку взрослых; мне тогда было шестнадцать лет. Дрались пьяные молодые мужчины, дрались со злостью и жестокостью, я была удивлена тому, что люди так легко могут превратиться в зверей, и мне стало страшно в этом мире. Хорошо, что нашлись другие, которые разняли дерущихся и пристыдили за драку. Благодаря этим людям чувство поменялось, страх отошел, и я опять стала надеяться на благоразумие человека.

Прекрасные душой люди, видимо, очень ранимы, и водка быстро делает свое дело, возбуждает не только смелость, а и агрессивность, особенно когда нет рядом друзей, чтобы удержать или напомнить о мере питья. В таких агрессивных ситуациях рядом всегда оказываются спившиеся и опустившиеся люди, привыкшие к дракам, и которым они доставляют удовольствие. Трезвому уму драки удовольствия не приносят, это факт. Так что способствуют пьянству и дракам — водка и пьяное окружение. Водка изобретена умом, с умом ее вроде и выпивать надо.

А друзьями считать тех, которые оберегают тебя и от лишней рюмки, и от других несчастий, а не прибавляют их.

Мои родители не любили драк и скандалов, и в нашем доме при праздновании их не бывало. Поэтому знакомые часто просили маму проводить праздник у нас. Мама следила за количеством выпитого, и если чувствовала, что начинают пьянеть, спиртное убирала на следующий праздник. Она также считала, что при выпивке должны обязательно закусывать, и всем напоминала об этом: «Что я, зря готовила, кушайте, пожалуйста»

Блюда на стол делали в основном из того, что росло в лесу, на огороде и в хлеву: винегрет, холодец, соленые огурчики, селедочка,

Дети во дворе дома, где жила семья Ковалевых, перед репетицией.

заправленная зеленью или лучком, соленые грибы, ягоды, квашеная капуста, тушеный или жареный гусь с картошкой или тушеная свинина с картошкой. К чаю всегда была стряпня: пироги с разной начинкой, печенье, иногда варенье из красной и черной смородины, малины, клубники. Мама прекрасно стряпала, правда, меня почему-то не научила, пришлось учиться самой. Покупали тогда только муку, сеledку, сахар, соль и спиртное.

Мне кажется, мама умела накормить, отец умел развеселить, поэтому никому не хотелось ссориться, праздновали весело. Все домой уходили довольные, особенно жены, так как мужья шли своими ногами.

Интересный факт: здесь же на железнодорожной станции по состоянию здоровья отец устроился работать сторожем в один из магазинов. Когда он заходил в магазин в дневное время, то считал стоимость покупаемого товара гораздо быстрее и точнее, чем продавец на счетах, и это не всегда нравилось продавцу. Когда же не выполнялся месячный план, то в конце месяца продавец сам приглашал отца в магазин. Он просил его играть на гармонии. Количество покупателей

росло мгновенно, и план выполнялся. Так что гармонь отца не только веселье создавала, но и план выполняла. И в том был труд отца, но он часто не оплачивался. Низкая оплата труда была и за непрестижный труд.

НЕПРЕСТИЖНОСТЬ ТРУДА

Многое в жизни трудно понять. Отца выслали в советское время за непрестижный труд, а именно за то, что занимался торговлей, — «за то, что торговал». А в наше перестроечное время, начиная с 1991 года, торговля стала самым престижным делом. Ранее за торговлю наказывали, а сегодня призывают к торговле, даже экономику называли рыночной. Как меняется время, а главное, что любое новое веяние политики могут обосновать, или просто провозгласить, что нужно жить только так и не иначе. Оставим это на совести политиков.

К непрестижному труду в советский период относился и домашний труд, несмотря на то, что дети в этом труде принимали самое активное участие.

Дети поддерживали чистоту в доме, помогали на огородах, по уходу за скотом, то есть тем, что было в их силах. Самая тяжелая работа по дому и по хозяйству доставалась родителям, но после выполнения колхозной работы. Это было тяжелое время для семьи, так как домашняя работа считалась непрестижной, не необходимой, главной была работа в колхозе. Позднее это было исправлено введением сорока одного рабочего часа в неделю и соответственно двумя выходными в неделю. Но это было позднее. А в то время, о котором идет повествование, домашний труд считался непрестижным, с чем отец внутренне никогда не соглашался. Он и домашний труд считал престижным, в чем и сегодня мы его поддерживаем.

Ему в ссылке больше всего приходилось заниматься непрестижным трудом. Часто он «оправдывал» свой, как ему казалось, непрестижный труд, говоря: «Любой полезный для человека и общества труд благороден, и не надо его стесняться». Думается, этими словами он

Павел Андреевич с гармонью в окружении соседей в праздничный день.

одновременно и утешал себя, и подбадривал для выполнения тех работ, которые были непрестижны, а он вынужден был их выполнять.

Это были разные работы — от разнорабочего, пастуха, сторожа, до уборщика мусора уже в пожилом возрасте. Мне казалось, что он чувствовал себя неловко. В ссылке он не смог использовать свои знания и накопленный ранее опыт. А знания у него были.

Так как мы приехали из колхоза, то отец и отвечал соответственно, если его спрашивали местные жители после разговора с ним: «Откуда ты, дед, приехал?» Он отвечал: «Из колхоза». А ему говорили, улыбаясь в усы: «Что-то ты, дед, по разговору совсем не похож на колхозника». Отец тогда молча уходил, но люди сами шли к нему, им было интересно беседовать с ним. Он, видимо, на самом деле много знал, а возможно, умел мыслить, так как часто слышалось после разговора с ним, перед уходом: «Ну, дед, ты прямо Ленинская голова», но о чем шел разговор в таких случаях, я не слышала, да и не стремилась к этому, о чем сожалею.

Мне же запомнился один момент за столом, когда мы ели гречневую кашу, а племянница моя, ей было четыре года, очень плохо ела эту кашу. Тогда отец сказал: «Валя, надо обязательно кушать гречне-

вую кашу, в ней много железа, оно необходимо для твоего здоровья». А Валя, ковыряясь ложкой в тарелке с кашей, спрашивала: «Деда, а где тут железо?». Все за столом смеялись, а отец пытался ей объяснить. Много было таких моментов, которые требовали определенных знаний. Находчивость и остроумие также имели место. Так, если Валя начинала плакать по какой-то неважной причине, он говорил: «Ой, какая ты некрасивая, когда плачешь. Ну-ка посмотри на себя в зеркало», – и Валя начинала улыбаться.

Соседка Маша не уходила на работу, не зайдя к нам. Отец в это время приходил с ночного дежурства и пил чай. Он всегда рассказывал что-нибудь смешное, она слушала, смеялась и с улыбкой уже спешила на работу. Отец же ложился отдыхать на кровать, а его собака около кровати, она не меньше отца уставала. В ночь снова на работу, магазин сторожить. Хотя это был и непрестижный труд, но сторожить, охранять магазин было и в то время опасно, воры всегда на чеку, стоит сторожу задремать, они тут как тут. Отца же всегда выручала собака, в данном случае Находка, которую он подобрал щенком и вырастил сам. Это была очень умная собака, она сначала сама обегала магазин со всех сторон, а только потом шла с отцом.

Хотелось бы, чтобы любой труд на пользу общества и семьи считался престижным. В этом сегодня могут помочь средства массовой информации, но, к сожалению, этого нет.

А в наше время к труду призывало и радио, и родители; все желали одного – чтобы дети любили труд и умели трудиться. Правда, больше говорили о престижных работах: о труде доярки, механизатора, врача, токаря, учителя и др., но очень редко о труде продавца, а тем более сторожа или уборщика мусора.

Стоит отметить, что, призывая к труду, даже престижному, практически ничего не говорили об оплате труда, а мы тогда этого наиважнейшего вопроса совершенно не понимали.

А как показывает время, в части оплаты труда мало что меняется в положительную сторону. В перестроечное время – после 1990 года, не только не говорят об оплате труда, а оплату труда – заработанную плату вообще сделали тайной. Возможно, я чего-то недопонимаю, но оплата труда не может быть тайной. Для этого имеются ставки, которые устанавливаются заранее, а добавки объясняются полученными результатами, и всего-то.

Но в то же время, как мне кажется, исчезла непрестижность труда, любой труд стал престижным; хотя слово «престижность» исчезает

из разговорной речи. Возможно, заменили престижность труда рыночной конкуренцией? Трудно мне ответить, предоставляю это другим. Несмотря на непрестижность своего труда, отец не считал себя ниже других и держался со всеми на равных, но спокойно, хотя явно стеснялся своей бедной одежды.

Он до конца жизни оставался очень доброжелательным к людям независимо от национальности и положения в обществе. Видимо, поэтому, несмотря на то, что он работал сторожем, его уважали. Так, если в какой-то семье были ссоры или драки, то женщины бежали в наш дом, так как мужья не осмеливались заходить к нам в пьяном или «разгоряченном» – рассерженном виде.

А когда отец умер, то проводить его в последний путь пришлось очень много народу. Люди сами решили: «Гроб Павла Андреевича мы понесем на своих плечах, и не надо брать лошадей». И они понесли гроб отца на своих плечах, периодически меняясь, до самого кладбища, чему муж удивлялся. Тем более, что была весна – то апрельская слякоть, то тонкий лед, то грязь.

А я сквозь слезы почему-то вспоминала слова отца: «Главное, чтобы в душе не было грязи».

ГРЕШНЫЕ СЛОВА

На стихах русских поэтов XIX века о прекрасной природе, временах года, о детях, о воспитании добрых чувств выросла моя мама. Ей не пришлось много учиться, ее участием было стать няней своих сестер и братьев, которых после нее было одиннадцать человек, а также быть помощницей родителей во всех сельских делах. Она закончила четыре класса школы в царское время, хотя задачи по математике могла решать на уровне шестого класса. А стихов она знала очень много и мне кажется, всех русских поэтов своего времени. Эти светлые, чистые, теплые стихи для детского уха, в которых присутствовали выражения: ясное солнышко, милая пташечка, красная вишенка, мягкая травушка, шелкова бородушка, прелестный друг, – были с нею

всю жизнь. Сначала она читала их сестрам и братьям, затем детям в ссылке, в колхозном детском саду, детям во дворе и, конечно, своим детям и внукам. Она дышала и жила этой поэзией, хотя и прозу читала постоянно до конца своей жизни. Мама верила в Бога, соблюдала все церковные обряды и праздники тихо и незаметно.

Она не могла смириться с матерщинными словами, находясь в ссылке и работая в колхозе; видимо, дома она их также не слышала. Не принимала она матерщину в русском языке вообще, а тем более в постоянной разговорной речи. Правда, она не произносила это слово - матерщина, а называла матерные слова «грешными словами». Ее разум не мог понять, как вообще такие слова могут произноситься вслух, и она боролась против их употребления на всех уровнях, от конюха до председателя колхоза. Услышав грешные слова, она крестилась, а затем говорила: «Да как же у Вас язык-то поворачивается такое говорить, опомнитесь, прошу Вас. Это грешные слова, они ужасны и не принесут Вам ничего хорошего». И продолжала: «А дети около Вас, неужели Вы хотите, чтобы они росли на этих грешных словах – пожалейте их, не калечьте детей, им и так трудно».

И это действовало, мы, дети, не слышали матерщины в общественных местах и даже при работе на колхозных полях. Между собой взрослые все-таки матерились, но, заметив маму, извинялись сразу же, говоря: «Извини, Мария Петровна, не заметил».

В присутствии же мамы никто не матерился, но и не сердился на нее, видимо, понимая в душе, что она права и хочет только добра. Тем более, колхозники видели, сколько Мария Петровна уделяет внимания их детям, неся добрые слова и мысли, организуя их выступления в концертных программах. В доме у нас матерщина не допускалась, от отца ее не слышала.

В колхозе иногда появлялись новые семьи, новые люди, рабочие руки были нужны. Но они как появлялись неизвестно откуда, так и исчезали. Пришлые не воспринимали мамины предупреждения, а тем более беседы, даже злились и думали, чем бы ей досадить, вернее, как ее наказать. Однажды в поселке Сахалин появилась семья, где отец был страшный матерщинник, ни одно предложение он не мог составить без мата, такими же были у него дети – два сына, им было 10–11 лет, не более.

В один из теплых летних дней я взяла ведро и пошла на речку за водой. Набирала воду у края доски, которая лежала одним концом на плавучем, но закрепленном на дне бревне, а другим на берегу. Про-

следив за мной, эти мальчишки, заскочив на доску, столкнули меня в воду. В этом месте было глубоко, плавать я еще не умела, была мала (мне было лет шесть) и пошла ко дну. Мальчишки быстро убежали. Но в это время одна из колхозниц шла за водой и увидела эту сцену. Она бросила ведра и побежала к реке и, успев схватить меня за волосы, вытащила. Но воды нахлебаться я успела и, видимо, потеряла сознание. Когда пришла в себя, то увидела, что лежу животом на коленях этой женщины и из меня выливается вода.

Помню, как прибежала мама, как она плакала, а ей говорили: «Брось ты это дело, Мария Петровна, отстань от них, пусть матерятся, тебе же за это отомстили». Проболела я тогда около месяца. А эта семья как появилась в колхозе неизвестно откуда, так и исчезла. Возможно, колхозники потребовали, чтобы они покинули наш колхоз.

Печальный факт, но я продолжала жить благодаря своей спасительнице, дай Бог ей здоровья и удачи, а также ее родным и близким на все времена.

Но Бог и впоследствии берег меня от матерщинников, ни во время учебы, ни во время работы рядом их не было.

Несмотря на драму, которая произошла со мной в детстве, матерщину не приемлю. Мне повезло, мой муж в безграмотной семье родился, но никогда не матерился. Да и зятям спасибо, что не заставляли уши краснеть.

Мне думается, матерщина человека унижает и грехов лишь прибавляет; жить спокойно не дает, к скорой смерти лишь ведет. И я повторяю мамины слова: «Не грешите словами, живите без матерщины (мата), и удача Вам улыбнется».

А слово «мат» пусть останется в шахматах, как знак победы, и другого смысла не имеет.

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ

Горы, как они прекрасны, как манят к себе. Невозможно пройти вдоль горы, чтобы не забраться на нее и не походить по ней; не посмотреть с нее на ставшее ближе небо, на зеленые цепи гор и леса, на обработанные и засеянные колхозные поля, на жилые дома, на идущую

щих людей, которые с высоты так малы и в движениях спокойны. Любость к горам сахалинские дети приобретали с детства. Нам нравилось лазить на горы за цветами, ягодами и сухими ветками деревьев, а иногда просто для того, чтобы посмотреть с высоты на окружающий мир и попеть на вершине горы. Но у гор есть крутые и почти вертикальные спуски, на которых надо быть осторожной и внимательно смотреть, куда ставить ноги, чтобы не сорваться. У нас тоже были такие спуски, по которым можно было сорваться и укатиться в речку Вогулку, которая была прямо у подножия горы.

Однажды мы решили найти пещеру на горе и даже попытаться в нее залезть, чтобы посмотреть, что там внутри. Разговоры о ней шли давно, но взрослые не хотели нам показывать, потому что добираться до входа в пещеру опасно. В этот раз пошли ребята и девочки 16–17 лет, и мы, дети в возрасте 10–11 лет, пошли за ними. Меня, как самую маленькую, не пустили вместе со всеми. Но как только группа отошла от пещеры и начала спускаться к реке, я решила, что успею добраться до пещеры и вернуться к ним. Мне хотелось запомнить расположение пещеры.

Детское непослушание всегда заканчивается печально. Так произошло и со мной.

В одном месте я, видимо, поспешила, сорвалась и покатила с такой скоростью вниз, что пролетела мимо нескольких человек, которые пытались меня схватить. Но один парень — сын председателя колхоза, Гавриленко Николай, зацепившись за рядом стоявшее растущее дерево, сумел меня поймать и удержать и таким образом спас мне жизнь. Очень благодарна ему и сейчас, дай Бог, чтобы у него все получилось в жизни.

Мои родители ходили с благодарностью к его родителям, а также благодарили самого Николая. Он же говорил, что ничего особенного, каждый бы так смог. Но все-таки не каждый, так как и он мог сорваться вместе со мной, и тогда неизвестно, чем все могло закончиться.

Но не будем размышлять над тем, чего не было. Факт есть факт, Николай был рад, что спас меня. Мои родители были рады, что все хорошо кончилось. А в пещеру детям запретили ходить, пока не подросли. Только в 14 лет я добралась до этой пещеры, но в нее залезть смелости не хватило, да и другие, влезая на половину тела, быстро вылезали назад, не рассказывая, что там видели. Вход был узкий, фонариков тогда не было, и не знали о них, а там была такая темнота, что

ужас брал, пробовали зажигать спички, они тут же гасли. Позднее говорили, что приезжали специалисты из района и с фонариками осматривали пещеру, там были человеческие скелеты. Решили, что во время гражданской войны здесь скрывались при необходимости то белые, то красные, а может, просто беглые люди. Таких карстовых пещер, маленьких и больших, в Уральских горах много. Говорят еще, что в этих пещерах жили древние люди до тех пор, пока не научились строить себе более удобные жилища.

ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

После того, как Лариса произнесла слова признания в любви, ее лицо опять зарделось румянцем. Это заметили все и улыбнулись про себя. Она играла роль влюбленной, а в яме суфлера под полом сидел Геннадий, готовый в любую минуту подсказать ей слова о любви и одновременно переживая вместе с ней это чувство. Шла репетиция нового спектакля, готовились к праздничному концерту.

Лариса руководила художественной самодеятельностью в поселке Сахалин. Умело и активно привлекала она молодежь для участия в спектаклях, в ней было много какой-то веселой энергии. Не навязчиво, а всегда с задором она говорила: «Попробуйте сыграть, у вас получится, а у кого получится лучше, определимся вместе и без обид; можно и в песне, и в пляске еще показать себя, будьте смелее». При ней ставили пьесы в нескольких действиях. И мне в семь лет удалось сыграть маленькую роль в одной из пьес. Когда я, забравшись на стул, включила радио, и оно запело, возникло такое радостное удивление, как будто совершилось волшебное чудо и не только у меня одной, а все собравшиеся были радостно удивлены. Хорошо, что рядом со стулом стояла актерская мама, а то я вполне могла упасть со стула от такого чуда. Эту первую и единственную радиоточку в клубе сделали перед самым праздником и не включали до концерта. Позднее радиоточки стали проводить во все дома.

Колхозники смотрели и слушали спектакли с большим удовольствием. А Лариса продолжала тормошить молодежь и организовала

колхозный оркестр. И все она делала с доброй улыбкой, даже когда что-то не получалось, она хмурила брови, как бы сердясь, а в глазах оставалась веселинка, и прятать ее она не умела. В колхозном оркестре играли на гармошке, балалайке, мандолине и ложках, играли в основном веселые народные песни.

На мандолине хорошо играл сапожник, тот же Геннадий. Он с удовольствием принимал участие в оркестре, а также, как сказано выше, работал суфлером, когда ставились пьесы в нескольких действиях. Геннадий приходил на все репетиции, ему нравилось помогать Ларисе в молодежных делах. Он вместе с другими ребятами готовил декорации к спектаклям, маски к Новому году, украшал костюмы. Геннадий был активным, работающим, симпатичным молодым человеком двадцати двух лет. Но, к сожалению, он был инвалидом, хотя окружающие этого старались не замечать.

Его мать рассказывала, что, когда ему было пять лет, жили они на юге, он заболел полиомиелитом, врачи не смогли помочь, и это тяжелое заболевание закончилось параличом ног, и с тех пор ему пришлось ходить на костылях.

Он рано освоил профессию сапожника, хорошо зарабатывал на свое проживание и даже помогал матери, у которой было еще двое детей. Отца с ними не было, видимо, он был выслан в другое место. Зимой Геннадий приспособился ездить на санках, сидел на коленях, брал в руки палочки и, отталкиваясь ими, двигался очень быстро. Санки ему нравились больше костылей.

Лариса, молодая, симпатичная, очень добрая девушка, привлекла его внимание. Ее веселинка в глазах, умение работать, а также играть в спектаклях, петь и плясать привлекали к ней не только Геннадия. За ней ухаживали многие молодые ребята и не только местные, но и из другого населенного пункта, предлагая руку и сердце. Но Лариса полюбила Геннадия. Он же любил ее, не открываясь, всегда пытался быть рядом, уходил с репетиций последним. Заметив ее симпатию к нему, он признался ей в любви и уже не стал скрывать свое сильное и глубокое чувство.

Долго они не открывались людям, встречаясь тайно, наконец, решили пожениться. Родители не желали этого брака, отговаривали ее, но она была непреклонной.

Тогда ничего не оставалось, как сыграть свадьбу. Свадьбу справили шумно и весело, молодые были счастливы. Я сама видела их

влюбленные глаза и сияющие улыбки на лицах, так как они жили по соседству, и мне приходилось заходить к ним.

Пришла зима и порадовала всех пушистым белым снегом. Геннадий перешел на санный транспорт, Лара шла рядом, и казалось, ничто не сможет омрачить их жизнь. Геннадий работал дома, а Лара — дояркой на ферме. Расстояния, на которые ходили молодые, были небольшие — до клуба и назад; они продолжали принимать участие в художественной самодеятельности.

В те времена ближайшие населенные пункты часто обменивались концертными программами, и в эту зиму пригласили наших артистов в другой населенный пункт, находящийся от нашего поселка на расстоянии семи километров. Председатель колхоза, как всегда, отказал в транспорте — не дал лошадей, и молодежь решила идти пешком. Геннадий собрался ехать на санках, Лара просила его не ездить, но ему казалось, что сил у него хватит, и он поехал. Дорога прямой лентой рассекала густой дремучий лес. Погода была прекрасной, не ветреной, с легким, здоровым морозцем, а зимний лес радовал своим убранством.

Молодежь шла весело: шутили, смеялись, перебрасывались снежками, осыпали девушек снегом с ближайших к дороге деревьев. Геннадий ехал на санках, отталкиваясь палками, Лариса шла рядом. Расстояние и время движения было гораздо больше, чем обычно. Геннадий начал уставать и собирал все силы, чтобы доехать, некоторые ребята пытались ему помочь, везя санки за собой, но Геннадию это не нравилось, возможно, он стеснялся молодой жены. И Лариса, будучи вначале веселой и рассказывая что-то с юмором, вдруг затихла.

Заметив серьезность мужа, его большие усилия для передвижения, Ларисе стало стыдно за свою веселость. Молодежь шагала по-прежнему весело, и ничто не омрачало ее до самого поселка. Лариса теперь молча шла рядом с санками мужа, ощущая его тяжелое дыхание и наблюдая за легко идущими молодыми ребятами и девочками. И вдруг как будто что-то оборвалось в ее сердце. Ей пришла мысль, что вот так, всю жизнь, она будет вынуждена идти рядом с санками, в которых едет ее муж; будет пытаться помогать ему, но как сумеет сделать это, чтобы не обидеть его, а тем более не оскорбить. Она не сможет поиграть в снежки и посмеяться, потому что мужу не до смеха.

Они добрались до поселка, выступили хорошо и, довольные, возвращались домой. Геннадий так же ехал на санках, отталкиваясь пал-

ками, но согласился принять помощь ребят. Они, если он скажет, что устал, везли его санки. Лара шла рядом, пытаясь не отставать, но в душе у нее покоя уже не было.

Ей стало страшно от мысли, что долго она не выдержит. После этой поездки люди заметили в ней перемены — она стала чаще ходить к родителям, стала более серьезной, хотя веселинка в ее глазах оставалась, она, видимо, была природной. Никто ее не одобрял и не поддерживал, а некоторые говорили, что надо было думать, за кого выходишь замуж, потеряла голову, а теперь переживаешь. Немногие, но были и такие, что предлагали: «Разойдись, пока не поздно». Трудно ей было на это решиться, Геннадий ее очень любил и ничего не замечал. Когда они выходили на улицу, он ехал на санках, ей все трудней было идти рядом. Люди, жалея ее, при встрече отводили глаза. Зиму Лариса сумела пережить, а ранней весной сбежала от мужа, ничего ему не сказав, ничего она не сказала и родителям.

Не знаю, чем объяснить, но после побега Ларисы молодежь более не выступала со спектаклями. Концерты готовились нами, детьми, с помощью родителей и состояли из песен, стихов, плясок, юмористических и физкультурных номеров. Пьесы никто не решался больше ставить.

А Геннадий метался, не зная куда себя деть. Большинство его ободряли, но были и такие, правда, их было немного, которые говорили: «А на что ты надеялся»? Разговаривая с девушками даже своей национальности, а он был немцем, пробуя снова ухаживать, Геннадий понял, что за него замуж никто не пойдет.

И произошло то, чего ни тайно, ни явно никто не хотел в нашем поселке.

Геннадий не выдержал, силы и вера оставили его, и в одну из ночей он повесился. Ушел из жизни по собственному желанию от душевной боли, не слыша, а верней, не слушая людей и родных, желавших ему добра и которым он был нужен.

Только спустя год Лариса написала родителям, сообщив, где она и что у нее растет сын. То, что она не сообщила о себе и сыне ранее, наверное, было ее большой ошибкой. Если бы Геннадий узнал о том, что она ждет ребенка, возможно, он не наложил бы на себя руки. А возможно, нашел бы в себе силы и простил ей побег, даже отпустил ее, при условии, что он будет помогать растить сына и что сын будет навещать его. У него был бы стимул к жизни. С другой стороны, он

тоже мог предполагать, что у них может быть ребенок, и мог дожидаться каких-либо сведений о Ларисе, и кто знает, со временем семья могла бы восстановиться. Но этого не произошло.

Предположения оптимистичны, а реальность была жестока и трагична.

У Лары рос сын Сережа без отца. Несмотря на то, что она еще два раза выходила замуж, браки были неудачными, в жизни ее держали дети и работа, на которой она всегда преуспевала. Много она делала добра людям, как будто старалась снять с себя вину от слабости своей. Но так до конца жизни Лариса, видимо, не могла себе простить случившегося. Не ясно только чего, своей любви или своей временной слабости. Я не могу сказать, кто прав, кто виноват, Бог им судья. Они оба оказались слабыми в жизни. А быть может, Лара и поняла, ее жизнь была долгой, но об этом знала только она сама. Та веселинка, которая была в ее глазах с рождения, сохранилась до конца жизни, несмотря на все невзгоды прожитой жизни. Она, видимо, для радости была создана, ей всегда хотелось смеяться, несмотря на то, что росла в ссылке. Для улыбки она находила слова даже в самые трудные моменты. Сына помогали растить ее родители и младшая сестра. Вырос прекрасный человек и хороший семьянин, работал все время по специальности на железной дороге. Отца увидел только на маленькой, сохранившейся у его родственников, фотографии, когда ему было уже 40 лет, от них же узнал причину смерти отца. Мать, видимо, не нашла в себе силы рассказать сыну правду об отце. Поэтому он тяжело перенес известие от родственников отца, даже изменилось его отношение к матери, и только время помогало ему преодолевать свою боль за отца. Мать же ждала решения сына, ничего не предпринимая для примирения, но жили они очень далеко друг от друга и примирения, видимо, не состоялось. Она ушла из жизни из-за болезни, которую получила, работая все время в горячем цехе, не увидев сына. Он в это время сам лежал в больнице, чего она не знала. Ее любовь к сыну обернулась глубокой болью за него, как и за его отца.

Вспомним о школе, взрослая жизнь уж очень серьезна.

ШКОЛЬНЫЕ ПРОДЕЛКИ

Разные смешные и не очень смешные проделки учеников в школах были, видимо, всегда. Отец учился в царское время, и это время не было исключением. Он вспоминал, что сам иногда принимал в них участие.

Один эпизод мне запомнился, и я расскажу вам.

Когда вдеваешь двойную нитку в пуговицу и раскручиваешь ее, сжимая и растягивая, получается длительное жужжание. Если не нравился урок или преподаватель, то несколько мальчишек брали в руки эти пуговицы на нитках, рассаживались на разных рядах на первой, средней или последней парте и начинали жужжать. Преподаватель шел на один звук, а звук появлялся в другом ряду, он шел на этот звук, тот затихал и появлялся новый звук в третьем ряду.

Все ученики смеялись от души, а преподаватель сначала терялся, потом злился, затем бежал за директором, и начинались допросы, а затем применялись наказания. В то время ставили учеников на соль коленями, сообщали родителям, требуя от них наказания детей и др. Отца в школе не наказывали, а сообщали его родителям. «Родители наказывали строже, чем в школе», – говорил отец. Мама тоже рассказывала об этих проделках, но она не поддерживала их, потому что все учителя и все уроки ей нравились.

А что же было в мои школьные годы?

Со школами в наших глухих местах было тяжело, моя сестра Лариса была старше меня на 13 лет, так она ходила в школу за 25 километров со своими сверстниками. Я до третьего класса ходила за четыре километра в пос. Ниновское, в четвертый класс ходила в школу в своем поселке Сахалин, а с пятого по седьмой класс за три километра в пос. Дражный.

Дорога проходила по глухому, густому лесу, была узкой, только для проезда лошадей с санями или телегой. Зимой дорога не чистилась, а только уплотнялась лошадьми, санями да пешими людьми. Особенно тяжелой была дорога для детей начальных классов и первоклассников, это я испытала на себе.

Из-за первоклассников все вынуждены были идти медленно. Ранним утром и вечером было темно и страшно, так как вдоль дороги могли гулять волки. Все школьники сбивались к середине дороги, боясь остаться с краю; считалось, что крайних, ближних к лесу, волк мог схватить и утащить в лес.

В связи с заснеженной зимой выходили утром пораньше, когда было очень темно. Тогда старшеклассники зажигали костер в санях (специально для этого была приделана металлическая корзина на конце санок), и с горящим костром мы шли до школы спокойно и весело, страх исчезал. Волки же боятся огня.

Отчетливо запомнился 1953 год, год смерти И. В. Сталина. В школе все плакали, и мне хотелось плакать, но, придя домой и рассказав о смерти Сталина маме (отца не было), я удивилась. Она выслушала молча, не произнесла ни одного слова, а только сжала плотнее губы и вышла из дома. Слез на ее глазах я не заметила, и у меня почему-то исчезло желание плакать. Этот день в нашем доме прошел в строгом молчании, а последующие, как обычно.

Но не только смертью Сталина запомнился этот год.

Послевоенное время, шестой класс, дети были разного возраста, шел урок немецкого языка. Учительница серьезная и строгая, материал давала хорошо, отстающих по программе не было. В этот день у ребят было явно не рабочее настроение, им захотелось снять эту строгость и серьезность, а может, хотелось узнать, умеет ли шутить учительница немецкого языка?

Вдруг во время урока раздается стук один, затем второй раз. Учительница говорит: «Войдите». Никто не входит, она подходит к двери, открывает дверь, но в коридоре никого нет. Учительница закрывает дверь, подходит к доске и продолжает объяснять материал. В классе напряженная тишина. И вдруг снова «тук - тук», как будто стук в дверь, учительница к дверям, открывает – снова никого нет. С раздражением она снова идет к доске и продолжает объяснение. Но стук повторяется в третий раз, и тут не выдерживает класс, все ученики смеются, не стесняясь и забыв, что они на уроке.

Учительница выбегает из класса, вскоре возвращается с директором, объясняя громко и с раздражением, что ученики не хотят ее слушать, придумали стук, сорвали урок и смеются над ней. И тут же грозно зазвучал вопрос: «Кто стучал, встаньте!» В классе стояла мертвая тишина, как будто вопрос прозвучал в пустоте. Тогда учительница вместе с директором вышли из класса. Затем разбирались, вызывали по-одному, вызывали родителей, придумывали наказания для весельчаков, но это было позднее.

Поясню, как все было: несколько мальчишек на самом деле хотели сорвать урок и придумали простое устройство: протянув обыч-

ный шнурок от последней парты до учительского стола, привязали к нему камушек, закрепив так, чтобы можно было с последней парты, дергая за шнурок, стучать под столом и на звук «тук-тук» надеясь услышать: «Войдите!» И всем вместе посмеяться. Они думали, что учительница будет находиться за столом или около него и сразу поймет, что стук под столом, а не в дверь. А учительница объясняла материал, пользуясь доской, то есть находилась вдали от стола. Она не могла предположить, что стук может быть не в дверь, что и вызвало хохот всего класса. Не поняли юмора мальчишек и даже наказали. А они не утомнились, а решили продолжить свое дело, как только все успокоится, но уже на уроке математики.

Математику вела молодая учительница, работала она с большим энтузиазмом, отдавая практически все свое время школе и школьникам. Так, по геометрии она требовала, чтобы каждый ученик доказал ей каждую теорему. На уроках времени не хватало, и доказывали теоремы после уроков, для этого она задерживалась в школе. Математику объясняла очень понятно. Честно говоря, математику все знали минимум на четыре, а в большинстве на пять, по этому предмету не было слабых или отстающих учеников.

Молодая учительница и на переменах не давала нам возможности просто так ходить, а носила кроссворды, какие-то загадки, ненавязчиво заставляла нас мыслить. На всю жизнь запомнилась мне эта учительница, Нина Григорьевна Харитоновна, а сказать ей спасибо я так и не удосужилась, оправдывая себя, что жила далеко от тех мест, а писать на деревню посчитала неудобным.

Мне не было стыдно, когда перешла в связи с переездом в другую школу, в отстающих по математике не была, чему все удивлялись, зная, что до этого я училась в сельской школе.

Так вот, на уроке математики наши мальчишки решили повторить свой эксперимент: точно так же протянули обычный шнурок от последней парты до учебной доски, спрятав так, чтобы его не было видно; шнурок привязали к тряпке, которой стирали написанное мелом на доске. Нина Григорьевна как всегда с большой сосредоточенностью писала задачу на доске, которую все вместе решили моментально. Она решила стереть запись на доске, чтобы написать следующую, только хотела взяться за тряпку, а тряпка поползла вверх, учительница машинально потянулась рукой за тряпкой, надеясь ее поймать, но тряпка поднималась быстрее, рука не успевала схватить тряпку,

и учительница поняла, что это шутка. Весь класс уже смеялся в полную силу своих легких, смеялись ученики с удовольствием и от всей души. Смеялась и Нина Григорьевна, затем она повернулась к классу, наклонилась и стала еще громче смеяться, даже громче нас. Смеялась она до тех пор, пока все не успокоилось, а затем сказала: «Спасибо за разрядку, продолжим», – и начала объяснять новый материал, чтобы успеть до конца урока. Все ждали перемены, но никаких допросов, приглашения к директору не последовало, а проходя мимо учительской, мы слышали веселый смех.

Не будь проделок, так и о воспитании не надо было говорить, но они есть и часто не такие безобидные.

О ВОСПИТАНИИ

Кто-то сказал, что воспитывать людей надо как царей, возможно, это был П.А. Кропоткин. По этому поводу снова обращаюсь к памяти: мне было девять или десять лет, точно не помню, собравшись к подруге, говорю маме: «Я пойду к Вальке». Она удивилась и говорит: «Не к Вальке, а к Вале, она же твоя подруга, а не корова». Мне это запомнилось на всю жизнь, и в дальнейшем я всегда называла подруг их именем, а не кличкой.

В течение жизни как-то не слышала разговоров на эту тему. По этому была приятно удивлена услышанным в телепередаче на канале «Культура». Разговор шел о воспитании царевича Алексея, ведущий читал по книге о том, что неприлично говорить Ванька, Коляка и др., это же клички животных, а мы люди и должны называть друг друга Ваня, Коля и т.д. Я очень обрадовалась, услышав подтверждение маминым словам. Тогда и поняла, что мама получила эти знания от своей матери, которая училась в гимназии.

Видимо, в их времена на самом деле основа воспитания была одинакова, что для царя, что для других детей, учившихся в гимназии.

Это подтверждает и роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди», в котором самые простые люди обращаются друг к другу: «Милости-

вый государь, Макар Алексеевич...», «Милостивая государыня, Варвара Алексеевна...». Действительно – это превосходно.

Еще одну мысль навеял этот разговор: читаю старые рассказы, писанные, казалось бы, дворянскими писателями, а употребляются опять имена Ванька, Колька, Валька. В чем причина? Думается, ответ прост: прогрессивные дворяне старались в это время стать более демократичными и приблизиться к простому народу, принимая его разговор. Мне кажется, это было ошибкой, вместо того, чтобы нести культуру в народ, они предлагали отсутствие культуры при обращении детей друг к другу, и это ничего хорошего не принесло.

С другой стороны, нам легче рассуждать, мы не жили в то время. Вполне возможно, что иначе их рассказы не читали бы в народе, а они хотели нести грамоту в народ. Затем надо было суметь переломить ситуацию, но революция и войны так все закрутили, что про культуру позабыли, а тем, кто выходил в народ, пришлось его покинуть, как и свою Родину.

То же самое произошло далее. Новая советская власть, точнее ее руководители, не исключили даже матершинные слова из лексикона, а, наоборот, использовали их для панибратства; для того, как им казалось, чтобы стать ближе к народу. В результате опять не принесли народу культуру, а только утвердили пренебрежение к ней, то есть унизили народ.

Остается одно – самому определяться во всем и, прежде всего, в разговоре, задумываясь, что несут твои слова: искренне радуют и человека возвышают или печалят, злят, несут еще беду впридачу, или унижают, к стакану водки приглашая.

«Умел ошибиться, умей и поправиться», – говорит русская половица. Тем более, что стремление исправиться никогда не поздно и Богу это угодно.

Еще несколько моментов из памяти, касающихся воспитания.

Когда я подросла и вместе с мамой полола сорняки на грядках с овощами, то по окончании работы она попросила меня проверить самой свою работу. На моих грядках сорняки остались, пришлось еще раз прополоть все грядки. Тогда мама сказала: «Работу делай сразу внимательно, чтобы над тобой не смеялись и не заставляли переделявать». В колхозе на самом деле смеялись, правда, без зла, над неряхами, над теми, кто плохо делал свою работу в поле и даже дома. Смех выражался в частушках, их пели как на улице, так и на сцене. Попадать в частушку никому не хотелось.

- Немного осталось у меня в памяти от отца. Он работал с утра до вечера и часто вдали от дома. Но как-то отец зашел домой днем и, увидев на столе грязную посуду, очень удивился и огорчился (мне было 8 или 9 лет). Попросив его выслушать, он сказал: «Настя, если мамы нет дома, ты остаешься за хозяйку и должна делать сама работу по дому: видишь грязную посуду, вымой и убери; видишь грязный пол, подмети и помой; видишь нет воды – принеси воду; видишь – кончилась еда, почисти картошку, чтобы мама, придя с работы, могла быстрее приготовить ужин, ты уже большая и при маме не жди подсказки».

Мы тогда были послушны, даже и в мыслях не было, чтобы не выполнить то, что сказали родители, и спасибо им, так как все это пригодилось в жизни. Я чувствовала себя хозяйкой в доме, где все дела общие, а затем и на предприятиях, где работала. Как показала жизнь и работа, не только я так считала, а большинство из тех, кто меня окружал.

«Надейся только на самою себя», – говорил отец в очередной раз, прислушиваясь к своему здоровью и, понимая, что мы одни, без родни в этих краях. Эти слова отца я помнила всю жизнь, поэтому очень серьезно относилась к учебе, а затем к работе.

«Никогда не смейся над физическими недостатками людей и над инвалидами; уважение к людям и любовь к труду – главное условие жизни», – подсказывала мама.

«Младших и слабых не обижают, старым и немощным помогают, лежачего не бьют, «языком болтай, а руки не распускай», – проходя мимо наших деяний, напоминали взрослые.

«Любовь и нежность – изначально присущие человеку и неотделимые от него, помните об этом», – говорили в спектаклях молодые люди.

«Относитесь с уважением к животным и природе, стремитесь к познанию», – подсказывали родители.

Когда мы, дети, заканчивали дневную работу в колхозе и дома, то собирались вечером и играли в разные игры, а чаще всего в лапту. Каждый раз в девять часов вечера мама подходила ко мне молча, правой рукой опиралась на свое бедро и ждала. Ей было безразлично, стою ли я на подаче или на поле принимаю мяч. Мне же ничего не оставалось, как взять ее под руку и пойти с ней домой. Вначале я пыталась сопротивляться, просила дать мне возможность доиграть, но она молча стояла рядом, пока не возьму ее под руку. Чтобы не задерживать игру, мы уходили. Сколько времени играли после моего

ухода, я не знала. До самого дома мы шли молча, не произносилось ни одного слова.

Как всегда, мама была права. Она давала мне понять, что всему свое время и не надо перебарщивать – знать меру во всем. Мне оставалось время помочь родителям, почитать книги, что до сих пор считаю важным.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Не все так просто в нашей жизни, время, как всегда, накладывало и накладывает свой отпечаток – свои желания, а больше требования. Очень мало рассказывали мои родители о своей жизни в царское время. Например, отец как-то сказал: «Запомни фамилию Китайцевы», – для чего, почему, не объяснял. Когда я, после реабилитации родителей в 1994 году, стала выяснять у пенсионеров и в архивах, то узнала, что моя бабушка из семьи Китайцевых; отец, видимо, надеялся, а вдруг найду кого-то из своей родни, но что Китайцевы – наша родня, не пояснил. В те годы большинство высланных не называли своих родственников при допросах, видимо, боясь за их участь, не говорили о них даже детям. Про Китайцевых я узнала только то, что было в архивной справке, что это была купеческая многодетная семья, имевшая свое хозяйство, землю, плодово-ягодный сад, а что с ними стало после революции, неизвестно.

Не должно быть так, чтобы люди исчезали бесследно, не хочу этого.

Называл отец также фамилию Жемчугова или Жемчужникова, точно не помню. Наверное, у нас были родственные отношения с кем-то из них: с известной актрисой П.И. Ковалевой – Жемчуговой, или же с братьями Жемчужниковыми, уточнить не удалось, это остается вопросом.

Небольшие данные из архивов, встречи с пенсионерами в родном селе родителей, а также с тетей Таней немного раскрыли жизнь предков. Но этого очень мало, о чем сожалею, надо было быть смелее,

расспросить отца и мать, чтоб подробней все узнать. Поэтому вам желаю находить время общения с родителями, тем более, что сегодня можно говорить открыто, не боясь и о прошлом родителей. Не упустите то хорошее, что есть сегодня.

А я поведаю о своем первом путешествии с отцом в столицу нашей родины Москву и далее в Смоленский край. Отец надеялся успеть найти своих близких и дальних родственников, мечтая познакомиться меня с ними, но это были несбыточные надежды.

В ссылке, как известно, переписка была запрещена, и только по окончании войны, ближе к 1950 году, разрешили переписку, но даже знакомые боялись отвечать на письма. Поэтому вся надежда у него была на посещение родных мест. Это осуществилось только в 1955 году.

Он взял меня с собой, и мы поехали в его родную Смоленскую область, на землю наших предков.

Земля предков священна, это я поняла после пятидесяти лет, она как магнит притягивает к себе. И где бы ты ни жил, как хорошо бы ни устроился, чувство неудовлетворенности не покидает тебя и требует твоего возвращения.

Тогда же это был мой первый выезд на землю предков и первое длительное (пять суток) путешествие в поезде, среди незнакомых людей. Интересно было все: и люди, и вид из окна, и мелькающие мимо станции, — днем во время остановок поезда я всегда выходила на перрон. Многие города мы изучали на уроках географии, но я не предполагала, что смогу их увидеть, поэтому в поездке была радостной и счастливой, а душа хотела петь, и я была очень рада, если кто-то запевал, тут же подхватывала.

Москва встретила нас песнями о Москве, напоминая, что это наша столица родная. Приехали утром, вышли из поезда на Казанском вокзале, впереди огромная площадь, посредине большой памятник, вокруг площади много автомашин, очень много народа, который постоянно в движении. Отец вклинился в поток людей, и мы пошли. Для меня все было необычно и ново. Мы шли пешком около высоких, красивых старинных домов, которые окружали нас со всех сторон, как деревья в лесу. Большой город показался мне очень загроможденным строениями и необычайно таинственным.

Отец как-то сразу помолодел (хотя ему было тогда 59 лет), шагал быстро, я кое-как за ним успевала. Москву он, видимо, знал и помнил, но иногда уточнял направление у прохожих. Меня удивляли боль-

шие потокидвигающихся людей, ранее я и представить не могла, что так много людей может идти по одной улице, но люди были доброжелательны, так я наступила кому-то нечаянно на ступню ноги, извинилась, а мне ответили: «Пожалуйста».

Я боялась переходить улицы из-за большого количества, а верней, сплошного потока автомашин. Отец же шел уверенно и быстро, и мне приходилось думать о том, чтобы не отстать и не потеряться.

Самое первое, куда мы пришли в Москве, была Третьяковская галерея.

Стоя в кассу за билетами, отец вдруг стал рассказывать: «Когда детям в семье родителей исполнилось девять лет, нас везли в Москву, где знакомили каждого ребенка с художественными выставками, театрами, выставками новейших достижений. Родители считали, что это необходимо для нашего развития. Граммофон, велосипед и другие новинки цивилизации первыми появлялись в селе – в нашей семье». Купив билеты, мы вошли в первый зал, на стенах которого были развешаны расписанные художниками картины, таких залов было несколько.

Проходя по залам Третьяковской галереи, отец останавливался около каждой картины, поясняя ее смысл и называя фамилии художников. Часто на его глазах видела слезы, видимо, он ждал этого момента в душе и хотел, чтобы я знала художников, написавших такие прекрасные полотна, и гордилась ими. И, конечно, сам радовался еще одной встрече с ними. Он не отрицал красоты картин иностранных художников, но считал, что я должна знать и своих соотечественников. «Желательно знать многое, что создано человеческим разумом и руками для дальнейшего совершенствования, но достижения своих соотечественников нужно знать обязательно», – говорил отец. Мне казалось также, что отец переживал за меня, что выросла в лесу, что не смогу понять красоту и дух картин, выраженный художниками, так, как он ранее научил меня понимать и любить окружающую природу, на которую в ссылке нам очень повезло.

Идя со мной по залам Третьяковской галереи, он радовался, прежде всего, тому, что, хотя с большим опозданием, но сумел продолжить традиции своих родителей. Иногда он замолкал, как будто окунался в возникшие воспоминания, а именно в то время, когда он шел по этим залам со своими родителями, но, видя меня рядом, возвращался в действительность.

Отец мало говорил о родителях, но что он помнил о них, – это факт. Родители заложили в отца любовь к своей стране, России, которую он также стремился передать мне. Позднее, когда я закончила десять классов и собралась ехать в город, чтобы продолжить образование, отец сказал:

«Учись хорошо, живи светло, приумножай уважение к России».

Мама же просила: «Настя, не вступай ни в какие секты; будь, пожалуйста, благоразумна». Но это было позднее, а пока мы осматривали картины, размещенные в залах Третьяковской галереи. Тогда я просто порадовалась за тех, кто оставил нам такое прекрасное художественное наследие, и была им благодарна.

В этот же день мы посетили мавзолей Ленина, куда попали после того, как отстояли два часа в очереди. Не знаю, с желанием шел отец или так было принято в то время, но прошли мы молча; отец только сообщил мне, что в 1919 году он слушал выступление Ленина здесь, в Москве.

Познакомившись с Москвой, мы поехали в Туманово Смоленской области к старшему мамину брату, он был тогда еще живой, но тяжелым калекой. Дядя Миша пришел с войны с поврежденным позвоночником, его тело не держалось в вертикальном положении, а раскачивалось.

У родственников выяснили, что родное село моего отца Холм-Жирковский во время войны было разрушено полностью, а дом их разбомбили, о родственниках ничего не было известно. (Получилось так, что своя власть отобрала дом, а чужеземцы уничтожили его совсем, что и следа не осталось). Только мое присутствие дало отцу силы, чтобы выдержать это известие. Он понял, что родственников ему не найти, на что он явно надеялся, хотя вслух об этом не говорил. После такого трагического известия мы поехали домой. В Москве остановились, отец нашел организации, куда можно было обратиться по розыску близких родственников, он оставил прошения, но все ответы потом пришли отрицательные, «нет сведений».

Отец так и не узнал, что его село снова возродилось, и я побывала в нем.

Несмотря на то, что моя семья жила в советское время, мы с мужем также беспокоились о развитии творческих навыков, о расширении кругозора своих детей. Для этого приобретали детскую литературу, выписывали журналы: сначала «Мурзилку», «Веселые картин-

ки», затем «Пионер», «Костер», «Ровесник», «Юность», «Вокруг света», «Техника молодежи», также покупали диафильмы, конструкторы. Имели возможность показать нашим детям то лучшее, новейшее и интересное, что было в Москве, а также в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), других городах, бывали на выставках, в музеях, зоопарках и т. д. Летали самолетами на юг, к Черному морю, где отдыхали всей семьей. Мне приятно, что некоторые традиции предков получили продолжение. А в Третьяковскую галерею я детей не сводила, они уже будучи взрослыми по собственному желанию посетили ее, но не все.

Не построили мы с мужем и собственного дома. Родителям больно было вспоминать, что у них отобрали прекрасный собственный дом. Я же родилась и росла в колхозном доме, затем в полученной от власти благоустроенной квартире, которая, казалось, удовлетворяла наши запросы и желания. О собственном доме мысль возникла после строительства дачного домика. В нем было так уютно и приятно, что захотелось иметь собственный дом с палисадником и огородом. В нем могли бы собираться дети и внуки, и который можно было бы передавать по наследству. Но желание это пришло поздно, перед пенсией, исполнить его оказалось невозможным, так как накоплений уже не было.

Когда работали, то все деньги тратили на семью, на учебу детей и мало откладывали в банк. Как выяснилось в период перестройки, это было правильное решение, так как даже те деньги, которые мы копили на автомашину, отобрали у нас, и не только у нас, а у всех граждан России, новые власти в 1992 году отобрали сбережения, не соизволив даже объяснить, куда и для чего? Квартиры пока не отобрали, но к этому идет, так как квартплата растет гораздо быстрее, чем зарплата, а тем более пенсия.

Время покажет, как будут обстоять дела у детей, но что требования для выживания возросли, это факт.

Не внушает мне доверия новое рыночное время. Дай Бог, чтобы я ошиблась и оптимизм моих детей и внуков оправдался.

РОДНЫЕ МЕСТА ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

Поселок Сахалин.

Малая родина, как хотелось, чтобы наши дети знали о ней, а еще лучше увидели своими глазами. Вот и мы решили показать сыну, закончившему девять классов, места, где мы родились, чувствуя, что в дальнейшем такой возможности может и не быть. Где родились отец и мать, их сын, конечно, должен знать.

Но прошло тридцать лет, никаких сведений о своей родине у меня не было. Как до нее добираться, не знала, так как даже в городе Свердловске, в справочном бюро не могли сказать, как добраться до бывшего районного центра Ис. Тогда мы решили ехать в город Качканар, где жили сахалинцы, уехавшие гораздо позже нас. Решение оказалось правильным. Родной для меня поселок Сахалин со всеми принадлежащими колхозу полями и лесами, стал подсобным хозяйством горно-обогатительного комбината города Качканар.

Горно-обогатительный комбинат начинали строить еще в 1960 году, около горы Качканар, и он работает по сегодняшний день. Тогда эта стройка была объявлена Всесоюзной комсомольской стройкой. В результате на строительство приезжало очень много молодых и среднего возраста людей, в том числе солдат, отслуживших в армии; как правило, они приезжали группами. Направлялись и студенты, окончившие средние и высшие специальные учебные заведения. Горно-обогатительный комбинат строился уже не ссыльными, а приглашенными на стройку людьми, что радовало. Тогда, в шестидесятых годах и позднее, объявляя комсомольские союзные стройки, принудительный труд ссыльных заменили на добровольный труд молодых людей, и это хорошо! Одновременно с комбинатом строилось жилье для молодых семей, садики, школы, культурные учреждения; так возник город Качканар. Построен он выше горно-обогатительного комбината, поэтому обдувается со всех сторон ветрами, и воздух в нем чистый.

В 1989 году впервые я посетила город Качканар, только уже с мужем и сыном. В детстве же знала только гору Качканар, она была выше наших гор, о ней сложено много легенд, так как называли ее магнитной горой. О горе Качканар рассказывали, что в обуви с гвоздями по ней не пройдешь, и на нее не поднимаешься, гора вытащит все гвозди, возвращаться придется босиком. «В лаптях, только в лаптях, в резиновых сапогах, да в валенках по ней легко ходить», — говорили

старожилы. «Любит гора магнитная лапти, они ее не тревожат, а гвозди и металл не любит. Они заставляют ее напрягаться и тратить силы попусту», – шутили взрослые. Еще было нам известно, что у подножия горы Качканар росло много ягодных кустарников, особенно малины, богатых плодами, нужными людям. А окружают магнитную гору цепи лесистых гор, они кругом, и на них «зеленый волнистый океан хвойных лесов». Мы сами наблюдали воочию этот безбрежный зеленый океан, переходящий в голубой небесный простор.

Магнитная гора в 1989 году оставалась не тронутой, разрабатывались соседние с ней, находящиеся в одной цепи, горы. А рядом с горой Качканар жил город Качканар, поведаю о нем немного, лишь то, что сохранилось в памяти.

Устроившись в гостиницу, мы пошли в столовую, где были приятно удивлены: на второе подавали мясо индюшек, белое, вкусное и приличная порция, такого в других столовых не видали.

Около города Качканар протекает река Выя, на ней устроили два пруда: один чистый, другой для сброса шламов (отходов от горно-обогатительного комбината). Пруд для сброса шламов имеет высокие берега и заполнен «ржавой», мутной водой из-за наличия в ней железа, такой неприятный вид, что не хотелось на него смотреть, мы его быстро прошли. А чистый пруд расположен на расстоянии не более двух километров от ржавого; это водоем, похожий на озеро, с совершенно чистой, прозрачной водой. В нем можно купаться, кататься на лодке, отдыхать на его берегах или в высокорослом лесу, чем мы прекрасно воспользовались, тем более, что и погода этому способствовала – светило яркое летнее солнышко. Все условия для отдыха здесь имелись: работал прокат лодок и всех необходимых снастей, используемых на воде и для безопасности. Правда, костер разрешалось разжигать только на берегу пруда, в лесу не разрешалось разжигать костер, о чем предупреждали очень строго при выдаче лодки.

Отдохнув у чистого пруда и уточнив свой маршрут, мы поехали автобусом до следующего промежуточного пункта, а именно до бывшего районного центра, поселка Ис.

Грустно мне стало, когда увидела из автобуса, как мощный бульдозер, выкорчевывая с корнями вековые деревья, сгребал их в кучу, готовя место для какой-то площадки. Удручающий вид вызывал боль в душе. Что возведут на этом месте, полезно ли это будет обществу, оправдано ли? Не церемонятся люди с природой вблизи крупных на-

селенных пунктов даже в Уральских горах. Мне бы хотелось, чтобы к Уральским горам относились очень бережно, с большой осторожностью и вниманием, как к реликвии. Если берут что-то полезное, то восполняли бы это место отработанным камнем, лесом, растительностью или полезным строением. Эта мысль не оставляла меня, пока ехали в автобусе.

И вот мы доехали до последней автобусной остановки, далее общественный транспорт не ходил. Оставалось два варианта: попасть на случайный попутный транспорт или идти пешком. Попутного транспорта не оказалось, и мы пошли пешком. День летний, теплый, но пасмурный, природа же уральская прекрасна в любую погоду, и мы не заметили, как добрались до гор, за которыми расположен поселок Сахалин.

Не спускаясь, решили посмотреть с высоты на мой Сахалин. Сами горы очень заросли травой и костяникой, и тех тропок, по которым бегала в детстве, уже не отыскать, поэтому шли по траве и лесу, выбирая только направление. Сосны подросли, потолстели и выглядели прекрасно. Вид с горы, прямо впереди, тот же ошеломляющий: цепи гор, покрытые зеленым лесом, и казалось, что ему нет конца и начала. А над лесом плыли густые темные облака, они полностью закрывали голубой небосвод. Шел мелкий дождь, но мне не хотелось его замечать, он был не страшен, я была дома, хотя и без дома. Внизу перед нами открылись одни поля вдоль берега реки и до самого леса, одни зеленые поля и нет нигде жилья. Никаких следов от жилья не осталось даже фундаментов от домов, на их месте все те же зеленые поля. Если бы не разбиралась в том, что посеяно на этих полях, то можно было бы сказать, что внизу, где был поселок, росла пышная зеленая трава на широких лугах, а за лугами виднелся лес. Пруд обмелел, и также зарос травой. Никакого следа не осталось от плотины и мельницы. Только речка Вогулка, вернувшись в свои берега, несла свои воды легко и быстро, протекая, как и ранее, вдоль гор. Моего родного поселка Сахалин больше не существовало.

Казалось, что природа вместе с нами оплакивала эту утрату, эту безлюдность, эту пустоту – отсутствие жилья и людей. Исчез мой родной Сахалин с карты земли, не успев появиться. Ссылные, возможно, и обрадуются этому, это было их временное и вынужденное жилье. А я родилась и выросла в этом поселке, в нем мое начало. Начала нет, от родителей осталась только память, теперь и от родного поселка только память. Боль утраты родного и близкого, что окружало меня

когда-то, вызвала слезы. Я стояла на горе, любовалась моей прежней, прекрасной природой, а слезы сами собой заполняли глаза. Мой Сахалин, как ни был мал, а сколько доброго он дал! Добро душе, а телу пишу, такого нынче не отыщешь!

Как в тех суровых испытаниях наши родители сумели сохранить человеческие духовные ценности и даже передать нам? Не знаю, трудно найти ответ. Возможно, в суровых буднях возникает больше ответственности у родителей перед детьми, и они прилагали все силы, чтобы их дети были лучше, умнее, добрее. Сумела ли я передать эти человеческие ценности своим детям, не знаю. А они сумели, вечная им память и благодарность.

Дождь вернул нас к действительности, мы спустились с горы. Поля были засеяны кормовыми культурами на силос. Для их посева и уборки в стороне от полей стоял незаметно один дом, типа барака, в легком исполнении. Барак оказался на замке, от дождя в бывшем поселке Сахалин спрятаться было негде.

Мы пошли пешком под дождем до летней стоянки коров, о которой нам было известно. Надо было пройти пять километров и, вот удача, попался попутный транспорт, бортовой «уазик». Он остановился, принял нас на борт, и мы быстро доехали до ближайшего жилья, где построено всего три дома, далеко стоящих друг от друга, но в двух жили люди. Среди них я нашла своих одноклассников, чему мы очень обрадовались, и радость оказалась обоюдной.

Приняла нас семья, муж и жена, Жуковец Василий и Раиса. Мы учились до седьмого класса в одной школе. Встреча оказалась очень интересной, рассказали друг другу о себе и долго вспоминали общих знакомых. Нас попросили пожить, дом деревянный, просторный, хозяева были рады нам: угощали березовым соком, свежим молоком, кормили блинами со свежей сметаной и творогом, боровой дичью – Василий оказался хорошим охотником. Угостили и настойкой из березового сока, напиток легкий и не очень хмельной. Деревенские люди так же мудры на выдумки.

Жить в лесу они, видимо, привыкли и никуда не хотели уезжать, а дети рвались из дома, из троих детей дома была одна дочь, и та приехала на время. Отношения между дочкой и родителями очень хорошие. Василий говорит: «Побегают, да и вернутся, лучше наших мест нигде не найти, а коровы требуют постоянного ухода, доярки приехали и уехали, а мы с ними все остальное время». Молоко, полученное

от коров на летней стоянке, увозили в город Качканар три раза в день, после переработки оно шло в магазины, обеспечивая жителей города прекрасной молочной продукцией.

Но мы у знакомых, вблизи леса и пастбищ. Василий и Раиса истопили деревенскую баню, мы помылись, попарились свежим березовым веником и будто вновь родились. Отдохнув в доме, решили осмотреться вокруг.

Вышли на улицу, а ее нет, один дом на всей улице, да вдали летний навес – стоянка для коров. Вокруг дома поляны, усыпанные цветами. С одной стороны полянка густых ромашек, от белизны которых рябило в глазах; с другой стороны душица, зверобой, медуница, колокольчики, а также красавец наших лесов – иван-чай; далее поляны зеленой душистой травы, чуть подальше смешанный лес с белыми березками, такая красота – любуйся, не налюбуешься. От аромата лесных цветов дышится легко и свободно, на душе спокойно. И тут же тишина, которой хочется надышаться не менее, чем свежим воздухом. Уезжать от такого чудного окружения в шумный город не хотелось. В нем всегда какая-то беготня – суета, проблемы то дома, то на работе, которые постоянно надо решать.

А в деревне и работы, и проблем не меньше, а жизнь как-то размеренно идет. Это первозданная природа, ее умеренность и спокойствие освобождают деревенского человека от суеты, и он становится самим собой, зная, когда и что надо делать, а когда можно и отдохнуть. Но городскому человеку не сразу дается такая размеренность, а некоторые уже и не могут без городской суеты. Приехали, отдохнули на природе и спешат домой.

Так и мы погуляли по моим родным горам, по лесу, по цветущим зеленым полянам, покушали лесных ягод и, прожив недельку, поехали в другую деревню – Евру на родину мужа, чтобы потом вернуться в город, к которому привыкли.

Деревня Евра.

Деревня Евра располагается примерно в сорока километрах от города Урая, построенного нефтяниками. Перед выездом в деревню Валентин, мой муж, встретил земляка-евринца, Чейметова Григория Александровича. Оказалось, что он приехал с той же целью – побывать в своей родной деревне Евре, которую оставил сорок лет назад. Родные места, где он родился и где прошло детство, манили его не меньше, чем Валентина. Они обрадовались друг другу и своим одина-

ково возникшим чувствам уважения к родной земле. В воздухе витало чудное лето. Найдя автомашину, мы вместе поехали в их лесную деревеньку, оставшуюся в памяти на всю жизнь.

К нашему удивлению, родина мужа, деревня Евра в Кондинском районе, также стала подсобным хозяйством одного из предприятий города Урая, также нет домов, кроме одного, бывшего ранее школой. Гор здесь нет, места равнинные, с высоты не посмотришь.

Поэтому мы, прогуливаясь по деревне, бывшей когда-то красивой таежной, видели только то, что рядом и насколько воспринимает глаз: поля также засеяны кормовыми культурами, за полями чисто сосновый, очень красивый лес. В Евре чудные сосны, они не высокие, а широкие, раскидистые и очень пышные от большого количества веток, которые растут почти от земли, а на Урале у сосны снизу чистый золотистый ствол, а только потом зеленые ветви.

«Природа в том же виде», — говорит муж (чему мы порадовались), кроме речки Евры, которая загрязнена завалами деревьев, оставшихся после строительства мостов.

В этой глухой, таежной, а в данное время пустой деревне Евре, бывшие ее жители поставили памятник своим воинам-односельчанам, погибшим в Великую Отечественную войну, Валентин также вносил

свою долю. С 1941 по 1945 год в этой войне погибло сорок мужчин из деревни Евра, все они перечислены по фамилиям, среди них есть родственники мужа.

Памятник представляет собой четырехгранную вертикальную стеллу из железобетона, с нанесенным на нее изображением воина в каске, списками погибших и словами: вверху, рядом с воином – «Ради жизни на земле», внизу – «Евринцам от потомков». Нам оставалось только еще раз пофамильно всех вспомнить, постоять, наклонив головы, отдав дань памяти и уважения, а также положить к памятнику полевые цветы, что мы и сделали.

В речке Евре нашли место, где глубина позволяла, и выкупались; на берегах поели лесной земляники и черники и просто побродили по лесу. Побывали также на кладбище предков мужа, могилы сохранились, но деревянные оградки требовали ремонта или замены.

Отдав предкам свой поклон, поехали на крытой брезентом автомашине ГАЗ-66 в город Урай. Дорога простая: где земля, а где трава, где кочки, а где и ямы или выбитая в земле колея – лесная деревенская дорога, не асфальт, так что приехали все в пыли. Так засыпались серой дорожной пылью, что трудно было узнать друг друга, над чем с удовольствием посмеялись. Умывшись и передохнув у сестры мужа, стали собираться домой. В летнее время дорог от города Урая тогда еще не было, и мы полетели самолетом.

Как в песне поется: «Только самолетом можно долететь», – и мы долетели до дома умиротворенные, будто сделали большое дело, сумев поклониться родным местам вместе с сыном.

Не знаю, какое впечатление это путешествие произвело на сына Александра, не могу сказать, он не выразил вслух свое чувство, но то, что он был доволен поездкой, – было написано на его лице, так как, вспоминая некоторые эпизоды, он улыбался.

Для меня с мужем это путешествие было интересным и приятным, мы же побывали в своем детстве. Появилась и печаль от пронзительного чувства утраты, с которой трудно примириться. Исчезли наши лесные поселки с лица земли, остались только названия, которые постепенно также забудутся. Исчезли, потому что лесные, отдаленные от крупных населенных пунктов, к ним нет дорог, и, с одной стороны, это прекрасно, так как природа сохранилась в первозданном виде, а с другой стороны – лучше, если бы в них жили люди.

А уголки первозданной природы желательно иметь не только в деревне, но и около каждого города и хотелось бы, чтобы люди умели их беречь и сохранять для потомков.

ТЕТЯ ТАНЯ

Не могу не рассказать о тете Тане, родной маминой сестре. Милая тетя Таня, простая и душевная, стала мне ближе всех других из маминой родни. Она относилась ко мне как к родной, независимо от того, где я росла и училась.

А я жила и росла среди ссыльных на Урале, училась и работала в Сибири. Мои три тети, жившие в Ленинграде, считали, что в этих краях люди ниже их по культуре, по знаниям и относились с какой-то невысказанной вслух осторожностью, хотя понимали, что родня есть родня. Когда я привезла дочь Наташу из города Сургута для поступления в Ленинградский институт, то одна из тетушек сказала мне: «Настенька, ты что-то много на себя берешь, решившись привезти свою дочь в Ленинград. Ты, что думаешь, здесь слабее учат, чем у вас там?» На что я ответила: «Дочь сама выбрала город и институт, пусть попытается, не поступит – уедем, но тогда она не будет обижаться на родителей, что не помогли ей исполнить желание, хотя имели такую возможность».

Дочь с первого по десятый класс училась на отлично, правда, золотую медаль не получила. Я тогда не задала вопрос директору школы по этому поводу, посчитала неудобным. А когда дочь успешно сдала экзамены и поступила в Ленинградский институт, у меня этот вопрос возник, но это уже не имело значения. И вдруг, встретившись случайно в автобусе с классным руководителем Наташиного класса, слышу от нее извинения, что только по их вине Наташа не получила золотую медаль. Не нашли времени отправить ее экзаменационные работы куда требовалось. Она, видимо, от подруг узнала, что Наташа успешно сдала экзамены, и ей стало стыдно. Что ж, и это уже хорошо, может быть, с другими так не поступят. Прошло пять лет, и мои тети

убедились, что Наташа не зря приехала в Ленинград. Она хорошо училась, и с отличием защитила свою практическую дипломную работу. Наташа из-за своей скромности очень редко общалась с тетушками, несмотря на то, что все пять с половиной лет, пока училась, жила в общежитии. Тетушки радовались каждому даже редкому появлению Наташи, но, видимо, не были навязчивы в приглашениях.

Два дяди, жившие также в Ленинграде, были проще и принимали нас как близкую родню, даже пытаясь чем-то помочь, хотя мы не просили ни у кого никакой помощи. Но встречи с ними были редки.

А встречаться с тетей Таней было легко, она относилась ко мне как к родной, беспокоясь за меня и интересуясь мной, возможно, этому способствовала и ее профессия педагога. Она не задумывалась над тем, что в Сибири хуже учат или менее культурные люди. Ее не интересовало, где я росла, ее интересовало, что я собой представляю, какой я получилась у ее старшей сестры? Мне тоже было интересно мнение «эксперта», тем более, что на каждый мой рассказ у нее было свое мнение и она его открыто высказывала. Тетя Таня была очень правдива во всем: и в том, что говорила, и в том, что думала, и всегда готова была для открытого общения. Этим она очень похожа на мою маму, чем более всего и привлекала меня.

Татьяна Петровна, моя Тетя Таня, прожила 99 лет, гораздо дольше своих братьев и сестер в семье Камовниковых. Наверное, потому, что в ней было много внутреннего, душевного тепла к людям, это помогло ей, как мне кажется, остаться самой собой независимо от времени. До конца жизни она сохранила ясное мышление, с ней можно было говорить на любые темы. Когда я приезжала к ней в гости из Сибири, она просила меня сесть рядом с ней на диван и рассказывать обо всем, как живу, кто меня окружает. Она помнила по именам моих детей и хотела услышать о судьбе каждого из них. Ее интересовало настоящее, действующее время, видимо, хотела осмыслить перестройку, а ей было в это время 92 года. О царском времени говорила мало, она была патриотом своего, советского времени.

В 1917 году ей было шестнадцать лет. Советскую власть она встретила всей душой, ее тут же отправили учиться, затем она стала работать учительницей начальных классов. В многодетной семье (двенадцать детей) своих родителей она получила хороший опыт взаимодействия с детьми. Работала с большим воодушевлением, любила детей и отдавала им все то хорошее, что имела сама. Большую часть

жизни прожила в родных краях, в городе Сафоново Смоленской области. Это примерно двести километров от ее родного села. Привыкнув к сельской жизни, она и в городе жила в частной застройке, имела свой дом с приусадебным участком и была довольна. О городской благоустроенной квартире не мечтала и даже не думала. Она радовалась палисаднику с цветами перед домом, ее устраивал огород за домом.

Вышла замуж за скромного парня, порядочного человека и коммуниста. Только война разлучила их на пять лет. Война же заставила тетю Таню вместе с двумя детьми эвакуироваться из родных мест на время оккупации их немецко-фашистскими захватчиками. Как только советские войска освободили город Сафоново от захватчиков, она вернулась домой и продолжала работать учительницей. Муж ее вернулся с войны инвалидом, но мог работать. Они вместе растили своих детей, с чем справились превосходно. У обоих детей хорошие семьи и внуки.

Тетя Таня была очень спокойной, но деятельной; имела пытливый ум, все ее интересовало, и ни к чему и ни к кому она не была равнодушна. Зная о моей жизни из писем мамы, давала советы, чего надо остерегаться и как лучше поступить в том или ином случае. Летом у нее гостили все братья и сестры, жившие в городах. И мы с отцом были у нее в гостях, а мама с ней так и не встретилась после ссылки; мама успела побывать только в Ленинграде. Здесь, конечно, моя вина, так как не нашла времени свозить маму; поехать самостоятельно она уже не могла по своим годам.

Тетя Таня не сомневалась в Советской власти, верила в нее и гордилась временем, в котором жила. А когда пришла перестройка, она слушала и смотрела на все с какой-то опаской. Чтобы выяснить, чего она опасается, я спросила: «Тетя Таня, приветствуете ли Вы возвращение капитализма, господ?». Она ответила: «Нет, я не хочу снова подсматривать в щели графской ограды и наблюдать, как веселятся господа». И тут же стала задавать вопросы мне: как я сама к этому отношусь, как относятся мои коллеги по работе, что думают по этому поводу, что говорят? При этом тихонько вздыхала, понимая, что изменить что-либо не в ее силах; ей было тогда 93 года.

Мама умерла ранее своей сестры на пятнадцать лет, и мне ее очень не хватало. А тетя Таня очень похожа на мою маму. Правда, мама пережила ссылку и отношение к Советской власти у нее было другое, коммунистам она не верила, а в остальном они очень похожи.

Поэтому я радовалась каждой редкой встрече с тетей Таней, мне было интересно с ней беседовать. Она всегда задавала много вопросов.

И я задавала ей много вопросов, в том числе о жизни до революции, но об этом времени ей почему-то не очень хотелось вспоминать. На мои вопросы все-таки отвечала и заметила, что до революции 1917 года Ковалевы жили богаче Камовниковых, при этом как будто извинялась, что их не выслали, а Ковалевых выслали в советское время. Таково время, непонятно, то ли извиняться надо, то ли молчать, последнее как всегда надежнее, но правильнее ли? Предоставим лучше это решение принимать каждому самостоятельно.

Сама тетя Таня никому и никогда никаких претензий не предъявляла и ни от кого ничего не ждала, а что имела, тем и жила. Милая тетушка была проста и душевна в общении, трудолюбива, отзывчива, любила детей и своих, и чужих, была не равнодушной к происходящему в стране и к своей родине. Она не только воспитала и вырастила сына и дочь, а помогала растить и воспитывать четырех внуков и четырех правнуков. Тетя Таня большую часть своей жизни прожила в родных местах, это ей также помогло сохранить себя и остаться с тем, что заложили в нее родители. Она имела правительственные награды за работу в школе и за труд в военное время.

Под конец, когда здоровье стало оставлять ее, она говорила, что мол, видно, долго я живу, пора, наверное, оставлять этот мир. При разговоре стала быстро уставать и предупреждала: «Подожди, я немного отдохну, и мы поговорим», — а было ей в это время 99 лет. Такова была тетя Таня, пусть благодарностью ей будет моя память.

Со стороны маминой родни тетя Таня была ближе всех ко мне, со стороны отца родни не осталось, она была уничтожена Советской властью. Поэтому мои отец и мать не могли быть благодарны Советской власти, хотя впоследствии, возможно, и приняли ее, но маму, по моему разумению, тяготила невозможность открыто верить в Бога.

Часть III

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

ИСПЫТАНИЯ

В воздухе дышало уральское лето, чудное от тепла и света. Здесь же забота, как можно больше сделать работы, а ее не мало – полив и прополка на полях, сбор ягоды в лесах, веселый сенокос, стройка и уборка – все летом удается. Официальных праздников летом не было, концертов и спектаклей не ставили. Радовались теплу лета, как празднику, особенно дети, так как можно было бегать легко одетым и босиком – по деревенским улицам, ко всем подругам и друзьям, а также вдоль полей и по лугам, где росли прекрасные цветы, в том числе любимые васильки, ромашки, и летали яркие бабочки.

Детство, детство, ты пролетаешь так быстро, как та прекрасная бабочка, которая вроде поманила тебя, а сама поднялась ввысь и скрылась из глаз. Память детства ярче о летних днях, когда мы чувствуем себя легко и свободно, как в этом простом стихотворении, что русский поэт написал:

По солнышку, по солнышку дорожкой полевой,
Иду по мягкой травушке я летнею порой!
И любо мне и весело смотреть по сторонам,
Голубеньким и беленьким я радуюсь цветам!..

Летом ходили по ягоды: за земляникой, куманикой, малиной, слаще этих ягод, казалось, ничего нет. Куманику съедали сразу с веточки, а земляники было много, ее успевали вдоволь поесть и набрать в бидончик, чтобы принести домой и угостить родителей, а также поесть

с молоком, земляника с молоком еще вкуснее. В теплые дни легко и быстро лазили по горам, а в жаркие дни с большим удовольствием купались и плавали в реке и в нашем пруде.

Плавание – свободное движение в воде, очень приятное, ощущение такое, как будто ты находишься в полете. Человеку не дано летать, а плавание компенсирует это желание, так как, когда ты находишься на воде, небо ощущается ближе к тебе. Когда же небо отражается в воде, то вообще не ясно, где ты находишься? А чтобы посмотреть на мир с высоты, для этого горы нам даны и созданный разумом человека самолет, а теперь и космический корабль. Но мы говорим о воде, в которую можно нырнуть, заглянуть в глубину и опять с удовольствием вынырнуть в реальный мир. Вода все же остается загадкой, а подводный мир тем более. Сахалинские дети, росли на небольших реках шириной от 15 до 100 метров, но плавать научились, и не только плавать, а нырять и держаться длительное время под водой. А дети школьного возраста, в том числе и Настя, даже давали представления на воде; в их понятии творили чудеса, так как взрослые любили эти представления.

Поясним, как все происходило.

В пять часов вечера заканчивались полевые работы, и молодые мамы-колхозницы шли за детьми в детский сад и ясли. Забрав детей, приходили с ними на берег пруда и удобно усаживались на траву. Здесь они устраивали себе отдых после колхозной работы перед домашними хлопотами. Удивительно живописная картина открывалась перед сидящими на берегу: спокойная, сверкающая на солнце темная гладь пруда, затем примыкающие к пруду горы (высота гор от 200 до 300 метров), заросшие золотисто-зелеными соснами и травой, а выше гор открытое чистое небо и яркое солнце. Все это радовало глаз и приглашало к воде всех нас.

И дети школьного возраста, закончившие прополку овощей, бежали с колхозных полей сюда же к пруду, к воде и радовались предстоящей борьбе. Здесь на воде они устраивали соревнования, а зрители являлись его участниками. Молодые мамы наблюдали: как мы плавали наперегонки и определяли простым счетом (1, 2, 3, 4...), кто быстрее; как плавали под водой и определяли, кто дольше продержится; как ныряли и выясняли, кто быстрее достанет землю со дна реки.

Глубина пруда, где купались, была небольшая, от десяти до пятнадцати метров.

Также дети придумывали различные упражнения на воде и выполняли их, кто как умел, а зрители с удовольствием смеялись. В соревнованиях участвовали и девочки, и мальчики. Около часа отдавали колхозницы такому отдыху на берегу реки. Дети школьного возраста радовались, что могут показать свое искусство в плавании, маленьким детям было хорошо возле своих мам, а мамам было хорошо с детьми. Всем нравился такой отдых, назавтра, если было жарко, все повторялось снова. Селяне понимали, что лето на Урале короткое (для плавания солнышко нам выделяло не более месяца), и хотелось успеть насладиться в полной мере его теплом и его радостями. Школьникам, в том числе и Насте, такие соревнования доставляли не только удовольствие, но и вселяли уверенность в том, что они, сахалинские дети, прекрасно плавают. Во всяком случае, такая молва шла в округе.

А Настина сестра постоянно звала родителей к себе, и они решились переехать в Алтайский край, на станцию Тягун, где сестра оказалась по воле судьбы с маленькой дочкой — одна, без мужа.

Принятие такого решения родителям далось нелегко. То, что переезд им ничего хорошего не принесет — они понимали, так как, подойдя к пенсионному возрасту, не отличались здоровьем. Отцу тяжело было оставлять полюбившуюся работу пчеловода, которая соответствовала и возрасту, и его здоровью. Но, с другой стороны, им хотелось скорей покинуть место ссылки, почувствовать себя в полной мере гражданами своей страны, а также помочь старшей дочери в воспитании детей и решить вопрос с продолжением учебы младшей дочери. Школы-десятилетки в поселке Сахалин не было, значит, дочь, еще девочка, должна будет жить в райцентре, в интернате. А Лариса, их старшая дочь, жила на большой железнодорожной станции, где работали даже две школы-десятилетки. Будущее детей и приобретение собственной свободы требовало переезда. Отец сказал: «Надо уезжать из этих мест и чем быстрее, тем лучше», — но радости в его словах не было. Они уже как-то прикипели, а вернее, приспособились к месту своего вынужденного жительства. Радовалась переезду только Настя, так как была молода, многое не понимала, и ее тянуло в новые места.

Хотя в душе и ей не хотелось расставаться с детством среди сказочно-прекрасной природы. Но время отъезда подошло. Остались в прошлом ее любимые зеленые горы, реки с прозрачной и чистой водой, лес, полный чудес, колхозные поля с пшеницею высокой и милая земля, заросшая яркими цветами и густой травой, не встречалось ей больше такой.

Теперь семья Ковалевых ехала с Урала в Алтайский край, уже не по принуждению, а по собственному желанию. В поезде Настю спрашивали: «Откуда едете?» Она спокойно отвечала: «С Сахалина». Пассажиры настораживались: «Что-то не с той стороны, тебе так не кажется?». Настя улыбалась и объясняла: «Мы едем не с острова Сахалин, а из поселка Сахалин, затерявшегося в лесистых горах Урала».

И вот железнодорожная станция Тягун. Как выяснилось, это большой населенный пункт; расположен он на холмах и окружен густыми лесами с высокой до полутора метров и более, травянистой растительностью. Трава вблизи поселка в основном трубчатая, грубая, непригодная в пищу для домашних животных; поэтому тем, кто имел коров, приходилось искать покосы в отдалении. Но удивляло то, что на редко встречающихся равнинных местах росли ярко-красные цветы – огоньки. Эти весенние цветы очень точно подтверждали свое название, а их обилие – целые поляны – остались в памяти на всю жизнь. Настя считала, что только на Урале растут самые красивые цветы, увидев же огоньки, удивилась и поняла, что и в Алтайском крае растут не менее красивые полевые цветы. Она засушила несколько цветков огонька и отправила подругам на Урал, чтобы могли полюбоваться. Сообщила им также, что здесь имеется школа-десятилетка, и она ходит в школу по улице, а не по лесу, чему очень рада. Радовались этому и родители, так как Настя теперь могла окончить школу, проживая вместе с ними.

Она также сообщила своим подругам, что станция огромная и живет полной жизнью: с одной стороны железной дороги прибыльно работает леспромхоз, с другой стороны живут и работают железнодорожники, в том числе и наша семья. И пожаловалась: народу очень много, всех не узнаешь. На Сахалине было хорошо: знали всех от младенца до бабушки и дедушки, и от этого было спокойно. Не нравится мне также, что нет рядом со станцией ни реки, ни озера – совсем негде купаться.

Настина сестра работала проводником санитарного вагона, и когда появлялись тяжелобольные, она доставляла их в большие города – Барнаул и Новосибирск. В городах могли оказать более квалифицированную помощь. Одна из таких поездок пришлась на лето. Настя успешно закончила девять классов, и сестра решила взять ее с собой в город Новосибирск. Два года она не купалась, не плавала в реке, о море тогда не могла мечтать, так как его не видела, оно было так далеко, что казалось недостижимым. А Новосибирск расположен на реке

Обь, чему обрадовалась больше всего. Город ее интересовал меньше, чем река, так как имела одно желание – поплавать в большой реке – глубокой и широкой. Поэтому самое первое, куда они пришли в городе, это на реку Обь.

Что же это за река? Тогда наши знания ограничивались географической картой, где река Обь изображена тонкой, темной, извилистой линией, прорезающей всю светло-зеленую Западно-Сибирскую низменность. Позднее узнали из литературы, что река Обь с притоком Иртыш – самая крупная из рек Западной Сибири. Она полноводна и широка, ее протяженность составляет 5410 километров. По длине она занимает первое место в России и одна из величайших рек земного шара. Восемь притоков этой реки имеют протяженность каждого притока более тысячи километров, то есть более чем длина самых известных европейских рек.

Эта великая река отличается не только протяженностью, но и богатством ценных пород рыб: осетр, нельма, стерлядь, муксун являются самой деликатесной рыбой не только в России, но и во всем мире. А всего в реке обитает двадцать пять видов рыб.

Начинается Обь в Алтайском крае, около города Бийска, от слияния двух горных рек Бии (длина 306 км) и Катунь (длина 665 км), но за начало принимается и приток Оби, река Иртыш, который начинается около границы с Китаем. Так что течет река Обь по России «с южных гор до северных морей», впадая в Карское море, а далее в Северный Ледовитый океан. Если за начало Оби принять исток Катунь, длина ее составит 4345 км, если исток Иртыша, то 5410 км. Ширина реки Обь от 400 метров до 3–4 км после впадения в Обь Иртыша, а вблизи устья и до 10 километров. Глубина в отдельных местах достигает 40 метров. На реке Обь расположены города: Барнаул, Новосибирск, Стрежевой, Нижневартовск, Сургут, Салехард, а на притоке Иртыш: Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар (сегодня они принадлежат Казахстану, но были построены Россией – русскими государственными людьми), далее российские города: Омск, Тобольск, Ханты-Мансийск. Через реку Обь построено двенадцать мостов, самый длинный мост имеет протяженность 2200 метров. На реке имеется одна гидроэлектростанция, которая вырабатала уже пятьдесят миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Река Обь судоходная, навигация в среднем течении длится около двухсот суток, в низовьях – только сто пятьдесят.

Почему-то ничего не сказано в исторической справке о скорости ее течения, а скорость течения реки Обь требует особого внимания для тех, кто может с ней соприкоснуться, особенно начиная от истоков. Не являются исключением и сильные ветра на реке, а ближе к северу холодная, почти ледяная вода. Теперь можно рассказать о реке Обь, используя непосредственное ощущение и собственный опыт.

Тогда Настя обрадовалась просто реке, не думая о ее величии. Увидев перед собой Обь, такую широкую между равновысоких берегов, даже запела от восторга:

Сегодня плыть умею на боку и на спине я;

даже кролем я немножечко могу.

По-твоему холодная, по-моему прохладная;

по-твоему широкая, по-моему узка.

Переплыву свободно я, и приплыву обратно я,

Но до чего ж мне нравится Быстрянка река...*

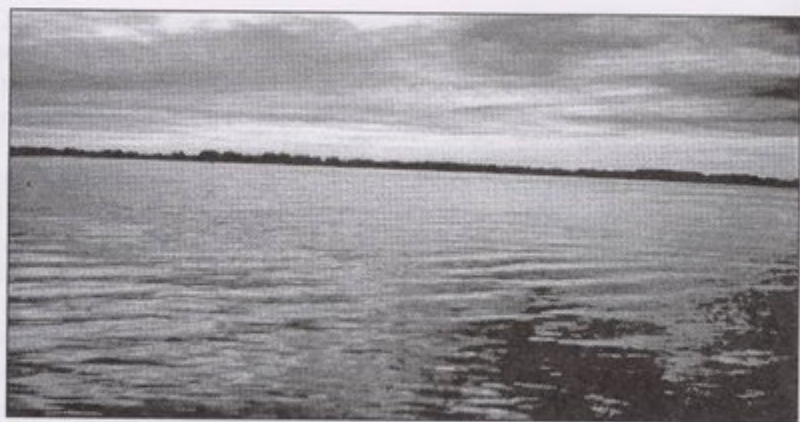
Правда, перед ней была не Быстрянка, похожая на реку Нясьма, а большая, могучая река Обь. Все купались вблизи берега, но она не обратила на это никакого внимания. На пляже была установлена высокая доска, с которой ныряли в воду. «Значит там глубоко», – подумала про себя. Быстро окунувшись в воду около берега, поднялась по лестнице на доску и прыгнула в не очень светлую воду реки. Не уральская кристально чистая вода была в реке Оби, не уральская, но глубина ее поразила, она не решилась даже опуститься до дна. В прыжке надеялась попасть на середину реки, что почти удалось. Под водой чувствовала себя свободно, вперед продвигалась быстро, плыть было легко, и Настя решила проплыть подольше, сколько разрешат легкие, находясь без воздуха.

Когда появилась на поверхности воды, то сразу оглянулась в сторону пляжа, он был чуть заметен. Она удивилась, что так быстро уплыла на такое большое расстояние, но тут же сообразила – быстрое течение, поэтому и плыла так легко; чувствовала, что и здесь на поверхности воды течение уносит ее, без всякого усилия с ее стороны.

Сестра не купалась, она не умела плавать и пришла к Оби только из-за неумного желания Насти поплавать в большой реке.

Желание исполнилось, она плыла по Оби, а радости уже не испытывала, так как не имела возможности управлять собой, мощное

* – Слова неизвестного нам автора.

течение заставляло подчиняться. Когда плыла под водой, то легкость быстрого движения радовала, она чувствовала себя, как рыба в воде, а наверху было совсем другое ощущение, оно пугало, становилось страшно. Оглянувшись еще раз назад, на пляж, пыталась найти сестру, та была трудно различима; глянула на берега, они были высокими и перед ними низина, заросшая высокой осокой и кустарником. По этим берегам, видимо, редко ступала нога человека. А течение уносило ее все дальше в неизвестность.

Вернуться по реке против течения оказалось невозможно. Поняв ситуацию, испугалась. Страх очень быстро охватывает душу и сковывает силы, если дашь ему это сделать. Поэтому, вздохнув глубоко, покрутившись в воде несколько раз, она прогнала страх. Появилась вера в себя, тогда приняла решение: выплыть во что бы-то ни стало, и плыть решила срочно только к берегу. Собрав все силы, повернулась к берегу и поплыла поперек реки; с течением бороться было трудно, оно очень сильное, но, как оказалось, не настолько, чтобы не подплыть к берегу, правда, заросшему густой режущейся травой, а выше колючими кустарниками. Ничего другого не оставалось, и она в купальнике пролезла через эту траву и кустарники, затем поднялась на крутой высокий берег и поверху прошла к пляжу.

Так большая река стала большим испытанием для Насти, а также предупреждением, что с водой не шутят, что на свои силы надейся, но следует быть осторожной при встрече с чем-то новым и неизвестным. А большая река для нее оказалась полной неизвестностью. Надо было осмотреться, оглядеться, поговорить с местными жителями о

нраве реки, о возможной опасности. Но, как говорится в народе, хорошая мысль приходит опосля.

Усталая и растерянная, вся в ссадинах и царапинах подошла к сестре, которая шла навстречу бледная и в слезах.

Таково было первое крещение в великой сибирской реке Обь. Вся предыдущая подготовка в плавании на реках Вогулка и Нясьма показалась теперь детской забавой. Эти, как поняла, детские реки, не входили ни в какое сравнение с рекой Обь.

Здесь Настя сразу взрослее стала, и детство ушло незаметно в начало.

Как быстро летит время – прошло 27 лет с того злополучного дня. Многое произошло за это время: учеба для приобретения специальности, работа, отнимающая много сил и времени, семья, здесь же растущие дети. Исчезли из памяти школьные дни, о них просто не было времени вспоминать.

1984 год, Анастасия получила санаторно-курортную путевку в санаторий Белокуриха Алтайского края. Муж не мог поехать, по каким-то причинам, и она поехала с сыном, которому было одиннадцать лет. В Барнауле, столице Алтайского края, у нее было много одноклассников и однокурсников, миновать этот город не могла, и они задержались. Лето было жаркое, дома не сиделось, тянуло на природу и, конечно, к реке, искупаться. Для нее тогда стало открытием, что город Барнаул также, как и город Новосибирск, расположен на реке Обь. Приехав к реке, все местные остались на берегу загорать, а Анастасия с сыном скорей в воду, поплавать, понырять; так им хотелось хотя бы на время быстрыми и свободными рыбками стать. Анастасия даже представить себе не могла, как можно, находясь у реки, не искупаться.

Она почему-то не поплыла далеко, видимо, инстинктивно. Сын обрадовался реке и поплыл, он умел плавать. Но вскоре стало ясно, что силы с рекой были не равные, течение уносило его. По сравнению с Новосибирском течение реки здесь еще мощнее, но ширина реки меньше, а глубина приличная. Анастасия сразу заметила, что сын быстро удаляется, стала кричать, чтобы он вернулся. Он повернулся, чтобы плыть к пляжу. Но течение не давало ему этой возможности, и он просто удерживался на месте, а вперед двигаться не мог, гораздо медленнее, но его уносило по течению. Анастасия поплыла к нему, быстро догнала, дала ему возможность отдохнуть и даже попытались вместе бороться с течением, но вскоре поняли, что невозможно вернуться против течения.

Пока человек жив, его мысль работает на выживание, на спасение, как у всего живого на земле, а значит, выход найдется, главное верить в свои силы.

Анастасия стала смотреть на берега, ее порадовало то, что они низкие, открытые и песчаные, не заросшие растительностью. Она с сыном повернулась поперек реки, чтобы плыть к берегу и услышала крики знакомых: «К берегу плывите, к берегу плывите». Доплыв до берега, благополучно выбрались на берег, по которому дошли до места, где остановились. Все радостно улыбались. Да, с рекой Обь не пошутить и не побалуешься, с ней надо быть начеку, а лучше загорать на берегу, что и делали знакомые.

Так как Анастасия с семьей жили в местах, где не было возможности плавать, их тянуло к воде. Теперь они стали плавать разумно, только на определенное расстояние, затем подплывали к берегу и, выйдя на берег, возвращались к стоянке пешком, так они приспособились к реке.

Здесь к месту будет поговорка, нам ее оставили наши предки: не зная броду, не лезь в воду. Часто жизнь течет так насыщено, что и не успеваешь узнать предупреждения предков, сам, из своего опыта приходишь к ним. Хотелось, чтобы вы узнали пораньше. Этот рассказ есть предупреждение быть осторожней на воде, а впрочем, видимо, везде.

Да, река Обь велика, могуча и прекрасна, но бывает порой и опасна. Это могут подтвердить все рыбаки и многие из тех, кто с ней соприкасался.

Говорят, что Бог любит троицу, так и Анастасии пришлось пережить третье крещение, а верней испытание на реке Обь, но уже используя силу мотора и искусство рыбака, а именно, плывя на моторной лодке. В поселке Лемпино перестал работать усилитель звукового вещания, прекратилась трансляция радиопередач, на месте устранить повреждение не смогли и попросили помощь с центрального узла связи. В узле связи разъездной инженер оказался в отпуске, отправить было некого, и Анастасии пришлось выехать на ремонт усилителя в национальный поселок Лемпино. Основное население в нем составляли ханты, но третью часть населения составляли русские; высланные в эти места в 1930 году и приспособившиеся к местным условиям.

Тогда долететь до Лемпино можно было только вертолетом. Болота, реки без мостов, леса отделили этот поселок от города Сургута.

Полетела на вертолете; теплый летний день радовал. Внизу земля неопишуемой красоты: это пышные зеленые леса, гармонично обрамляющие озера и реки, темно синяя вода, светло-желтый песчаный берег; болота сверху не кажутся опасными, т. к. украшены яркой разноцветной растительностью. С высоты полета остро бросается в глаза, что реки, уверенно прорезающие леса и болота, похожи на стволы деревьев, а их притоки на ветви. Дороги, как тропки, видны только среди леса, отчего лес кажется редким и видна нежная зелень лесных трав. В общем, есть на что посмотреть, любуйся – не налюбуйешься. При этом, вглядываясь в летнюю природу, менее слышишь громкий шум мотора вертолета.

Прилетели по расписанию, ремонт оказался не долгим, но вертолет улетел назад еще быстрее. Следующий по расписанию вертолет только через две недели. От предстоящего вынужденного безделья, становилось как-то не по себе. С начальником отделения связи стали перебирать варианты возможного отъезда. Вариант был один – водный транспорт, но общественный водный транспорт не ходил до поселка, оставалась частная моторная лодка. Надо было проехать по реке Большой Салым, по протоке и по реке Обь до ближайшей водной станции, поселка Сытомино.

По реке Оби тогда уже ходил постоянный общественный транспорт – «Метеоры» – речные скороходные судна, казалось, что они летят по воде, а не плывут. «Метеоры» вполне вместительные, брали по 120 пассажиров. Во время навигации ходили они ежедневно в светлое время суток.

Много населенных пунктов размещалось по берегам Оби, одни создавались более тысячи лет назад, другие 400 лет назад, как Сытомино, большинство же поселков построено русскими, бывшими «кулаками», высланными из центральной России и Сибири в 1930–1931 годы, а позднее и высланными людьми других национальностей. «Метеоры» всегда были переполнены людьми. Живя в этих глухих местах, откуда и выбраться ранее было невозможно, селянам хотелось посмотреть на быстро растущий город нефтяного края, узнать, как там живут, что нового, интересного несет он людям и, конечно, купить, что необходимо для семьи и детей – выбор в магазинах города большой.

Строились поселки по берегам реки вдали друг от друга, возможно, для исключения скученности ссыльных; иногда строились вблизи поселков местных коренных жителей, хантов и манси, как в

Лемпино, где Анастасия искала возможность отъезда. Начальник отделения связи подсказала, что один из электромонтеров хороший рыбак, на него можно положиться. Он умеет управлять моторной лодкой, и уже не раз плавал до Сытомино. Она вызвала электромонтера и переговорила с ним. Электромонтер, звали его Петр, согласился отвезти до Сытомино.

Объяснив, что сильные ветра на реке продувают насквозь, предложили одеться потеплее, предоставив теплую одежду. Ее предупредили, что плыть придется более трех часов. Ранее Анастасии не приходилось плавать на моторных лодках на такое большое расстояние, но других вариантов не было. Ее не испугало и то, что моторная лодка открыта всем ветрам и дождям. Сомнения были, а страха, почему-то не было, тем более, что светило яркое солнце, и погода ничего плохого не предвещала.

По Большому Салыму проплыли прекрасно, день ясный, солнечный, ни ветерка, берега зеленые и близкие создавали покой. По протоке проплыли хорошо, Анастасия была спокойна, сомнения исчезли, и радовалась тому, что приближалась к дому с каждой минутой. Она даже не заметила, что уже на середине пути, когда плыли по протоке, облака стали закрывать солнце. Они нависали над водой все гуще и становились темнее, появился ветерок и легкие волны. Явно чувствовалась смена погоды. Вошли в Обь, на речной простор полноводной реки, которая, казалось, сливалась с небом. Здесь не подберешь другого выражения, как Великая река, если мягче сказать, величавая, привольно раскинувшаяся среди равнинных берегов. Огромная ширь реки и волнующийся поток воды предстал перед изумленными глазами. Вначале Анастасия даже не поняла, что на реке буря, таково было первое ошеломляющее впечатление от водного простора. Но сильный ветер и яростно пенящаяся вода быстро вывели ее из оцепенения увиденным. Мощные волны, достигающие метра, упорно и уверенно наступали на лодку. Их гнал свирепый ветер, и лодка для них не представляла никакого препятствия, а казалась случайной игрушкой среди бушующей стихии. Чем далее плыли по Оби, тем выше и грознее становились волны. Они стремительно набегали одна на другую, вздымая белые барашки пены. Разбушевала матушка Обь не на шутку, простор реки этому способствовал; мощные волны готовы были перевернуть лодку в любой момент. Петр приблизил лодку ближе к берегу, продолжая намеченный

путь и преодолевая крутые волны одну за другой. Они вступили в отчаянную борьбу с разбушевавшейся стихией.

Вот когда проявилось искусство управления моторной лодкой. Не только мотору надо было усиленно работать, но и мышцам человеческих рук, крепко вцепившимся в ручку мотора, оставить который было смерти подобно. Все внимание Петра сосредоточилось на волнах. С большим усилием удерживал он лодку, не давая ей перевернуться в холодную, бурлящую, мутную воду реки. В данной ситуации все зависело только от Петра, Анастасия ничем не могла ему помочь, ей надо было хорошо держаться, чтобы самой не вылететь из лодки во время наезда на очередную волну, а также успевать отчерпывать воду со дна лодки. Положение было серьезным, населенных пунктов на пути близости не было.

Анастасия подумала: «Не вернуться ли, стоит ли рисковать, у меня и у него дети, а перед детьми родители в ответе. Их надо воспитать в уважении к людям, дать возможность получить необходимые знания, специальность». Мысли были высказаны вслух коротко и громко, так как шум мотора, ветра и воды заглушал голос. Но Петр услышал, улыбнулся и сказал: «Доедем, не беспокойтесь!»

Он был внешне спокоен и уверен в себе. Казалось даже, что ему доставляет удовольствие бороться с каждой набегающей волной, а ведь требовалось огромное напряжение сил и внимание. Волны же напирали на лодку мощно, не давая передышки кормчему. Ясно одно, если он не преодолеет волну, то она преодолеет, захлестнет или перевернет лодку.

По правде сказать, Анастасии везло на встречи со смелыми и умелыми людьми, Петр оказался одним из них. Начальник отделения связи точно подметила, что Петр прекрасно управляет моторной лодкой.

Оставалось плыть менее половины пути. Спокойствие и уверенность Петра передались Анастасии. Она вдруг не стала замечать сильные порывы ветра, хотя брызги воды напоминали о нем, а видела перед собой только темные с белой опушкой волны; наблюдая, как пересекаются эти волны, она уже не чувствовала страха и старалась не думать о худшем, чтобы запастись терпением до конца плавания. Постоянная борьба с набегающими волнами захватила и Анастасию. Эта борьба не прекращалась до самого поселка Сытомино, яростный ветер и грозные волны не отступали от лодки ни на секунду. Уже все небо затянуло черными, плотными тучами; пристань Сытомино

встретила их хмуро и нелюдимо. Бушующий ветер и волны не давали возможности нескольким рыбакам, находящимся у берега, отойти от него. Поэтому рыбаки были удивлены приходу лодки из Лемпино, и, откровенно говоря, не оправдывали такое героическое, по их мнению, плавание.

Анастасия Павловна считала прибытие на пристань удачным и радовалась этому, да еще тому, что их не успел прихватить дождь. Поблагодарив Петра, она попросила его переждать бурю и при возвращении взять с собой пассажира, чтобы не плыть одному. Так и получилось, пассажиры до Лемпино появились с приходом «Метеора». А Анастасия этим же «Метеором» поплыла к дому, надеясь, что через два часа будет в своем городе. Теперь она плыла по реке Обь на вполне комфортабельном судне. Вот когда очень остро ощущается разница в технике. «Метеор» легко и быстро скользил по волнам, волны для него не представляли никакой опасности. Анастасия, находясь в теплом, защищенном от стихии помещении, теперь только улыбалась, наблюдая из окна за бушующей рекой.

Конечно, качка во время бури на реке в «Метеоре» имеется, если к ней прислушиваться. Анастасия не прислушивалась, на нее качка не действовала, ей казалось, что большая скорость судна скрадывает ее. К вечеру она была дома, чему были рады муж, дети и старенькая мать.

«Метеор»

Они и представления не имели, как она добиралась до них. Анастасия тогда никому не рассказала о своем путешествии по реке Обь, родных не хотела тревожить, а знакомым не нашла времени. Как всегда скорей взялась за домашние дела, чтобы успеть подготовиться к работе на следующий день.

Не помнит она, сообщали тогда по радио о ветрах на реке Оби, или они не слышали, поэтому, отплывая с одной реки, не знали, что ожидает их на другой, вспоминала Анастасия. Мне кажется, что в какой-то форме должны быть сигналы-предупреждения о надвигающейся буре на таких опасных реках, как Обь и Иртыш.

Тогда же она говорила, что «не каждому смелому примеру можно подражать. Если есть хоть какая-то возможность не рисковать, то не следует подвергать свою жизнь, а тем более жизнь подчиненных тебе людей, опасности». Но все эти мысли приходят с опытом, то есть после того, как переживешь драматическую реальность.

А рассказываю об этом только для того, чтобы хоть для кого-нибудь предотвратить подобные ситуации. Старайтесь меньше рисковать и помните пословицу: искру туши до пожара, беду отводи до удара.

Когда прожита жизнь, так трудно ее по полочкам разложить. Несмотря на то, что юность, как и детство, пролетает незаметно, вспомним о ней.

ЛЮБВЕОБИЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Чувства юности подобны лету, самому расцвету среди времен года.

Юность, как ты прекрасна, сколько тепла, сколько проснувшейся любви в твоей открытой и чистой душе. Тут же мысли о тебе, не встреченном или не встреченной, о своей половинке, которую желательно найти, чтобы легче и интересней по жизни идти.

Эти чувства очень хорошо отражены в песне:

То ли встречу, то ль не встречу,
то ль найду свою судьбу, то ли нет?
То ли утро, то ли вечер
принесет мне долгожданный ответ?

Припев: Всегда со мной голос твой
 и взгляд задумчивый твой!
 Всегда со мной, ты, любимый мой,
 не встреченный, мой!

Я не скрою всей душою,
я хочу тебя увидеть, найти!
За хорошей за мечтою
никогда я не устану идти!

Припев

Сердце знает, что со мною,
то молчит, а то само запоет!
Не пытайся, не скрывайся
неразгаданное счастье мое!

И снова припев.

Не мной эта песня сочинена, но в ней душа юности отражена.

Кто-то раньше, кто-то позже, но это состояние испытывают все.
В это время, когда в душе возвышенные, благородные чувства любви
ко всему окружающему миру, у девушек к юношам, у юношей к де-
вушкам, защити, прошу тебя, Боже, любвеобильную юность от лжи и
обмана, от дикой грубости и хулигана.

Чистые, светлые, рвущиеся к любви чувства девушек очень утон-
ченные и, мне кажется, сильнее, чем у юношей, значит, и пережива-
ния при неудачной любви гораздо сильнее у девушек.

А девушка – это прежде всего будущая мать, юношам об этом никогда не надо забывать. Чем счастливее юность девушки, тем счастливее семья, тем счастливее будут дети – это явно истина.

Настя находилась в этом добром, любвеобильном состоянии. И это, наверное, было заметно, так как молодые люди радовались общению с ней, а некоторые желали более серьезного чувства. В школе она отвергала любое повышенное внимание к ней мальчишек-одноклассников, да и ее серьезность и строгость многих отталкивала. Будучи студенткой, ей, наоборот, хотелось больше внимания со стороны молодых людей, но все-таки не очень смелого. Природный инстинкт подсказывал – будь осторожной, в этой жизни все возможно; улыбайся и болтай, но близко к себе не допускай, пока не будешь уверена в серьезности намерения.

Такова была Настя, ей, как и всем, хотелось доброго человеческого счастья.

Но в то время она училась в техническом учебном заведении и проходила трудовую практику на производственном предприятии в городе Свердловске (ныне Екатеринбург).

Трудовая практика – это работа на действующем предприятии с тем электрооборудованием, которое изучаешь теоретически. Настя всегда очень серьезно относилась к трудовой практике и практическим занятиям и пришла к выводу, что во время ее учебы их было недостаточно. На практические занятия должно выделяться не менее трети учебного времени, используемого на теоретический материал, особенно на последних двух курсах.

Практика подходила к концу, и прежде чем поехать домой, она решила посетить свою малую родину, по которой успела соскучиться и до которой от Свердловска совсем недалеко. Села в поезд согласно указанному в билете месту и поехала. В этом же вагоне ехали солдаты, отслужившие в Советской Армии. Они ехали по вызову, на строительство горно-обогатительного комбината и будущего города Качканар. Настя же ехала в родной поселок Сахалин, до которого надо было добираться после поезда автобусом и еще пешком километра три, а может, и более.

В плацкартном купе все молодые, настроение прекрасное, разговоры, рассказы о себе, анекдоты, шутки, смех. Один из солдат, его звали Геннадий, писал стихи, несколько стихов прочитал вслух тут же в купе. Стихи Насте понравились, также как и всем остальным, пред-

лагали писать дальше и обязательно о предстоящей стройке. Другие вспоминали стихи любимых поэтов, время шло быстро. Но его оказалось достаточно, чтобы узнать друг друга. Геннадий предложил обменяться адресами и переписываться, Настя согласилась.

Не зная, что ожидает ее завтра, она решила отдохнуть, залезла на свою вторую, боковую полку и уснула. Во сне ее рука выбросилась в проход, Настя проснулась и почувствовала спокойное, бережное, а вернее нежное прикосновение; это был Геннадий, он хотел вернуть руку на полку, но Настя быстро подтянула ее к себе, при этом извинилась за беспокойство. Утром поезд пришел на станцию, где Насте надо было выходить, Геннадий проводил ее.

А далее была переписка и стихи:

Ты ушла, и вагонные двери за тобою закрылись тотчас,
ты тихонько ушла, но себе не поверю, что тебя я не встречу хоть раз.
Ты весною вошла в мое сердце и оставила нежности след.

Я люблю тебя, Настя, и ты мне поверь же, что прекрасней тебя в свете нет... на музыку песни «О геологе».

Приехав в поселок Ниновское, от которого надо было идти пешком четыре километра, Настя решила зайти в магазин, в надежде встретить сахалинских земляков. Ее надежды оправдались. Она очень обрадовалась знакомым ей с детства людям, и они были рады встрече с ней. Все приглашали к себе в дом. «Посмотришь, как мы живем», — говорили они. Оказалось, что колхоз преобразовали в совхоз, и все колхозники получили хорошую денежную компенсацию. Они смогли благоустроить свое жилье, одеться по красивее и даже детям купили велосипеды, чему те были безмерно рады. Знакомые хотели поделиться своей радостью с родителями Насти, зная, что такая новость будет им приятна.

Настя была довольна, что приехала в родной Сахалин и радовалась всем встречам с земляками, ставшими ей родными. Захар, который ранее жил в их семье, теперь пригласил в свою семью, где росли уже трое мальчиков. Медине, его жена, приготовила еду, покушали, поговорили. Захар предложил денег, говоря, что Настя учится, и они ей нужны, а он в большом долгу перед ее родителями. Анастасия денег не взяла, видя такую семью, а согласилась взять продукты на дорогу. Время прошло быстро, надо было возвращаться к родителям, каникулы, как всегда, были очень коротки.

От Геннадия приходили интересные письма и стихи, не отвечать она не могла, но чувства любви не испытывала, о чем говорила в

своих письмах. Через некоторое время он вдруг предложил ей руку и сердце, готовый приехать. Она была удивлена, их знакомство было таким коротким, менее суток. Пришлось отказать, что сделать оказалось труднее, чем познакомиться. Иногда приходится терять связь с интересными для тебя людьми, если они надеются на большее, чем простая дружба.

Студенческие годы – самые богатые на знакомства с молодыми людьми. Теперь Настя возвращалась домой в Алтайский край. Ехала с однокурсницами поездом Москва – Барнаул. Молодые девушки никогда не будут сидеть одни в плацкартном купе, тут как тут молодые солдаты, ехавшие в этом же поезде. Разговоры, шутки, смех.

И вдруг установилась какая-то тишина в вагоне, все посмотрели в проход. В вагон заходили моряки в своей морской форме, в белых рубашках и бескозырках с лентами, они были прекрасны. Входили смело, уверенно, улыбаясь. Все, независимо от роста, казались стройными, подтянутыми, открытыми, как говорят в народе, душа нараспашку. Они шли по проходу в поиске мест, где остановиться, а завладели вниманием всех пассажиров.

Солдат, сидевших до этого в купе с девушками, как ветром сдуло на свои полки, и моряки сразу заняли их места. Девушек поразило такое поведение солдат и явная смелость моряков, подсевших к ним, как ни в чем не бывало, будто давно знакомы. Видимо, для моряков, плавающих по морям, все встречи на суше радость, а их открытость не могла не вызывать доброжелательного к ним отношения. Дорога впереди дальняя, новые знакомства всегда интересны, тем более с моряками, которых девушки видели только в кино, так как жили далеко от морей и океанов. Поэтому все в купе на самом деле обрадовались друг другу.

Но сначала надо было познакомиться в создавшейся неловкой ситуации, моряки заметили, что солдаты уступили им место, это внесло элемент неудобства. Установилась минутная тишина. У одного из моряков оказалась гитара, и он начал потихоньку играть одну, затем другую мелодию, наконец, заиграл знакомую им песню, моряки не удержались и начали подпевать. Тогда он просто спросил, какую песню девушки хотели бы услышать, девушки предложили «Варяга», они спели; затем еще вспомнили знакомые песни и уже пели все вместе; в вагоне никто не возмущался, наоборот, подбадривали поющих.

Так песня, не ведая о том, помогла состояться знакомству: мы узнали, что они отслужили в Советской Армии на морском флоте и

едут в Омскую область, в один из колхозов работать механизаторами; девушки рассказали, что учатся в техникуме, прошли трудовую практику и едут домой. Все стало ясно, молодые люди выбирали свой путь в жизни. Разговаривали уже без всякого отчуждения, по-дружески.

Настя очень любила петь, что иногда получалось у нее неплохо, это заметил Дима. Он предложил спеть вдвоем и нашел знакомую ей песню, дуэт получился прекрасным, захлопали даже в соседних купе. Затем возникла пауза, и Дима запел известную еще тогда не всем, песню «Нежность». Пел он с такой душой, что трудно было поверить, что это поет моряк, привыкший преодолевать бури и штормы, трудности морских походов, от которых он мог бы стать грубым и черствым к людям, а нет, все наоборот. Когда моряки шли по проходу, такие смелые и уверенные в себе, казалось, что они все могут, все им по плечу. А здесь, когда он пел эту песню, не было никакой уверенности, а была какая-то невысказанная грусть и чисто душевная, человеческая нежность – желание любить. И песня, и пение поразили слушателей, после возникшей паузы все от души стали ему хлопать. Тихо пригласив Настю выйти, Дима вышел из купе. Он надеялся, что Настя пойдет за ним. Душа ее в этот момент была рядом с ним, но она чего-то устыдилась. Настя продолжала петь, разговаривать с подругами и оставшимися моряками. Дима отсутствовал, как показалось Насте, очень долго. Она не выдержала, прошла по проходу и заметила Диму, молчаливо сидевшего в другом купе. Успокоившись, она вернулась в свое купе.

Дима же вернулся, когда стали подъезжать к городу Омску, подсел к Насте и с сожалением, как ей показалось, сказал: «Скоро нам выходить». Затем предложил переписываться. Обменявшись адресами, они расстались. Все как-то быстро, мимолетно, но след в душе остался. Насте на самом деле он понравился. Ей казалось, что в нем было все: и рост, и фигура, и серые задумчивые глаза, и душевный голос, а значит и душа, умение играть на гитаре и петь, при этом он проявлял явную симпатию к ней. Невозможно было остаться безразличной к такому молодому человеку. Они стали переписываться. Насте оставалось учиться еще полгода, а затем можно будет взять направление на работу в город Омск, и кто знает, возможно, образуется семья. Таковы пришли первые мысли, но уверенности не было.

Все шло по-задуманному – Настя защитилась на отлично, при распределении мест для работы по специальности попросила направ-

ление в город Омск. Но в Новосибирске она встречалась уже два года с другим молодым человеком, который ей также нравился, хотя ясности в этих встречах не было, а теперь она должна уехать в другой город? Все эти, относящиеся к любви, вопросы встали перед ней.

Направление в город Омск получила и одна из ее однокурсниц, Зина Осетрова. Быстро закончился положенный после получения диплома месяц отдыха, и они приехали на место работы. Их разместили в одной из снятых предприятием связи квартир; мест в общежитии не оказалось.

По приезде в Омск, Дима встретил Настю радостно, но в ее настроении что-то резко изменилось. Чувство к молодому человеку, оставшемуся в Новосибирске, видимо, было сильнее. Она стала строгой, серьезной, не очень разговорчивой, как-то не находила темы для разговора, стеснялась, когда сидели близко в кино или он брал ее руки в свои, боялась приходить на встречи одна, а только с Зиной. Ему явно это не нравилось и он, выбрав момент, спросил: «Когда мы сможем встречаться вдвоем, без твоей подруги»? Настя ответила: «Не знаю», — а глаза ее говорили: «Я боюсь тебя, вдруг ты хочешь со мной поиграться, я к этому не готова». Но он этого не прочел, а может, не понял, а может, не хотел понять? Настя же дала себе слово, что выйдет замуж только девушкой, и боялась даже какой-нибудь случайности. Поэтому была осторожна и старалась не уединяться при встречах с тем молодым человеком, который остался в Новосибирске, а тем более с моряком, которого, не зная совсем, посчитала почему-то очень смелым в отношениях с девушками.

Теперь симпатичный моряк казался ей опасным для девичьей чести. Она вдруг решила про себя, что он парень на все сто процентов, сильный, красивый, а она простая девчонка, а вернее, как в песне поется: «Не скажу, что я красива, просто симпатичная», — как большинство молодых девчат. Насте пришли мысли, что он может найти себе красивее. А больше всего, наверное, боялась, что не сможет устоять перед ним как девушка. Эти сомнения не давали ей покоя и, конечно, мешали развитию чувства любви.

Из опыта жизни могу сказать, что никогда не надо себя принижать. Всегда найдутся в чем-то лучше тебя и в чем-то хуже тебя, и это естественно. В свое лучшее и надо верить, тогда все будет хорошо. Молодость сама по себе украшает всех без исключения. То, что вы молоды, уже прекрасно!

Меньше сомневайтесь в себе, так как, может, ваша пара и есть самая лучшая. Если нравится молодой человек, попытайтесь узнать его отношение к вам, а только потом принимайте решение об окончании дружбы. Настя этого не сделала, она ориентировалась только на свои мысли и свои сомнения, даже не поинтересовавшись мнением Димы. Ее недоверие к нему, возможно, оскорбляло Диму, он также имел свое достоинство; у него появились сомнения в отношении симпатии Насти к нему, и их пути разошлись. Дружба себя исчерпала, а любви не получилось.

Разные бывают молодые ребята, один, когда Настя еще на первом курсе училась, два раза до дому проводил, а на третий раз решил, что все уже ясно, они будут вместе. Играя в лотерею, он выиграл стиральную машину, так сразу заявил: «Нам пригодится стиральная машина, правда, тебе какое облегчение будет!». И продолжал: «У нас будет хорошая семья!» При этом смело желал обниматься и целоваться, к чему Настя была не готова. Вольности по отношению к себе до свадьбы она старалась не допускать. Быстрые объятия и поцелуи показались ей неприятными, а решение о создании семьи скороспелым, тем более, что его не интересовало ее мнение, он решал за двоих.

Думаю, что многие девушки часто не знают, что лучше: сразу услышать признание и твердое решение о создании семьи или все-таки прежде узнать получше друг друга.

Хотелось, чтобы все было по уму, по любви, без спешки: познакомиться, погулять и чтобы не тронули до замужества. А если кажется, что друг без друга трудно жить и хочется полной близости, то, значит, пришло время создавать семью. Семья – итог любви и только так, и не иначе.

Тогда они также расстались, она не разрешила себя провожать, и этого оказалось достаточно.

А может, не судьба была связать свою жизнь с первыми встречными, не судьба, хотя в жизни, при таком огромном многообразии индивидуальностей, все возможно. А про судьбу поведаст следующий рассказ.

СУДЬБА

Обычный морозный день зимы, да нет, не совсем обычный, а 31 декабря 1958 года. Неумолимо приближается невидимая грань конца одного и начала другого года, проводы и встреча происходят одновременно – за одним праздничным столом, и грустно, и радостно. Все что было в старом году, ушло в прошлое, а что принесет Новый год – неизвестно – нейтральная полоса, так сказать. Тогда, может и следует остановиться, осмыслить прошедшее, чтобы не повторить ошибок и лучше подготовить себя к наступающему Новому году? Как все строго и серьезно, а ведь перед нами молодые девушки, вступающие в новую для них жизнь студенчества. Прошедший год был необычный, девушки успешно окончили среднюю школу и решили учиться дальше, чтобы приобрести специальность. Для этого приехали в Новосибирск, большой и красивый город, успешно сдали экзамены и поступили в электротехникум связи, где и начали учиться по выбранной специальности. Впервые они оказались далеко от дома, от родителей и стали совершенно самостоятельными.

Осмысление своих действий придет в будущем, хотя лучше это делать по всему жизненному пути, так как уж больно короткий этот путь для человека. Но мы говорим о конкретном времени. В настоящем им хотелось учиться: познавать открытия человеческого разума для улучшения жизни на земле, а прежде всего получения специальности для реальной занятости и материального обеспечения. Сегодня же они желали одного – как можно интересней встретить Новый год, не исключая природный инстинкт молодости – быть среди равных по возрасту и найти любовь.

Решили пойти в театр оперы и балета, где шло новогоднее представление. Студентки оделись по-праздничному, посещение театра всегда остается праздником. Была зима, и девушки, как и вся молодежь, ходили по городу в зимних теплых сапогах, в которых не принято было ходить в театре, поэтому взяли с собой туфли. В театре, в туалетной комнате, спокойно переобулись в туфли, легкую и приятную обувь, а зимнюю одежду и сапоги сдали в гардероб. В гардеробе работали пожилые и очень интеллигентные люди, видимо, из «раскулаченных». Все, что касалось театра, они с удовольствием поясняли и объясняли молодежи, относясь к ней с уважением, и девушкам нравилось с ними разговаривать.

Праздничная одежда, любимая прическа, легкая обувь, а также просторные залы и внутреннее величие театра создавали прекрасное, возвышенно-радостное настроение. Довольные, что пришли в театр, девушки улыбались. Их не волновало, что купленные ими билеты были самыми дешевыми, а места находились на третьем ярусе, так называемой, студенческой галерке.

Студентам, выросшим в сельской местности, нравилось, что город Новосибирск богат театрами. Первое место занимал Большой театр оперы и балета, где показывали оперы, отражающие торжество и трагедии какого-либо исторического момента, соответственно демонстрировались яркие костюмы того времени и чудесные балеты, раскрывающие тайну человеческих чувств через музыку и красоту движений человеческого тела.

Более скромные по отделке здания представляли драматический театр, где ставились все жизненно важные пьесы и театр юного зрителя, где показывали интересные молодежные спектакли, очень актуальные. Театр юного зрителя всегда был переполнен студентами и молодежью города, здание казалось очень тесным и требовало замены.

Во время их учебы построили новое красивое здание театра оперетты. Оперетта для Насти казалась божественной – волнующая музыка, песни, танцы, все то, что в основном любят молодые девушки.

Все театры всегда были переполнены зрителями.

Новогоднее представление в театре оперы и балета, которое смотрели девушки, было интересным, но коротким и закончилось ранее одиннадцати часов. Они поехали домой, так как гулять по большому, многолюдному городу еще остерегались. Проезжая мимо здания Новосибирского электротехнического института связи, где был и их техникум, заметили огонь в актовом зале. Всего два дня назад в этом же зале они, как и другие студенты электротехникума связи, весело отпраздновали встречу нового года. Девушки вдруг вспомнили, что сегодня новогодний праздник проводится для студентов института. Они вдруг решили попасть на этот вечер и на остановке вышли из автобуса. Через вход института пройти не удалось, пропускали только по пригласительным. Девушки попытались пройти через вход техникума, здесь их свободно пропустили. Все кабинеты и раздевалки были закрыты, чему они не удивились, так как шел двенадцатый час ночи. Пройдя на третий этаж, где оставался проход из электротехникума связи в институт, остановились. Коридор был перекрыт шкафами, но

они не закрывали проход полностью, между ними вполне можно было пролезть, что девушки и сделали. Оставив верхнюю одежду и сапоги в шкафах, они переобулись в туфли и прошмыгнули в зал.

Новогодний вечер был в разгаре. Ярко освещенный зал заполнили улыбающиеся молодые пары, танцующие под музыку вокруг нарядной елки. Девушки растерялись. Казалось, что здесь все знали друг друга, а они явились как незваные гости. Они почувствовали себя неловко, и прижались к стенке четыре студентки; думая, что посмотрят немного, а там видно будет, уйти недолго. Осмотревшись, поняли, что праздничное настроение присутствующих в зале создает положительную ауру для всех, и они успокоились. Стали прислушиваться к музыке, чтобы определиться, когда лучше включиться в танец.

И тут как-то неожиданно подошел молодой человек с большой кудрявой шевелюрой, черноглазый, симпатичный и пригласил Настю танцевать.

Впоследствии он рассказывал, что, заметив девушек, удивился, что они стояли, выстроившись по росту, и подумал: «Первая высокая для него, последняя мала, из двух одинаковых по росту лучшей показалась русоволосая и голубоглазая».

Начали танцевать, он вдруг извинился, что выпил стакан красного вина, мол, с ребятами в честь нового года. Настя сказала, что в праздник можно выпить, но не напиваться так, чтобы не помнить себя и где ты находишься; лучше выпивать в меру, определяемую своим поведением и твердостью ног. А он продолжал: «Я вообще-то и водки могу выпить». Настя тихо заметила, что боится пьяных, совершенно не представляет, как себя с ними вести и что в доме родителей пьяниц и пьянок не видела. Затем говорили на другие темы, но Настя все-таки еще раз произнесла, что боится пьяниц и грубости, все остальное в жизни ей не страшно. Валентин, так звали молодого студента, стал приглашать ее танцевать еще и еще раз. Он вдруг поведал, что сегодня дежурный и должен остаться до конца вечера, но может с кем-нибудь договориться, и тогда сможет проводить ее до дома, если она не возражает. Ей понравилась его откровенность, но насчет проводов сказала: «Может, в другой раз?». Настя ушла домой с подругами, с которыми вместе пришла.

Прошли дни встречи Нового года и начались трудовые, учебные будни. Валентин и Настя встретились случайно, в столовой, узнали друг друга и, как старые знакомые, договорились о встрече в воскре-

сенье. Наступило первое, после договоренности, воскресенье. Валентин зашел за Настей на квартиру, она быстро оделась, и они вышли на широкую улицу имени Кирова, с обеих сторон которой росли молодые деревца.

Никогда не знавшие друг друга и так неожиданно познакомившиеся, они не сразу начали разговор, а просто шли рядом.

О том, как попала на новогодний вечер, Настя почему-то не осмелилась рассказать в первую встречу, а сделала это гораздо позднее. Валентин заметил, что молодые тополя на этой улице сажали солдаты прошедшей весной. Тополя хорошо прижились и уже летом украсили улицу, следующей весной снова можно будет любоваться на них. Затем они поведали друг другу о том, откуда и как попали в город Новосибирск. Оказалось, что выросли они в лесных поселках, недалеко друг от друга, что их сразу сблизило; оба с большой любовью относились к природе, чувствовали ее силу и красоту, о ней могли говорить очень много и красочно. Не спеша, шли они по улице неведомого для них города, который также хотелось узнать. Валентин учился второй год и рассказал Насте то, что уже знал о городе. Настя же призналась, что в городе для нее все ново и незнакомо. Тогда Валентин заявил: «Значит, вместе будем узнавать и осваивать его», — чему впоследствии и посвятили свободное от учебы время, в основном это было воскресенье.

Выросшим в деревне среди природы молодым студентам было интересно все: театры, кинотеатры, библиотеки, парки. Им очень хотелось узнать что-нибудь новое для себя об известных художниках, (Валентин любил и умел рисовать); о музыке, Настя очень любила петь; об ученых, которых они изучали; о поэтах, которых любили. У Валентина любимым поэтом был М. Ю. Лермонтов, его, скромный по оформлению, томик с институтских дней хранится у него в книжном шкафу. Настя не выделяла поэтов, ей нравились все, но удивляло, что каждый поэт, говоря об одном и том же, например, о весне, находил свои слова.

Многие предметы для изучения в техникуме и институте были одинаковыми, и они рассказывали друг другу, как их понимали.

Молодые люди не стремились к близости, им нравилось проводить время вместе, познавая все то интересное, что находили в городе. Они делились друг с другом своими мыслями по той или иной теме, впечатлениями о жизни в городе и удивительно, что многие мысли совпадали, во всяком случае, не было тем, где бы они возражали друг дру-

гу, а были они тогда искренни и откровенны. Чаще всего любили ходить в кино, тем более, что кинотеатров в Новосибирске было достаточно. За время их учебы построили новый современный кинотеатр имени Маяковского. В нем впервые открыли буфет, чему студенты очень обрадовались; кроме этого, перед кино в фойе можно было послушать музыку, посмотреть художественную выставку или небольшой самодеятельный концерт. Это было новым и приятным для молодежи.

Время шло быстро, подошли экзамены, было не до встреч, затем каникулы, они разъехались, каждый к своему родному очагу — дому. На Настю встречи с Валентином произвели большое впечатление, она надеялась получить письмо в летние каникулы, но письмо не пришло.

Начался новый учебный год. Снова они встретились случайно и решили продолжать дружбу. За прошедший год повзрослели, Валентин стал чаще брать Настю под руку, иногда они ходили, взявшись за руки. А Настя оценивала каждое движение с точки зрения того, удобно это или нет. Решила, что под руку можно ходить, за руки взявшись тоже, хотя про себя стеснялась, когда он брал ее руку. Прошло еще полгода, стали встречаться чаще и дольше по времени, труднее стало расставаться и начали вдруг целоваться, но поцелуи были кратки, а при разлуке очень сладки, разум подсказывал, что дольше не надо.

Встречи продолжались, но встречались больше на людях: в кино, театрах, библиотеках — читальных залах, где вместе просматривали выпускаемые тогда журналы, так как выписывать журналы материальной возможности не было ни у него, ни у Насти. Газеты почему-то не интересовали их тогда. Реже бывали в парках и на танцах. «На танцах было веселее, но и труднее, — рассказывала она, — так как природный инстинкт брал свое и следовало остерегаться случайной или даже желаемой близости». Валентин стал стремиться к уединению, Настя разными путями отводила его, о создании семьи речи не было.

Она до Валентина ни с кем не встречалась, считая, что в школе надо учиться, а не влюбляться. Не давала никому никакого повода для ухаживания, а очень настойчивых обрывала, иногда, как ей казалось, даже грубо, о чем сожалела, так как сама грубости не принимала ни от кого. Когда время подошло к окончанию школы, задумалась, ей нравились голубоглазые. Они также симпатизировали ей, один стеснялся своего чувства не менее, чем она, а второй, наоборот, был очень навязчив, что не нравилось Насте. При выходе из класса станет в дверях и не пускает к выходу, но серьезность и строгость Насти заставляли его

отступать. При походах классом на лыжах был всегда рядом, готовый помочь при подъеме на гору или спуске. Настя же сердилась на такую опеку и, наоборот, старалась доказать себе, а также ему свою самостоятельность. Он был из другого населенного пункта и жил в интернате. На выпускном вечере они расстались навсегда.

Затем она решила и техникум закончить, только потом начать дружить с ребятами, но встреча с Валентином изменила все, с ним было хорошо, интересно и спокойно.

А когда стало трудно расставаться, хотелось быть больше вместе и ближе друг к другу, значит пришла время быть вместе, так считала Настя.

Но Валентин не затрагивал тему создания семьи. Он был беден, учился на одну стипендию, изредка старший брат отправлял пятнадцать рублей. У него даже не было зимнего пальто, зимой он ходил в солдатской шинели, в которой его отец пришел с фронта после тяжелого ранения. С Валентином вместе учился его двоюродный брат Николай, очень красивый молодой человек, которому также приходилось жить на одну стипендию. У них на двоих был один старенький пиджак, в котором они по очереди посещали танцы. Видимо, поэтому Валентин не мог понять, как в такой ситуации можно создать семью. У Насти материальное положение было не намного лучше.

Она не меняла своего поведения, тем более, что ей оставалось учиться полгода, уже шла подготовка к защите дипломной работы. Защитилась на отлично, сделанный ею электрический автостоп сработал четко. Автостоп давал возможность из центрального (городского) телеграфа включать и выключать телеграфные аппараты в сельских населенных пунктах после передачи информации. Автостоп способствовал повышению производительности труда, так как не надо было держать телеграфиста круглосуточно в сельских поселках с небольшим объемом работ.

Валентин пришел с подарком в день защиты и поздравил ее с отличным завершением учебы.

Настя взяла направление в Омск и уехала. Валентин заканчивал четвертый курс, они стали переписываться. Настя всегда ждала от него писем с большим нетерпением, даже если ее провожал другой молодой человек, она, проходя мимо почтамта, просила подождать подошла к окну «До востребования» и проверяла, нет ли писем. Встречи с другими молодыми людьми не получались, она любила одного.

И Валентин попросился на практику в город Омск. К нему вдруг пришла мысль, что он может потерять Настю навсегда. Поэтому, при-

ехав и найдя ее, сразу заговорил о том, что им пора быть вместе. Настя согласилась, решили попросить разрешения на свадьбу у родителей, написав им письма, а потом назначить дату свадьбы. Валентин стал искать комнату в частном доме, где бы они могли жить. Вскоре получили разрешение от родителей, а также небольшую материальную помощь на свадьбу.

Тогда согласно времени регистрации в загсе (давали две недели для раздумий) назначили день свадьбы.

Черноглазый Валеk, так называла его Настя; мать у него была русская, а отец чистокровный манси, он больше походил на отца. Так, вместо голубоглазого и сероглазого оказался ближе всех черноглазый, и все только из-за его открытости, скромности по отношению к ней, не навязчивой, но заметной нежности и внимательности. Она была уверена, что с ним до свадьбы останется девственной, а это для нее было главным в любви.

Ей хотелось, чтобы то таинственное и неизвестное для нее, что должно произойти в результате их любви, случилось впервые для него, и для нее, и только после свадьбы, после того как они станут законными мужем и женой. А пока они, уже как влюбленные, осваивали город Омск, благо зеленых скверов там хватало на всех, а театров и кинотеатров было гораздо меньше, чем в Новосибирске. Только это их не смущало, стояло лето, и им нравилось проводить время на природе; да и денег у них не было ходить в театр, так как готовились к свадьбе.

Время шло, до свадьбы оставалась одна неделя. Вдруг Валентин получает из института санаторную путевку в город Железноводск, для лечения желудка. Как оказалось, у него из-за плохого питания и чрезмерного занятия подъемом штанги появилась язва желудка. Настя знала о его болезни, и это ее не удивило, она приняла его болезнь и надеялась, что он вылечится.

С одной стороны, путевка обрадовала обоих, лечиться надо, а с другой стороны — она появилась в такой неподходящий момент. Через три дня после свадьбы он должен уехать на курорт лечиться. Настя не была никогда на курортах, знала только, что там лечатся, а с другой стороны, слышала много разных сплетен по поводу поведения мужчин и женщин на курортах. Поэтому растерялась, а вдруг на курорте он встретит другую девушку? Валентина тоже огорчала разлука, но он убеждал ее, что время пройдет быстро и они снова будут вместе, но уже как муж и жена, и он будет помнить, что его ждет жена! Обещал также часто писать.

*Настя с собранным ею электрическим
автостопом*

Свадьба состоялась в намеченный срок. Настина мама приехала перед самой свадьбой, она привезла ей свадебное платье из розового батиста, оно было прекрасно. Отец всегда умел выбирать самый красивый материал на платья, причем не дорогой. Свадьба проходила в общегиттии. На свадьбе Настина мама впервые познакомилась со своим зятем. Она не поделилась своим мнением о нем, видимо, выбор дочери не совсем пришелся по душе матери. Со стороны Валентина пришли на свадьбу его брат Николай и двоюродная сестра Светлана.

По доброй примете на будущее, как говорят в народе, произошло следующее: Николай и Светлана купили в подарок чайный сервиз. Николай решил преподнести его на подносе, подавая Валентину, он случайно наклонил поднос, и чайный сервиз легко скатился с подноса на пол; собирать его пришлось только для того, чтобы выбросить в мусорный ящик. Николай очень расстроился, потому что брали подарок на последние деньги. Насте с Валентином осталось только улыбнуться, сожаления не было, так как еще не было радости от его использования. Николай же, когда приходил в гости, пил из того, что было в семье, на новый сервиз тогда денег не было.

Свадьба прошла спокойно: шуточные и серьезные поздравления, добрые и мудрые пожелания, совместные песни и пляски и дух праздника, уже семейного праздника, так как свидетельство о регистрации их брака они получили перед свадьбой.

Наступал момент ухода жениха и невесты в снятую и обустроенную ими для совместного проживания комнату. Настя немного нервничала, неизвестность влекла и пугала. Она читала и слышала о брачной ночи только хорошее, но представления не имела, а тут еще предстоящий отъезд мужа не давал покоя, может лучше остаться в общежитии до его приезда? Но они уже были мужем и женой, и решение надо принимать вместе. Валентин не согласился с ее предложением, а спокойно и внушительно напомнил о доверии друг другу в семье.

Кроме этого, Настя еще была дитя природы, в полном смысле этого слова. Она ничего не знала об интимной близости между девушкой и парнем, сама никогда не говорила на эту тему с подругами, возможно поэтому они при ней тоже не говорили на эту тему. В книгах об этом не писали, не принято было и, как выяснилось в дальнейшем, такое решение было верным. Но все-таки для вступающих в брак необходимы лекции врачей-специалистов: о медицинских правилах интимной жизни и уважительном отношении друг к другу.

А тогда думалось просто: птицам и животным никто ничего не рассказывает, а действует только природный инстинкт, и они продолжают свой род. На природный инстинкт надеялась и Настя, и еще ей хотелось остаться прежней, пока муж не вернется с курорта.

Конечно, она не знала, как это сделать, оставалось надеяться на природный ум, склонности и чувства, которые появятся в данной ситуации. Все эти мысли промелькнули в ее голове, пока ехали в автобусе до своего первого совместного жилища, небольшой, но отдельной от жилья хозяев комнаты, которая их ждала.

Светлая чистая комната, казалось, благоухала любовью и шептала чудные слова. Они были муж и жена, это их первая комната, где они вдвоем, и первая встреча для полной близости. Любовь, законность и свобода здесь воедино все слилось, и в сердце радостью отозвалось. Да, сердце ликовало, что было в их душе и мыслях теперь настало. «Нет слов, — вспоминала Настя позднее, — мы могли обниматься, целоваться и от этой свободной близости нам было очень хорошо!»

Муж уехал на курорт, Настя продолжала работать, ходила с подругами в кино; на танцы уже не ходила, ждала писем, которые получала каждую неделю. А время шло, наконец Валентин приехал, они были снова вместе, чувства друг к другу не изменились, и они стали жить,

как подсказало природное чувство. Через десять месяцев у них родилась прекрасная дочь, чему они были очень рады, и что еще больше укрепило семью.

Она тогда еще в одном откровенно призналась, что, несмотря на то, что Валентин ей нравился, она не очень хотела выходить замуж. Ее интересовало научно-техническое совершенствование своей отрасли, научно-исследовательская работа, в которую она желала окунуться полностью, с головой. А когда родилась дочь, то она была благодарна Богу за все – и за то, что вышла замуж и за то, что стала матерью.

Дочь, милая и родная, затмила все вокруг, к чувству нежной любви прибавилась ответственность за появившееся живое существо и радость совместной жизни. Вот, оказывается, в чем семейное счастье, общее родное дитя возвышает семью и является живым стимулом для хороших семейных отношений. Все эти чувства поддерживал друг – отец ее дочери и супруг. Он и только он скрепляет семейный круг.

Все увлечения Насти закончились чистой и единственной любовью, а главное, семьей – спокойной, тихой, скромной, любящей и радующейся всему хорошему, что появлялось в их жизни. Нешумно протекала их жизнь, нешумно, они не мешали жить другим, и им не мешали.

Теперь у них была полная семья. Жили дружно, для ссор не было причин, встречающиеся неудобства или материальные трудности воспринимались как временные и незначимые. Они уважали и любили друг друга. Кто раньше приходил с работы, тот и забирал дочь из садика. Затем муж гулял с дочерью на улице, если хорошая погода, а Настя готовила ужин, или муж шел в магазин за продуктами, а Настя гуляла с дочерью, или все вместе шли в магазин за продуктами и т.д. Поужинав, определяли, какие накопились семейные дела, и делили их, чтобы быстрее сделать и побыть всем вместе, и вдвоем.

Редкие выпивки на работе она сразу пресекла, сказав, что пьяному в семье делать нечего; завел семью – откажись от выпивок в будние дни, отведи на это праздничные, но и тогда знай меру, чтобы у детей не потерять в себя веру. Валентину не надо было это повторять, он и сам умел трезво рассуждать. Объяснившись один раз, к такому разговору более не возвращались и трезвою семьей остались.

Часто в воскресенье ходили в парк, где Валентин играл в шахматы, которые очень любит, а Настя с дочкой, а несколько позднее, с двумя дочками, осваивали все аттракционы парка культуры и отдыха. Домой приходили вместе. И только после того, когда дочь подросла,

Настя вспомнила о просьбе отца – о продолжении учебы. Пока мать была жива и могла помочь, надо было учиться, муж не возражал. Настя поступила в институт.

Кому-то может показаться, что уж слишком все правильно, так почему-то в переходный период говорили в средствах массовой информации о поведении молодых людей в прошедшее советское время. Настя на это ответила так: «Я не знаю, правильно или неправильно, судить не мне, но твердо знаю, что я была сама собой, думаю, и Валентин также, и это самое главное».

Их семейная жизнь протекала мирно, но и для них не лишним был хороший пример семейной жизни другой молодой семьи, о чем и будет следующий рассказ.

ПРИМЕР ДЛЯ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

«Не знаю, так воспитали нас или это в генах, но всегда была готова помочь и помогала старым людям, слабым и детям, которые уже не могут или не умеют делать то, чему сама научилась. Также помогала ученикам, отстающим в учебе, а позднее студентам, если чувствовала, что помощь необходима, а тем более, когда об этом просят», - вспоминала Настя.

В данном случае попросили. А дело было так: во время учебы в электротехникуме связи в группе Насти училась красивая девушка Лида Петрова. Лида встретила молодого юношу, тогда служившего во внутренних войсках и часто патрулировавшего улицы города Новосибирска. Они полюбили друг друга и поженились. Лиде же предстояло продолжать учебу. На последнем курсе у нее родился сын, и произошло это перед выпускными государственными экзаменами. Она и попросила Настю помочь ей подготовиться к предстоящим экзаменам, так как хорошо знала, что Настя была одной из лучших по учебе студенток и ее портрет украшал Доску почета. Но дело не в этом, Настя в любом случае отказать не смогла бы. В связи с тем, что ребенок был

грудной, Насте приходилось ходить к Лиде домой, чтобы заниматься с подругой. Так, неожиданно для себя она соприкоснулась с жизнью молодой семьи, твердо понимая свою роль и не вмешиваясь никоим образом в отношения супругов, даже избегая лишних встреч с ее мужем. Приходила всегда только убедившись, что Лида дома.

Настина мама считала большим грехом разбить чью-либо семью и внушила дочери, чтобы никогда не давала повода увлечения собой мужчине, имеющему семью.

Муж Лиды оказался единственным сыном в семье отца – профессора и матери – кандидата наук, но не был разболтанным и лентяем. Он очень серьезно относился к семейной жизни и помогал Лиде во всех семейных делах: стирал пеленки, мыл полы, готовил еду; он очень хотел, чтобы жена закончила техникум. Все это было на глазах у Насти. Их семейные отношения иногда даже удивляли, но всегда радовали.

Лида занималась серьезно, сдала экзамены и успешно защитила дипломную работу, но дружба Насти с этой семьей сохранилась. Она познакомила Валентина с молодой семьей, и он убедился, что молодой муж и отец, звали его Юрием, помогал во всех семейных делах своей жене не только когда она училась, а и после этого, когда Лида начала работать.

Юрий говорил по этому поводу: «Сделав семейные дела сообща, у нас остается больше времени побыть друг с другом: почитать, погулять, посетить театры, кино и даже просто посидеть рядом на диване и посмотреть телевизор. Если же я буду лежать и ждать, когда Лида выполнит необходимую семейную работу, то нам не останется времени побыть всей семьей вместе, а также вдвоем, как при первых встречах». Все ясно, просто и понятно, и Настя с Валентином приняли этот пример для своей семейной жизни, чему удивлялась его мама, Настина мама принимала, как должное.

Так, случайная необходимость в оказании помощи вернулась отличным примером для будущего Насти и оказала большое положительное влияние на семейные отношения в ее семье. Ей с мужем не надо было спорить друг с другом, кто и что должен делать. Они понимали друг друга часто даже без слов, а тем более скандалов. К тому же в их семье присутствовала внутренняя обоюдная ответственность за все семейные дела. Почему внутренняя? А потому что об этом никогда не говорили, это было само собой.

Они не видели недостатки друг друга, а радовались достоинствам, и недостатки исчезали.

Семья – начало всех начал и главный человеческий причал.

Жена, муж, дети, что может быть приятнее на свете.

Как сказано в русской пословице: если вся семья вместе, то и душа на месте. Пусть будет так и не иначе, еще немного обозначим.

Семья, какое простое и одновременно значимое слово.

Семь «я», семь индивидуальностей в одном доме, под одной крышей или в одной квартире. Это, видимо, оптимальный вариант, а семья сегодня часто состоит из трех, четырех, реже пяти, шести человек и совсем редко семи.

Для Насти семья – это одно целое, и сколько бы не было в ней человек, каждый из них должен работать на свою семью. Это, прежде всего, нести в нее радость, а если печаль, то только для того, чтобы от нее избавиться общими усилиями.

Думается, что в семье нет необходимости придираться друг к другу, в семье ищут способы дополнения друг друга, а если необходимо, исправления себя для спокойного семейного проживания.

Так вместо упреков, что делаешь не так, сказать, что это мы сделаем вот так и вместе; или переключиться на другое дело, сказав, что это я доделаю сам или сама.

Вместо того, чтобы сердиться, мол, медленно чистишь картошку? Сесть рядом и помочь немножко, да еще с шуткой, прибауткой или рассказать интересную историю. Так поступал зять, встречаясь с дочкой.

И самое главное – не разрешать себе в своей семье грубить друг другу, ни при каких условиях, а тем более сквернословить.

Не вносите этот мусор, особенно матерщину в свой дом, в свою семью. Вы сразу почувствуете уют и теплоту дома.

По истечении времени и в семье Насти появились ссоры; на брошенные ей упрёки она реагировала молча, и муж её понял. «После грубости, брошенной тебе, моей жене, мне стих пришел в тревожном сне», - промолвил Валентин и прочитал, что вещий сон ему сказал:

Было небо страшно хмуро,

И на сердце – тяжесть туч...

Вдруг сказал тебе я «дура»

И услышал стон: – «не мучь».

Словно раненая птица,

Пала комом на лету.

Я подумал: «Может, снится,
Может, чудится в бреду?»
Нет, все явно, мы на кухне,
Стол и стулья, и плита.
И твой взгляд безмолвный тухнет
И меж нами – пустота.
Пропасть вдруг легла меж нами.
От чего, зачем она,
Чтобы стали мы врагами,
Чтоб смеялся сатана?
О, как жалки люди в гневе,
Как их злоба унижает!
Зачем в этот грех порою
Сердце доброе впадает?
Стыд пронзил меня мгновенно
Тысячами стрел укора,
Дал тогда себе я клятву
Искупить вину позора, –
Чтобы женщине любимой
Скверных слов вовек не слышать,
Чтобы радости узоры
В ее сердце лаской вышить.
Чтоб любить так, как невесту,
Чисто трепетно и нежно,
Тогда счастье земное
Рядом будет неизбежно.*

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

О любви поведали, расскажем и о бытовой части студенческой жизни.

Несколько слов о том, почему девушки со станции Тягун поступили учиться в техникум, а не в институт?

* – слова В. Молоткова

После окончания школы-десятилетки в 1958 году собрались девушки в город Новосибирск поступать в высшие учебные заведения. А тут вдруг вышло Постановление Правительства СССР о том, что в высшие учебные заведения будут приниматься только те, кто имеет трудовой стаж в два года после окончания школы, а также выпускники с золотой и серебряной медалями. Трудового стажа девушки не имели, не имели и медалей, хотя аттестаты зрелости получили без троек. От поступления в высшие учебные заведения пришлось отказаться, но, как оказалось, это было неверное решение. Многие выпускники школ, не прошедшие по конкурсу в институт, принимались в техникумы без конкурса по тем же документам и оценкам, которые они получили при сдаче экзаменов в институт. Поэтому все могли рискнуть и попытаться сдавать экзамены в институт, но девушки побоялись рисковать.

Им хотелось быстрее получить специальность, тем более, что у Насти родители были старыми, и отец даже сказал ей: «Поступай в техникум, у меня, может, не хватит здоровья учить тебя пять лет, но прошу тебя, получи все-таки высшее образование, я бы этого очень хотел».

Одна из подруг также уговаривала поступать в техникум. Это Путинцева Галина, ее отец работал начальником узла связи на железнодорожной станции и настаивал, чтобы дочь пошла по его стопам, что она впоследствии с честью выполнила. Настя тогда не представляла, что это за специальность, она мечтала о получении специальности агронома хотя бы в сельскохозяйственном техникуме, но там не оказалось мест в связи с тем, что принимали тех, кто не прошел по конкурсу в институт. Тогда она решила поступать вместе с одноклассниками в электротехникум связи. Большое количество желающих поступить в него ее удивило и успокоило, значит, и она сможет справиться не хуже других с этой специальностью. Сдала экзамены с одной четверкой, остальные пятерки, и была принята. Ее три подруги также неплохо сдали экзамены, и все были приняты, но на разные специальности.

Учителя школы впоследствии упрекали своих учениц, что они не попытались поступать сразу в институт, но дело было сделано и, откровенно говоря, они были рады. Возможно, радовались всему новому, но приятно навалившемся на них, молодежному, студенческому настроению, общей одухотворенности в стремлении получить знания, которые считали необходимыми для своего будущего.

Поступив в электротехникум связи, они все четверо сняли комнату в частном доме; складываясь в общую кассу, вместе питались, еду готовили по очереди. В снятой ими комнате была отдельная печь, которую топили углем. Уголь давала хозяйка по норме и, как им казалось, недостаточно, так как зимой промерзали углы. Об этом, видимо, догадывался ее муж. Так, когда жена уходила из дома, он подходил к двери студенток и говорил: «Девчонки, идите скорее за углем, подтопите свою печь». Девушки удивлялись, но быстро исполняли его разрешение.

Хозяйка была строгая, полдвенадцатого ночи выкручивала пробки-предохранители, и света в доме не было; думая, что свет отключили из-за какого-либо повреждения, все ложились спать. Только со временем поняли, что свет отключала хозяйка; были и другие моменты, когда она старалась пошуметь на молодых девчат, что явно было им на пользу. В основном все-таки жили дружно и полностью доверяли друг другу, студенты хозяйке, а хозяйка студентам, правда, это выяснилось при расставании.

Девушки учились серьезно и успешно, но также успевали побывать в театрах, в кино, на вечерах в учебных заведениях, принимали участие в подготовке праздничных концертов. Зимой любили ходить на лыжах. В связи с этим вспоминается один эпизод.

Собрались девушки в одно из воскресений поехать на лыжную базу, чтобы взять лыжи и покататься в лесу по всегда готовой лыжне. Спортивные костюмы подготовили с вечера и повесили на протянутую через всю комнату веревку.

Посреди ночи в момент, когда луна как бы из любопытства заглянула в окно и осветила комнату, проснулась Настя. Ей бросилась в глаза мышь, бегущая по стене. Не поверив глазам, она быстро зажгла свет. Яркий свет разбудил всех остальных, и все увидели, как мышь заскочила в первый попавшийся карман одной из спортивных курток и исчезла в нем. Яркий свет явно испугал мышь, но, спрятавшись в кармане, она затихла.

Настя поняла, что проснувшись, она увидела тень бегущей мыши по освещенной лунной стене, на самом деле мышь бежала по веревке. Вот было переполоху! От шума и визга проснулись хозяева, хозяйка заглянула в комнату к девушкам. Они же смеялись и явно боялись снять куртку с веревки, вдруг мышь выпрыгнет из кармана, этого никто не хотел испытать. А мышь, видимо, хорошо устроилась в кармане и ничем себя не выдавала. Самой смелой оказалась Валя Попова, она зажа-

Студенты НЭТС. Г. Новосибирск. 1960 год

ла карман рукой, сняла спортивную куртку с веревки, выскочила на улицу и выпряхнула мышь в снег, та быстро побежала. Убить мышь у нее смелости не хватило, за что ее поругала хозяйка, мол, она же снова прибежит в дом. На что Валя ответила: «Я не палач, помогите лучше избавиться от мышей, видите, что они уже по веревкам стали бегать».

Валя немного резко говорила с хозяйкой, ей не нравились ее постоянные замечания и поступки; она раньше других девушек ушла с этой квартиры.

Очень не хотелось тогда хозяйке заводить кошку, но пришлось. Через две недели мы забыли, что в доме нашем мыши были. Такие необычные моменты жизни посещали и наших студенток.

Настина сестра по-прежнему периодически приезжала в город Новосибирск и заодно привозила студенткам картошку, морковь, свеклу, гусей, свиное мясо и сало, варенье, обеспечивая их полностью продуктами питания. Деньгами родители помогали, исходя из своих материальных возможностей. Настя получала от родителей дополнительно к стипендии (она составляла двадцать рублей) всего десять рублей, их хватало только на оплату квартиры.

Как-то раз, посещая магазин, она увидела красивый и очень понравившийся ей материал на платье, написала родителям, попросила денег, хотя понимала, что жили они материально очень тяжело.

Ответ пришел от матери, которая писала: «Настя, как ты могла додуматься просить денег, ты же знаешь, все то, что в наших силах, мы делаем». Насте было стыдно, и больше она не обращалась к родителям с подобными просьбами. Ей было 18 лет, и на себя надо было зарабатывать самой. Это можно было делать летом в каникулы и осенью, когда отправляли работать в колхоз. В колхозе она бралась за самую тяжелую, но более высокооплачиваемую работу: мазала кошары, копала траншеи для водопровода, веяла зерно на машине «Засорок».

Эта машина очень быстро съедала каждый брошенный в нее совок зерна, работа не для лентяев, с большой неохотой шли работать на эту машину, тем более, что работа была очень пыльной.

В связи с этим вспоминается доброе дело секретаря комсомольской организации колхоза. В один из дней, закончив работу на веялке, собрались идти домой, а секретарь комсомольской организации говорит: «Пойдемте за мной, откушаем деликатес». Мы пошли с большим любопытством, что же там за деликатес? Придя в помещение, увидели на столе нарезанный арбуз; вот было радости, ели с большим удовольствием и чувствовалось, как прочищал этот прекрасный арбуз все наши запыленные внутренности, становилось легко и приятно. Благодарности не было конца. Творите добрые дела, пусть небольшие, но они всем приносят радость как принимаемым, так и творящим, может быть, в этом и заключается счастье и смысл нашей жизни.

Тяжело было работать на веялке, а еще тяжелее копать траншеи. Траншеей высотой два метра и длиной три метра за один день копали немногие, но Настя в их числе. За один день она тогда заработала восемьдесят шесть рублей. Мазать кошары – помещения, где размещались овцы, также не очень приятно. В глину, которой мазали внешние стены кошар, добавляли навоз, этот запах приходилось терпеть весь рабочий день. Но такие работы хорошо оплачивались. Она тогда сумела на свои заработанные деньги купить зимнее пальто, шапочку, которую она любила носить вместо платка, балетку, тогда они были в моде, и другое самое необходимое. Конечно, разовых заработков было явно недостаточно для молодой девушки. Поэтому, идя на танцы, она иногда менялась с Валей Поповой и кофтами, и юбками, и платьями, так как одежду они носили одинакового размера.

Студенты НЭТС. Г. Новосибирск. 1960 год

В наше послевоенное время многие семьи материально жили трудно, но их дети имели возможность получать знания во всех учебных заведениях и работой по окончании учебы обеспечивались. Нам кажется, что это было самое нужное и хорошее достижение советского времени. На производственные предприятия приезжали по направлениям, в результате встречали молодых специалистов хорошо, если жилье предоставляли в частном секторе, тогда за него платило предприятие. Отработав три года, можно было поменять работу, но это делали редко и, видимо, только те, кто приезжал из городов. Уходить с предприятия, которое помогло тебе стать специалистом, естественно, было неудобно. А специалистом можно было стать только после самостоятельной практической работы на производственном предприятии.

Считалось, что для этого надо не менее двух лет и обязательная помощь специалистов-практиков, отработавших на предприятии не менее пяти лет. Настя и ее подруга благодарны своим первым помощникам в освоении профессии. Вспоминается по этому поводу город Омск, а именно телефонно-телеграфная станция. На этом предприя-

тии было принято пропускать молодых студентов-электромехаников через мастерскую, а только потом ставить в смену для обслуживания действующего телеграфного электрооборудования. Настя и Зина не были исключением. Им предложили разобрать отработавший определенный срок неисправный телеграфный аппарат СТА-2М, использовавшийся тогда в телеграфной отрасли, промыть все механические части, затем собрать, заменив непригодные детали, смазать, отрегулировать и сдать в работу. Вот это практика, молодцы омичи! Благодарность выражают все выпускники, прошедшие вашу мастерскую! Омские мастера не были безразличны и тогда, когда их подопечные уходили в смену, заходя в аппаратный зал и увидев, что у сменного электромеханика что-то не получается с регулировкой или заменой неисправных частей аппарата, обязательно подходили, подсказывали, как сделать лучше и быстрее.

Настя и Зина помнили также слова своего преподавателя Валентина Гавриловича Парфенова, который говорил: «Слушайте внимательно каждого мастера-практика, потому что каждый из них какую-то операцию знает лучше»; эти слова подтверждались всю жизнь.

Если город Новосибирск запомнился своими театрами, то город Омск, где началась профессиональная трудовая деятельность, запомнился своими мастерами и зелеными скверами. В 1961 году город Омск был третьим городом в Советском Союзе по озеленению и продолжал эту прекрасную традицию. И Зине с Настей повезло, они вместе с другими комсомольцами способствовали созданию одного из новых скверов.

Расскажем поподробнее. Город постоянно строился, расширялся, и строительные базы оказывались в центре города. Естественно, власти приняли решение вынести их за город, а на оставшихся площадях создать скверы, стадионы и т. д. На месте одной из строительных баз, расположенной почти в центре города, решили сделать сквер. Эту работу поручили выполнить комсомольцам города вместе с горзеленхозом.

Когда комсомольцы в первый раз пришли на указанную территорию, то ужаснулись. Отходы от строительных материалов разбросаны так, что и земли не видно. Везде был рассыпанный цемент, известь, алебастр, мел, песок, затвердевшие части цемента в мешках, банки от красок, разбитый кирпич, арматура, разбитые батареи. Сами склады представляли собой длинные деревянные одноэтажные стро-

ения, ставшие серыми и неприглядными от старости. Так все вокруг было скверно, что даже не ясно было, с чего же начинать. С другой стороны, любой переезд – хаос, а здесь переезд складской базы строителей. Все застаревшие материалы им не очень-то хотелось увозить в новые склады.

Но это по истечении времени можно рассуждать, тогда молодежь не рассуждала, задача поставлена, дело полезное, засучивай рукава и выполняй. Работали как всегда в выходные, то есть в субботу, а кто работал по сменам – в свои выходные дни. Пока строители вывозили пригодные материалы, разбирали и вывозили свои строения, комсомолцы, в том числе Настя и Зина, начали очищать территорию от строительного мусора.

Работа шла полным ходом, когда появилась представительница из горзеленхоза. Она попросила оставить работу и подойти к ней. Все быстро собрались вокруг нее, она развернула рисунок-план намечаемого на этом месте сквера. На плане очень аккуратно и красиво были нарисованы дорожки из песка и битого кирпича, вдоль которых разместились деревья, зеленая трава, клумбы с цветами и скамейки. Посмотрев вокруг на территорию, всю захлавленную в прямом смысле этого слова, со старыми неприглядными и частично разваленными строениями и на план в руках специалиста, невозможно было представить, что его можно реализовать.

Но специалист из горзеленхоза настаивала: «Нам нужно сделать именно так, как на рисунке». Чертеж внес ясность, настроение повысилось, и работа пошла веселее, но скептицизм остался. Несколько недель комсомолцы убрали мусор, подметали, копали, разбрасывали привезенную свежую землю, песок, сажали деревья, привезенные горзеленхозом, в некоторых местах раскладывали дерн. Работники горзеленхоза сеяли траву и цветы, выравнивали дорожки. К общей радости работа была сделана. Так в городе Омске появился еще один сквер, точно согласно нарисованному плану.

Для Насти это было второе событие, первым была электрическая схема, которую она оживила, впервые в жизни собрав действующий электрический автостоп. Второе событие – это реализация рисунка-плана в настоящий зеленый сквер, где создавались прекрасные условия для отдыха, размышлений и любви. Оба эти события навсегда отпечатались в ее памяти.

В это же лето сквер уже радовал престарелых, пришедших сюда днем, а также молодых мам с детьми, которые с удовольствием бегали по дорожкам и любовались на цветы. Вечерами приходили молодые люди и влюбленные пары, чтобы побыть в этом зеленом уголке, случайно ворвавшемся в центр города. Зина и Настя радовались, что часть их труда осталась здесь навсегда.

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ

*«Целинные степи, просторные степи
От гор до тайги пролегли.
Увидишь и сердцем полюбишь навеки
Просторы советской земли...»*

Слова из песни.

Учеба Валентина в институте подходила к концу, защита дипломной работы прошла успешно. Оставалось получить направление на место, где предстоит отдавать полученные знания, а может быть и найти свое предназначение. В его родную Тюменскую область имелось одно направление с обеспечением общежитием, взял его брат Николай. Валентин же надеялся получить направление с обеспечением квартирой, у него уже была семья. На их факультете имелось всего два направления с предоставлением квартиры: в Советскую Республику Казахстан, город Целиноград, и в город Южно-Сахалинск на острове Сахалин. Валентин и Настя выросли на материке и не могли себя представить на острове, да еще с двухмесячной дочкой. Решили взять направление в город Целиноград, «в Целинное краевое управление связи» — так было указано в направлении. Много тогда говорилось о целинном крае в газетах, журналах и по радио. Молодежь со всей Советской страны, начиная с 1954 года, ехала добровольно, чтобы зарабатывать целину в бескрайних степях Казахстана. Ее засеивали зерновыми для обеспечения советских людей вкусным хлебом из пшеницы, полученной с казахских солнечных степей. Возможно, тогда же

пришли к выводу, что надо расширять и животноводство для получения мяса, молока и, нельзя не отметить, естественных удобрений для полей. Одновременно росли новые города и поселки Целинного края, электрификация которых и обеспечение средствами связи были необходимостью для нормальной жизнедеятельности как новоселов, так и местных жителей.

Много прекрасных песен сложили тогда новоселы о Целинном крае. И семья Валентина вступила на казахскую землю со словами из песни: «Здравствуй, земля целинная!» В этих словах было все – и радость общего дела, и страх обустройства на новом месте, и желание быть полезными. Но страх вскоре исчез, семью Валентина встретили в Целинограде (ныне Астана) очень хорошо, хотя дом, в котором обещали квартиру, еще строился.

Поэтому им выделили один из кабинетов телефонно-телеграфной станции. В первый же день приезда выдали со склада: две железные кровати, стол, стулья, электроплитку, ведро, кастрюлю и чайник, то есть все самое необходимое для жизнедеятельности. Валентин приехал не только с женой и дочкой, но и с тещей. Это дало возможность Насте и Валентину на второй день после приезда выйти на работу. Настю такое устройство работы и жилья в одном здании очень устраивало. Она спокойно по часам могла кормить грудью маленькую дочку. Для этого достаточно было спуститься по лестнице со второго этажа, где она работала в аппаратном зале телеграфа, на первый. Правда, пеленки сушили во дворе производственного предприятия, что было не совсем удобно.

Через полгода семье Валентина и еще одной семье молодого специалиста Мешалкина Юрия выделили за городом одну двухкомнатную квартиру. Комнаты для каждой семьи отдельные, а кухня, туалет и ванная были общими. Опять семья должна была жить в одной комнате вчетвером, но ничего не поделаешь, другого варианта не было. Второй семье повезло, теща согласилась нянчиться с их дочкой. Жили дружно в течение года.

За это время достроили дом, в котором обещали квартиры, и все молодые специалисты получили их. Вот было радости, это невозможно описать, не было в доме ни одного жильца без улыбки на устах. Да, это был праздник, отдельная квартира на одну семью, две комнаты, кухня! Исполнились желания, которые и вслух не произносили, а только в глубине души носили! Восторгам и семейной радости не было

Семья Валентина

предела. Правда, туалет и ванная были вместе, молодые тогда даже не придали этому значение, а кто был постарше, тот просмеял строителей, даже на сцене пели такую частушку:

Кто-то выдумал в стройтресте
Туалет и ванну вместе.
Новосел залез помыться,
А семья к соседу мчится.

Все поулыбались, и на этом все ограничилось, но впоследствии стали строить туалет и ванную отдельно.

Теперь у молодых появилась отдельная комната, о чем они мечтали два года; теща, хотя и располагалась в проходной комнате, также была довольна. Обустроившись в квартирах, новоселы решили озеленить двор и землю между тротуаром и автодорогой за домом. С большим энтузиазмом взялись за работу и с помощью горзеленхоза сделали все быстро. Среди зеленых деревьев и кустарников дом новоселов стал еще красивее.

Молодые руки и силы тогда были очень востребованы, и не только для своего дома. Валентин и Настя, уже семейные люди, но по возрасту будучи комсомольцами принимали участие в строительстве Дворца молодежи в городе Целинограде. Работали опять же в выходные дни, не знаю почему, но комсомольцы тогда не просили оплаты труда.

Они понимали одно – что строят для себя и своих детей, и этого было достаточно. Но по истечении времени приходишь к выводу, что это было неправильно, любой труд, в том числе подноска материалов и уборка строительного мусора, должен оплачиваться. И в то время дополнительные деньги не помешали бы молодому семейному бюджету, так же, как и любому другому, всем всегда хочется красиво одеваться и лучше питаться. Не приходили тогда эти мысли в голову, скажут, что надо побыстрее закончить ту или иную стройку – молодежь шла и помогала. А тем более Дворец молодежи, да еще получив квартиру. Отказаться от работы на стройке не могли, считали, что на это не имели права. Правда, строили его долго с длительными перерывами. Но Валентину и Насе удалось увидеть законченное строительство, работающий Дворец молодежи и побывать в нем. Дворец был прекрасен, внутри обустроенные залы для занятий в кружках, для игр, для кино и показа разных художественных представлений, у входа цветные фонтаны, вокруг все озеленено. «Порадовались тогда за молодежь Целинограда и за себя тоже, так как в нем была, хотя небольшая, но частица и нашего труда», – вспоминал Валентин.

Да, в советское время было принято направлять молодежь с производственных предприятий не только на стройки, но и на уборку урожая в осенний период. Правда, в колхозах и совхозах платили за труд, может, не в полном объеме, но платили; работали в колхозах минимум по месяцу, а при необходимости – до окончания уборочных работ.

Особенно памятным остался богатый на урожай 1964 год. В этом году на целине уродилось столько зерновых, что ими засыпали все имеющиеся закрома и хлебоприемные пункты Казахстана, а частично в других республиках. Работы было много. Валентин тогда работал до конца уборочного сезона и получил красивый значок, с одной стороны которого написано по кругу: «Участнику уборки X целинного урожая», а внутри круга пшеничное поле и комбайн с комбайнером; с другой стороны памятного знака по кругу написано: «Казахская С.С.Р.» (Советская Социалистическая Республика), а внутри «1964». Такой золотистый от пшеничных колосьев значок, типа небольшой медали, хранится у Валентина как реликвия до сих пор, напоминая об участии в уборке богатого целинного урожая.

Прекрасно сохранился в памяти Дворец целинников, построенный в 1964 году по ленинградскому проекту. Это было ог-

ромнейшее событие для города Целинограда, а главное, Дворец соответствовал своему названию. На стене, где центральный вход, художники выполнили огромное панно-мозаику из ярко-желтых, а точнее, золотых колосьев пшеницы. Мимо не пройдешь, чтобы не остановиться и не полюбоваться на это великолепие. Заходишь внутрь: просторное фойе, с одной стороны которого большая раздевалка и туалеты, с другой стороны просторный буфет с уютными столиками. В самом фойе у стен с окнами расставлены журнальные столики, с обеих сторон которых установлены мягкие кресла. На столиках раскладывались журналы и газеты, читай, рассматривай, пожалуйста. В фойе часто проходили шахматные турниры даже всесоюзного масштаба, а также художественные выставки. Если пришел пораньше, то всегда найдешь, как провести время.

Сам актовый зал казался тогда очень шикарным: мягкие, удобные и просторные кресла, покрытые темно-красным бархатом, с каждого места видно и слышно очень хорошо; сцена пригодна для любых концертных программ, спектаклей, а также кино. Тогда во Дворце целинников было принято, как в театрах, чтобы зрители входили в зал на любое представление без верхней одежды. Это все приветствовали, так как, сняв верхнюю одежду – пальто, плащ, шубу и шапку, – чувствуешь себя более свободно и легко. Цены на билеты были доступны для всех, независимо от должности, образования или положения в обществе, и это радовало.

Приобщение к культуре важно для всех слоев населения – это истина. А Дворец целинников был тогда самым главным очагом культуры и на всех проводимых в нем мероприятиях заполнялся полностью.

Так что Целинный край помогал Валентину и Насте расти культурно, а не только повышать свои профессиональные знания. Настя, работая, одновременно училась по вечерам и закончила здесь институт. Работая на предприятиях связи вместе с другими инженерно-техническими работниками, они обеспечивали стабильную работу и развитие средств связи как в самом городе Целинограде, так и в других населенных пунктах Целинного края. По окончании института Настя перешла работать в проектный институт (Казахское отделение Всесоюзного научно-исследовательского проектного института сельской электрификации, сокращенно К.О. ВНИПисельэлектро), где выполняла проекты по электрификации и уже реконструкции элект-

рических сетей для быстро растущих населенных пунктов Целинного края. Валентин занимался строительством новых линий связи до этих же населенных пунктов. Так что и Настя, и Валентин оставили в этом крае частицу добросовестного труда на благо Республики Казахстан, что подтверждается благодарностями, записанными в их трудовых книжках.

Обширное поле действий было у молодежи советского времени, и этому можно только радоваться, так как молодость – расцвет сил и возможностей человека, и чем полезней они используются, тем теплее на душе, тем светлее память.

А родственники в своих письмах звали Валентина домой, где поднялись в небо нефтяные и газовые фонтаны, открытые советскими геологами. Снова требовались рабочие руки, и новое после целинников поколение молодых ехало осваивать нефтяной, только уже не южный, а северный край Советской страны. Родственники звали Валентина принять участие в этих делах, а именно в добыче энергоносителей, найденных в его родных местах. Они писали, что в их край едет очень много народа, причем всех национальностей, населяющих Советский Союз, а он, местный житель, тем более не должен быть в стороне от общих и значимых для его края дел. Да и родные места всегда притягивают к себе, и Валентин решился на переезд. Он отработал по направлению в Целинном крае вместо трех восемь лет и имел право переехать в желанные родные места.

Сначала поехал один, а затем в 1970 году перевез семью в строящийся нефтяниками город Урай. И началась новая целина, когда снова пришлось всей семьей жить в общежитии в одной комнате, а кухня и туалет были общими для всего общежития. Правда, недолго тогда в тесноте прожили, через год получили трехкомнатную квартиру в двухэтажном деревянном доме; семья Валентина в это время состояла уже из пяти человек. Новая целина ждала их и на работе, в тех же отраслях производства, так как до разработки нефтяных месторождений это был глухой таежный край, расскажем о нём поподробнее.

НЕФТЯНОЙ КРАЙ

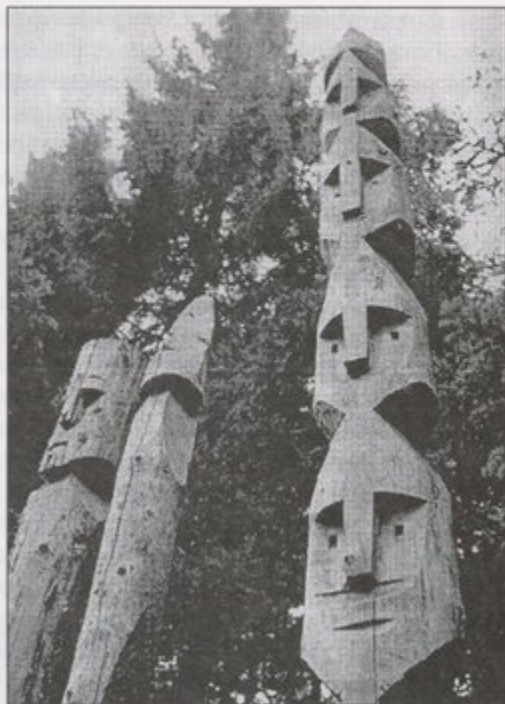
Нефтяной край в советское время – это Ханты-Мансийский национальный округ, а с древних времен эта территория называлась Югорским краем. Предания гласят, что первыми на этой территории (примерные границы этого края были определены в Советском Союзе) поселились манси, в былые времена воинственный, а ныне – спокойный и влюбленный в свою природу северный народ. Затем с южных степей явились также воинственные тогда ханты, но теперь и они живут тихо и мирно. Эти народы веками осваивали и обживали этот богатый край, приспосабливались к его суровым климатическим условиям. Согласно археологическим раскопкам ханты и манси поселились в этих краях более 2000 лет назад, у них нет другой родины, которая бы сохраняла их быт, язык и традиции, кроме России и своего округа.

Югорский край в переводе с местного наречия - водяной край, и это соответствует истине, так как здесь чуть ли не самые большие в мире болотные площади, кроме этого, разливы рек Оби и Иртыша достигают десятки тысяч километров, множество других больших и малых рек, здесь же сотни стариц и около двадцати тысяч озер. В реках и озерах обитает около сорока видов рыб, среди них имеются ценные породы. Несмотря на это, около одной трети Югорского края покрыто лесами, в которых много пушного зверя. Для местных жителей пушнина и рыба были самым доходным промыслом, поэтому с детства их приучали к охоте и рыбалке. Леса и болота края богаты дикоросами: ягодами, грибами, кедровыми орехами, которые также считались ценным товаром. Транспорт для вывоза природных даров на продажу были в основном олени в зимнее время и водный транспорт в летнее время. Таков был Югорский край, если кратко сказать.

И первыми весть о нем тысячу лет назад разнесли по свету новгородские купцы. Первыми они добрались до Югорского края и установили мирные добрососедские отношения с местными жителями, много они рассказывали об этом крае, удивляясь, «сколько здесь неслыханно вкусной рыбы и редкостного пушного зверя».

Обмолвимся об истории края, которую сами знаем и слышали от родителей. В советское время, с созданием коллективных хозяйств, в этом крае стали содержать зверофермы, где выращивали пушных

зверей, более всего се-ребристо-черных лисиц. В шапке из такой лисицы зима не страшна, можно выдержать морозы до – 54 градусов, что проверено на себе. Отец и мать Валентина работали на одной из таких звероферм. Основной корм для лисиц составляла рыба, которую отец Михаил Иванович ловил с бригадой рыбаков, но часто и самостоятельно. Для этого вставал он с первым пением петуха примерно в четыре часа утра, брал берестяную пайву и шел проверять камки на арпах и на за-

поре, содержимое из камок высыпал в пайву и приносил домой. Затем мать Валентина Евдокия Петровна варила рыбу и вручную прокручивала через мясорубку (часто эту работу делали дети, в том числе Валентин), кормила и поила животных, а также убирала внутри клеток. Оплата за эту работу была символической – трудовыми, для оплаты которых в колхозе часто денег не было, а ответственность отец и мать несли за каждого лисенка, если можно так выразиться, «головоу». Тяжелая была работа, но родители справлялись.

В 1930 – 1931 годах кулаков или «зажиточных» русских высылали из центральной России и Сибири не только на Урал, но и в эти края. Ссылных было много, они рубили и корчевали лес, строили дома, освободившуюся от леса землю засевали зерновыми, в таком объеме, чтобы можно было прокормиться. Ссылные понимали, что завозить сельскохозяйственную продукцию в бездорожный край никто не будет, а они, рожденные для жизни, хотели жить и все для этого делали.

Создаваемые тогда коллективные хозяйства — колхозы — также способствовали развитию сельского хозяйства в этих краях. В них появились бригады охотников, бригады рыболовов, учитывая традиционный образ жизни местного населения, и совместно с высланными бригадами для выращивания зерновых, бригады по овощеводству и животноводству. Все это проходило не гладко, с большими человеческими усилиями, так как техника в то время отсутствовала. Несмотря на это, начиная с 1938 года, Ханты-Мансийский национальный округ обеспечивал себя зерном.

Сегодня более половины этих поселков, которые часто и названий-то не имели, а обозначались цифрами: первый, второй, третий, четвертый, пятый, — построенные в тайге, отсутствует. Но обработанные ими поля, уже заросшие травой, да остатки сгнивших от старости фундаментов бывших домов напоминают, что здесь жили люди.

Городов тогда не было, связь из-за бездорожья развивалась медленно, а многие поселки не имели электроснабжения. О нефти еще открыто речи не вели, ее искали. И вскоре пробуренные геологами скважины подтвердили наличие нефти в этом крае.

Так что вторую неслыханную весть о Югорском крае разнесли советские геологи. Газовые фонтаны, начиная с 1953 года, затем нефтяные фонтаны с 1964 года шумно вырывались из-под земли. Благодаря геологам Югорский край открыл свои подземные кладовые — несметные богатства черного золота. За геологами пошли нефтяники. Так Югорский край превратился в нефтяной край.

Власти Советского Союза, осознавая, что нефть — кровь экономики, направляли на освоение края огромнейшие материальные средства. Край постоянно требовал большого количества рабочих рук, специальной техники, различного нефтедобывающего оборудования и электрооборудования. На суше и болотах, вернее после отсыпки болот, стали появляться первые в этом крае города и автомобильные дороги.

И старые виды промыслов даже как-то отошли в сторону, что подорвало вековой образ жизни местных жителей. Они с трудом смогли адаптироваться в новых условиях, не всегда понимая покорителей недр. Для тихого таежного края все было новым и непредсказуемым: и большое скопление мощной гусеничной техники с ее страшным ревом, свободно проходящей по болотам и лесам, гул вертолетов и самолетов в небе; все это пугало коренное население. Мощное, ускоренное строительство — землю бурили до появления нефти, в землю укладывали

трубопроводы, на земле строили дороги, электростанции, линии электропередач, нефтеперекачивающие станции, благоустроенные города и поселки – заставляло местных жителей искать новые глухие места и оставлять давно обжитые их предками.

Валентин и Настя, более четверти века отработавшие в этом крае, оказались свидетелями и исполнителями этих ускоренных дел. Строительство тогда шло полным ходом по всей территории, а нефть по трубопроводам текла к нефтеперерабатывающим заводам и за границу, давая стране хороший доход. Население края с шестидесяти тысяч человек быстро подвигалось к миллиону, а затем и более.

На первом месте по значимости, а значит и по объему, стояла добыча нефти, она приносила большую прибыль стране и хорошую зарплату людям, ее добывающим, да и в остальных подсобных отраслях, зарплата была хотя и меньшей, но вполне приличной.

Для местного населения добываемая в их крае нефть с точки зрения материальных благ мало что дала. Большая часть доходов как всегда уходила на города. Поэтому в известных нам деревнях люди не стали богаче. Правда, их порадовали новой бесплатной техникой (моторами, а иногда и лодками) для рыболовства, "Буранами". Технику они быстро освоили. Но этого недостаточно, так как надо иметь места, где ловить рыбу, и леса, где можно охотиться. Местное население могут спасти только родовые угодья, Положение о статусе которых разрабатывал Валентин совмест-

но с другими представителями коренного населения в окружном Совете народных депутатов в 1992 году. Родовые угодья – это естественно-природный комплекс территории (леса, реки, озера, их берега, болота, луга-пастбища и др.), определенные властью и переданные в пользование местного населения. Местное население приняло тогда такое новшество, хотя оно сужало территорию, которой бы им хотелось пользоваться. Власти также поддержали и утвердили к исполнению «Положение о Статусе родовых угодий». Они поняли, что нельзя допустить, чтобы местное население потеряло себя, а именно потеряло свое вековое занятие – охоту и рыбалку, забыло традиционные продукты питания и одежду. Думается, если родовые угодья закрепят законом в собственность коренных жителей, это будет спасением для местного коренного населения. В царской России коренные жители были хозяевами на используемой ими территории. Да, от истории трудно уйти, она постоянно напоминает о себе, особенно в этом крае.

Как мы уже сказали, на первом и основном месте в этом крае стояла добыча нефти.

На втором месте – обустройство приезжего населения, куда входило жилье, вода, тепло, свет, школы, детские сады, дороги, кинотеатры. Население прирастало за счет приезжих и очень быстро.

И только после этого решался вопрос о развитии связи, отрасли, в которой начала работать Анастасия. Конечно, себя власть в первую очередь обеспечивала связью, то же делали первые руководители крупных подразделений. Так в то время появилась ведомственная связь, которая развивалась наравне с добычей нефти. Кажется, и возразить нечему, так и должно быть. Но, с другой стороны, имея у себя средства связи, они с меньшим вниманием относились к развитию отрасли связи в сети общего пользования, забыв на время, что это важнейшая отрасль в народном хозяйстве всей страны.

О развитии отрасли связи в сети общего пользования, то есть для всего населения, и пойдет наше дальнейшее повествование.

В то же время нефтегазодобывающая отрасль развивалась бурно – ускоренными темпами, и прежде всего бурение, оно было первостепенным как для геологов, так и для нефтяников. Мест, где нефть можно черпать ковшами с поверхности земли, практически не было.

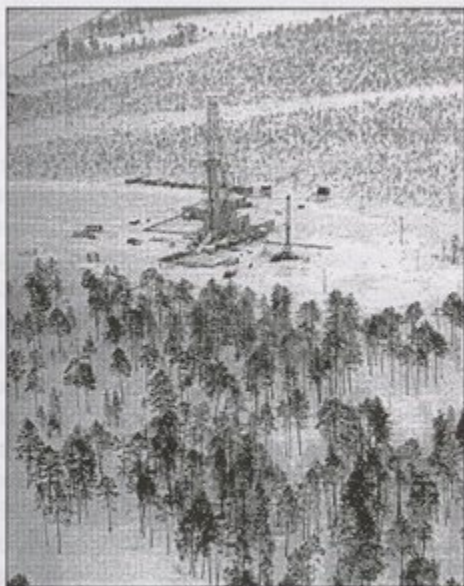

НЕСТАНДАРТНАЯ СИТУАЦИЯ

Становлению и промышленному освоению нефтяного края положили буровые вышки – буровые установки, именно они первыми открывали нефтяные пласты, именно они доставали нефть из-под земли и часто с большой глубины, тысяча и более метров.

Буровые росли как грибы, но побывать на них, так сказать, «увидеть вживую», не получалось, хотя желание такое было. Хорошо, что телевидение и радио много говорило о буровиках, чего они явно были достойны. Работая в нефтяном крае около девяти лет, из них два года главным инженером районного узла связи в крупном нефтяном городе, Анастасия впервые увидела буровую установку по телевидению, что считала явно недостаточным. Устанавливались буровые вдали от населенных пунктов, экскурсий к ним не проводили – не техническая выставка, поэтому просто так на них не попадешь. Как часто бывает, непредвиденный случай, а в данном случае производственная необходимость все-таки помогла исполнить желание Анастасии. Она попала на действующую буровую, чему безусловно была рада и, как оказалось, не без основания. Расскажем все по порядку.

Ее работа – предоставление услуг электросвязи (городской телефонной, междугородной, телеграфной, радиорелейной связи, радиосвязи, радиовещания и телевидения) населению – замыкалась больше на самих населенных пунктах. Связь с поселками выполнялась из районного центра, и между собой они связывались через центр. Но в данном случае поселки были размещены на небольшом расстоянии друг от друга, и здесь экономичней было иметь линию свя-

зи между поселками и больший из них вывести на центр. Связь всегда требует своего развития, а в том крае и в то время связь была крайней необходимостью.

Тюменское областное управление связи помогало районным узлам связи, чем могло. Так, поездом из Тюмени пришел четырехжильный телефонный кабель, бронированный круглой стальной проволокой для механической прочности и имеющий защитный наружный покров от воды, то есть пригодный для прокладки в воде. Если без уплотнения, то это всего лишь два телефона, а если с аппаратурой уплотнения, то 30 и более телефонов можно иметь.

Четыре пятитонных барабана подводного телефонного кабеля общей длиной около четырех километров надо было определить к месту. В городе АТС для общего пользования не было, Анастасия решила использовать кабель для связи между населенными пунктами Лямино и Песчаное, тем более, что в Песчаном строился мебельный комбинат, что повышало потребность в средствах связи. Имевшаяся воздушная линия связи на деревянных опорах, проходившая по сплошным болотам, весной и осенью нарушалась, и к плавающим опорам не всегда можно было даже подступиться. В результате населенный пункт Песчаное каждую весну, а часто и осенью, оставался без связи.

Приняв решение, осталось самое главное – выполнить! Анастасия была молода, энергична, казалось, ей все по плечу. Но выполнить оказалось не просто. Прежде всего надо было доставить четыре пятитонных барабана в Лямино.

Кажется, все ясно и просто, если не учитывать, что дорог до поселка нет, а только река Обь, пристани для приема грузов нет ни в узле связи города Сургута, ни в поселке Лямино; баржи для доставки кабеля нет и даже крана для погрузки и разгрузки барабанов с кабелем нет на ее предприятии. Пришлось задуматься: лучший вариант – найти возможность оплаты, затем специализированную организацию, с которой можно заключить договор на выполнение этих работ, не забыв оговорить сроки окончания и качество работ, и дело сделано.

Но о таком варианте можно было только мечтать. Специализированные подразделения на любые виды работ имелись в основном на предприятиях по добыче и транспортировке нефти (проще, у нефтяников) и были заняты на больших объемах работ. Они прокладывали кабели на расстояния до сорока и более километров, а здесь надо было проложить всего четыре километра. Не только делать, а и гово-

речь о малых объемах работ не хотели. Анастасия решила поискать нужную организацию в других ведомствах, но у многих отсутствовали нужные технические средства. Тогда она обратилась ко вновь своевременно появившейся, общедоступной строительной и монтажной организации «Востокпромсвязьмонтаж». За указанный выше объем работ они потребовали, как тогда казалось, большой оплаты, объясняя, что техники в поселке нет и ее надо завозить из города. Анастасия попросила исполнителя предоставить смету с указанием расценок на выполнение работ. Получив смету, внимательно посмотрев расценки, она не нашла возможности уменьшить сумму оплаты. Тогда, подготовив договор и приложив смету, Анастасия пошла к своему начальнику (он отвечал за экономику и финансы) с просьбой оплатить работы по прокладке телефонного кабеля, а предварительно подписать договор. Начальник районного узла связи, услышав, какую сумму надо заплатить за выполнение работ, отказал в оплате строго и категорично.

Оставалась единственная возможность – выполнить работу хозяйственным способом, то есть собственными силами предприятия, в нерабочее для сменных работников время. Таких работ тогда делалось много, оплата же ограничивалась поощрительными премиями, которые, конечно, не соответствовали выполняемому объему работ. Что значит хозяйственным способом? Это когда ничего нет – ни проекта, ни сметы, ни техники, ни приспособлений, ни свободных людей, а работу надо выполнить. О том, как это выполнялось, и расскажем вам. Возможно, сам факт, теперь уже исторический, вам покажется интересным.

Анастасия Павловна переговорила по телефону с электромонтерами связи в поселке Лямино, объяснила ситуацию, добавив, что прокладка телефонного кабеля между поселками возможна только в том случае, если они сами, самостоятельно выполняют эту работу. Молодые электромонтеры замучились с постоянными ремонтами воздушной линии связи в паводковый период и согласились проложить телефонный кабель самостоятельно. Тогда Анастасия начала решать поставленную задачу. Вначале нашла организацию, которая смогла предоставить во временную аренду свой катер и баржу. Затем нашла кран для погрузки и разгрузки; бортовая машина имела. Загрузили барабаны с телефонным кабелем, приехали к месту, где стояла баржа (она подплыла и остановилась недалеко от берега, чтобы быть на плаву), а подъехать к барже на необходимое расстояние оказалось невозможным из-за воды, кран мог завязнуть. Пришлось срочно искать само-

свал песка и бульдозер, чтобы подгрести песок в воду и подогнать кран поближе к барже. Все это надо было делать оперативно, день в такие моменты очень короток. Нашла Анастасия самосвал песка, нашла и бульдозер; песок подгрести, кран подогнали, барабаны загрузили на баржу, и они поплыли до Лямино. Казалось, главная часть дела сделана, кабель связи отправлен к месту его использования. Но, как подсказывает опыт, до окончания дела все работы по нему являются главными.

Тогда поиски и договоренности делались, прежде всего, ногами – пешком или на общественном транспорте. Служебная машина отсутствовала, ее не положено было иметь главному инженеру районного узла связи. Она и сама тогда считала служебную автомашину большой роскошью и не требовала ее, хотя ходить приходилось много и в любую погоду. Когда же был результат от этих походов, то все физические затраты как бы компенсировались моральными – удовлетворением от выполненной работы. Так и в этом случае, барабаны с кабелем были отправлены по назначению, и все, что для этого делалось, быстро забылось.

Очень трудно пришлось и электромонтерам Лямино при выгрузке барабанов, так как в поселке пристань для разгрузки и погрузки грузов отсутствовала, но они выполнили эту работу, доложили, а что дальше делать, не знают. Видимо, намучились с выгрузкой пятитонных барабанов и растерялись. Тогда Анастасия выехала в Лямино, где вместе с исполнителями определяли план действий и тут же исполняли. В поселке не было необходимой для размотки барабанов с кабелем кабельной конструкции. Подумав, Анастасия предложила сварить кабельную конструкцию здесь же, в поселке. Электромонтеры сказали, что сварочных аппаратов в поселке нет, но хороший сварочный аппарат имеется на буровой, в двадцати километрах от поселка. «Проехать до нее можно на автомашине «Урал», там же найдется и оговоренный с Вами материал», – поясняли электромонтеры. «Ну что ж, поехали на буровую», – сказала Анастасия. Благо, что автомашину «Урал» нашли в поселке для этого случая.

Так совершенно случайно, а верней, по причине производственной необходимости Анастасия впервые оказалась на буровой. Ее здесь никто не ждал и не знал. Поздоровавшись с буровиками, стоявшими у буровой, она спросила: «Где можно увидеть руководство?» Ответили: «Бригадир в вагончике», – и показали в каком. Анастасия зашла в укромный вагончик, стоявший, как и другие, на сваях. Ее, прежде всего,

порадовала чистота помещения и аккуратность заправленных четырех кроватей, здесь же за столом сидели три человека, среди них бригадир. Анастасия Павловна представилась и обратилась с просьбой: «Прошу Вас, помогите сварить кабельную конструкцию для размотки пятитонных барабанов с кабелем, но на санях, чтобы можно было использовать как прицеп». Она объяснила, для чего это нужно, пояснив, что сварочные аппараты в поселке отсутствуют, поэтому и приехала на буровую.

Очень жалеет Анастасия, что не узнала фамилию бригадира. Он, видимо, был из трудяг, так как только с человеком, который умеет трудиться, о деле можно договориться.

Бригадир выслушал Анастасию без усмешек, с которыми многие мужчины-руководители говорили с женщинами-руководителями, без лишних слов оперативно пригласил сварщика и его помощника, объяснил суть работы и сказал: «Работайте под руководством этой женщины». Приехавшие с ней электромонтеры быстро подобрали необходимые материалы: трубы, уголок, – и сварщик приступил к работе. Он был профессионалом, и объяснять ему пришлось недолго.

Анастасия теперь более внимательно и с большим интересом стала присматриваться к буровой.

Перед ней возвышалась металлическая ферма буровой вышки в гуле мотора, бурилась глубокая скважина, в которую затем спустят насосно-компрессорное оборудование и трубы. Далее сдадут эксплуатационникам, которые будут качать нефть – черную маслянистую жидкость и с помощью нефтеперекачивающих станций отправлять ее по нефтепроводам до заводов по переработке нефти для получения бензина, дизельного топлива и других побочных продуктов.

Она порадовалась порядку на буровой, ничего нигде не валялось, большой грязи не было, видимо, она сразу убиралась; все люди трезвые и серьезные, обстановка рабочая и спокойная. Постояла около буровой, посмотрела, как она работает, поняла, что дело очень серьезное и ответственное и иначе здесь просто не могло быть. «Да, работа буровика требует внимательности, профессионализма и серьезного отношения», – подумала она. Так Анастасия впервые вплотную соприкоснулась с самым важным объектом в деле освоения нефтяного края, с буровой, которую увидела «вживую» перед собой.

Она прекрасно понимала, что буровая вышка есть начало всех начал: от установки нефтедобывающего оборудования, строительства трубопроводов, электрических станций, линий и подстанций, нефте-

перекачивающих станций, автодорог до строительства и обустройства вахтовых поселков и городов, предоставление работы миллионам людей, в том числе предоставление услуг связи. Она смотрела на буровую и буровиков с большим уважением. Так непредвиденные обстоятельства связали буровую с прокладкой кабеля связи, что и придумать невозможно. Чего только не бывает на свете, на нашей маленькой родной планете.

Немногим более двух часов потребовалось на сварку кабельной конструкции. Бригадир уточнил вес барабана и подсказал: «Возьмите буровую трубу для подъема и крепления барабана на кабельную конструкцию, обычная согнется, не выдержит». Анастасия так и сделала. Она поблагодарила всех; сваренную конструкцию прицепили к машине, как прицеп и поехали к месту начала прокладки кабеля.

Так Анастасия увидела своими глазами не только буровую, но и прекрасных, трудолюбивых людей, хороших профессионалов, готовых бескорыстно прийти на помощь, если она необходима, вечная им за это благодарность. Они показали ей буровую и помогли сделать полезное дело, чему она очень радовалась; электромонтеры также были довольны и улыбались.

Казалось, что главная часть подготовительной работы сделана.

Теперь на месте барабаны с кабелем, конструкция для размотки кабеля и готовая траншея для прокладки кабеля; осталось найти кран, чтобы поднять барабан в пять тонн на конструкцию – и разматывать, сколько надо. Анастасия собралась сесть в машину, чтобы поехать искать кран, а он тут как тут, идет прямо к ним. Такого предвидеть явно невозможно, но реальность иногда бывает интересней фантастики. Вот и приходишь к выводу, что если ты очень хочешь сделать нужное дело, тебе будет сопутствовать удача.

Кран шел не к ним, он должен был пройти мимо, но в нужный момент оказался в нужном месте. Анастасия остановила его, за небольшую плату (вира, или один подъем – три рубля) крановщик согласился поднять барабан на конструкцию. Попробовали сначала использовать простую трубу, она сразу согнулась, не дав даже возможности оторвать барабан от земли. Тогда взяли буровую трубу; бригадир был прав, она не прогнулась. Крановщик спокойно и уверенно поднял пятитонный барабан с кабелем, быстро и точно положил на кабельную конструкцию. Анастасия Павловна поблагодарила крановщика и договорилась о дальнейшей его работе с электромонтерами.

Надеясь, что основные вопросы решены, она собралась ехать в поселок, но решила посмотреть, как пойдет размотка кабеля. Ей до этого времени не приходилось работать с такими мощными кабелями связи, защита кабеля от механических повреждений и от воды надежна, а в то же время он очень тяжелый, подтверждение этому было заметно по большому физическому напряжению электромонтеров, тянувших кабель. «Нужен тягач, – решила Анастасия, – вручную людям не под силу работать с таким кабелем», – и поехала в Песчаное. Там располагался леспромхоз, который имел специальные тягачи, таскающие огромные хлысты деревьев. Тягачи были на гусеничном ходу и могли двигаться по болоту, то есть как раз то, что нужно.

Почему-то теплые солнечные дни сентября называют «бабьим летом», это был один из таких дней. Проезжая по улицам поселка, заметила, что в каждом дворе на огородах копали картошку. Приехав в контору леспромхоза, увидела ее закрытой, спросила у случайного прохожего: «Где может быть руководство?» Прохожий ответил: «На огороде, копают картошку», – и показал дом директора леспромхоза. Она подъехала к указанному дому, около него был огород, на котором на самом деле копали картошку. Анастасия Павловна поздоровалась и пригласила директора (он работал лопатой) к разговору, объяснила ситуацию и попросила содействия. Он написал записку, и Анастасия поехала в гараж леспромхоза. Прочитав записку, дежурный водитель завел тягач, и они поспешили к месту работы.

Водитель тягача оказался молодым человеком, уверенным в себе, но малоопытным. Сначала дело пошло хорошо, кабель быстро продвигался по трассе, казалось, можно было радоваться. Электромонтеры были довольны техникой и сказали, что теперь они справятся сами. Анастасия собралась ехать в поселок Лямино.

Она отъехала на небольшое расстояние и услышала крик: «Остановитесь!» Подбежал электромонтер и говорит: «Тягач провалился, и очень глубоко». Анастасия вернулась. Попробовали тросом зацепиться за растущие вблизи сосны, чтобы вытянуть тягач. Но сосны очень легко вытаскивались сами, прямо с корнем, а тягач – ни с места. Это вызвало удивление, хотя удивляться было нечему в болотистых грунтах.

Все попытки оказались бесполезными, стало ясно, что нужна мощная техника, чтобы вытянуть тягач.

Анастасии пришлось снова ехать в поселок Песчаное; снова она подъехала к директору леспромхоза, объяснила ситуацию и попросила второй тягач. Директор заявил, что второй тягач есть, а водителя второго нет, если механик согласится, то он может поехать и вытаскать. Анастасия быстро поехала к механику, он также оказался на огороде, копал картошку. Пригласив его для разговора, Анастасия чувствовала себя очень неловко, так как забирать человека с огорода во время копки картошки было неприлично, но и другого варианта не было. В аварийной ситуации рассуждать не приходится. Поэтому, извиняясь, что отрывает механика от нужной для него работы, пояснила: «Как только вытаскните тягач, сразу сможете уехать, не будем Вас задерживать». Механик согласился. Заехали в гараж, он завел второй тягач, и поехали к трассе прокладки кабеля связи.

Механик оказался опытным – профессионалом своего дела и очень быстро вытаскил первый тягач. Он отругал водителя, что лезет «не смотря куда», – не проверив трассу, и уехал. В этот день Анастасия решила быть до конца и пошла впереди тягача, чтобы, просматривая трассу, выяснять, где лучше проехать. Дело пошло хорошо. Первую нитку (строительную длину или один барабан) кабеля проложили.

На следующий день Анастасия уехала на центральный узел связи, там также было много работы. Оставшиеся три барабана кабеля электромонтеры проложили самостоятельно, конечно, это им далось нелегко, но они не рассказывали о бывших еще препятствиях, а только позвонили, когда закончили прокладку кабеля связи. Тогда Анастасия Павловна отправила в Лямино одного из лучших кабельщиков, Лихачева Юрия. Он выполнил соединение строительных длин кабелей связи, сделав надежные муфты для защиты соединенных жил кабеля от воды.

Кабель связи стал выполнять свое назначение – передавать сообщения, телефоны в Песчаном заработали. Появившаяся телефонная связь с соседним поселком, связь с городами нефтяного края и Советского Союза обрадовала всех селян, они не стали чувствовать себя оторванными от своей страны или как никому ненужные.

«Я очень благодарна людям, которые выполнили, казалось бы, простую, но на самом деле сложную из-за сложных природных условий края и отсутствия стандартного оборудования работу; очень жаль, что не помню их фамилий. Конечно, они могли отказаться, и были бы правы, наверное», – вспоминала позднее Анастасия.

«Можно твердо сказать, – продолжала она, – равнодушные были люди, равнодушные, считали все дела в крае общими, значимыми и всегда старались помочь их выполнению». Она и сегодня по-прежнему удивляется добрым чувствам этих людей и одновременно радуется за них.

Прошло десять лет, Анастасия уже не работала в связи, работала на другом предприятии и в другом городе. По своим делам ей понадобилось попасть в город Сургут. Белой птицей легко и быстро «Метеор» летел по реке Оби; подплывая к Лямино, она вспомнила о прокладке кабеля и подумала, как он, работает или нет? На остановке Лямино в «Метеор» вошли пассажиры, рядом с Анастасией было свободное место, его занял молодой человек. Анастасия разговорилась и просто так, не надеясь на ответ, спросила про проложенный ранее телефонный кабель. Молодой человек заулыбался и ответил: «Да, работает Ваш телефонный кабель, ничего с ним не случилось; отец рассказывал, как он Вам и им достался». Это, оказывается, был сын одного из электромонтеров, прокладывавших десять лет назад телефонный кабель. Интересные бывают встречи, иногда очень неожиданные и приятные.

Как выяснилось, проложенный в 1979 году телефонный кабель продолжает работать и через двадцать лет и ждет новую аппаратуру для своего уплотнения, чтобы увеличить количество телефонов в поселке Песчаное.

БЫВАЛО И ТАКОЕ

Как было уже сказано, нефтяной край в начале своего освоения представлял собой сплошную стройку. Строилась и железная дорога, основная транспортная артерия нефтяного края от города Тюмени до города Сургута и далее, это был выход центра нефтяного края на все необходимые заводы и фабрики Советского Союза. Во время строительства складывалась не очень приятная ситуация. Вначале строился поселок для строителей железной дороги, видимо, без проекта, а по-

том, уже по проекту, строились железнодорожная станция и поселок для железнодорожников. Очень часто поселок строителей и поселок железнодорожников располагались на расстоянии двух, трех километров друг от друга. А что значит два километра среди болот? Тем более, когда работает техника только на гусеничном ходу – это значит, что не проехать на другой технике, а часто и не пройти из одного поселка в другой; ходили по железнодорожному полотну, а это опасно. Так было в Куть-Яхе, так было и в Салыме.

Наш рассказ о Салыме. Сначала выполнили радиосвязь от города Сургута до временного поселка строителей в Салыме. А когда начали строить железнодорожную станцию и поселок при ней, понадобилась связь и в этот поселок. Решение было принято следующее: построить линию связи, подвесив телефонный кабель на деревянных опорах от поселка строителей до поселка железнодорожников, и обеспечить телефонной связью население поселка. Когда же построят железнодорожную станцию и, соответственно, постоянные сети связи, то эту линию можно будет использовать наоборот, обеспечивать телефонную связь из поселка железнодорожников в поселок строителей.

Приняв решение, приступили к исполнению. С чем не было проблем в нефтяном крае, так это с лесом. Но пилить лес и вывозить можно только зимой, что и было сделано. Вывезенный лес, подходящие для опор сосны ошкурили – сняли кору, заострили верхушки, так сказать, подготовили для просушки. Все это сделали местные электромонтеры в свободное от дежурства на электрооборудовании радиосвязи время.

Пришла весна, а затем лето, опоры подсохли, пора приступать к установке по трассе. Электромонтеров в Салыме работало мало, поэтому Анастасия Павловна отправила в Салым дополнительно четырех электромонтеров связи. Пять человек достаточно для установки опор вручную, что было не исключено. По приезде они сообщили, что опоры длинные и тяжелые, и им не справиться. Анастасия выехала на место, с кадрами в узлах связи было тяжело, и увеличение кадров давалось тогда с трудом, хотя объем работ рос очень быстро. Приехав на место, убедилась, что спиленные деревья длиной пятнадцать и более метров, а для связи средняя высота опор допускалась девять метров, и только для переходов через инженерные сети – линии связи, автодороги использовались одиннадцатиметровые опоры. Приняли решение спилить лишнюю длину; спиливали и с вер-

хушки, и с комля, комель был очень толстый. Пока электромонтеры готовили опоры, Анастасия занялась поиском необходимой техники.

Прежде всего пошла к председателю сельского Совета, чтобы узнать, есть ли предприятие, которое могло иметь нужную технику. Объяснив ситуацию, попросила посодействовать. По закону власти тогда должны были оказывать помощь связистам. Председатель по местной связи связался с руководителем организации, где был ГАЗ-66, грузовая автомашина с буровой установкой и лебедкой для установки опор, тот согласился на несколько дней выделить нужную технику.

Анастасия нашла эту организацию и договорилась о работе. Начальная трасса проходила по сухому возвышенному месту, работала успешно, с хорошим настроением. Но после установки пяти опор появились препятствия для подъезда к следующим. ГАЗ-66 не мог самостоятельно проехать даже по общей дороге, которая представляла собой глубокое месиво из воды и болотистого грунта. Снова пришлось идти к председателю сельского Совета и выяснять, в какой организации есть техника на гусеничном ходу. Он назвал организацию и указал направление, где ее найти, предупредив, что у них имеется трубоукладчик, если он завязнет, то больше техники в поселке нет, а только на трассе строительства трубопроводов, и также объяснил, показав направление, где найти их базу – временный поселок.

О дорогах с твердым покрытием тогда можно было только мечтать, поэтому там, где начинались стройки, ездили на “Кировцах” (мощный, высококолесный трактор К-700), вездеходах и другом гусеничном транспорте. Ни того, ни другого у Анастасии не было, значит, искать организации приходилось пешком.

Гусеничный транспорт очень хорошо проходил и по земле, и по болотам, но он превращал дорогу в сплошную жидкую грязь, по таким дорогам людям практически невозможно передвигаться. Поэтому организации, имевшие технику на гусеничном ходу, располагались всегда вдали от поселка и по своему усмотрению выбирали себе место для временной стоянки. Подбираться к ним было тяжело и идти надо было непременно в резиновых сапогах, но часто и они не спасали от глубокой грязи. А она должна была идти, зная только направление. Низ легкого пальто после каждого похода приходилось отстирывать.

Тем не менее нужную организацию нашла, с трубоукладчиком договорилась, объяснила, куда подъехать, но начальник сказал, что за техникой надо приходить самой. Никуда не денешься, надо

так надо. Назавтра пришлось идти снова, но путь уже был известен, и она потратила гораздо меньше времени. Забрав технику, поехали работать, поставили три опоры, все шло хорошо, все казалось удачным.

Перед подъездом к месту установки следующей опоры появилась линия электропередачи, стрелу опустили и проехали. Это явно был риск. Для обеспечения безопасности следовало отключить напряжение на линии электропередачи, несмотря на то, что линии электропередачи появлялись неожиданно и без согласований со связистами. И здесь, когда выбирали трассу под линию связи, никаких ЛЭП не было. В данном случае проскочили удачно, поставили еще одну опору, но место, где остановился трубоукладчик, оказалось низким, болотистым, да он что-то задержался на одном месте и увяз. Увяз так, что самостоятельно выбраться не мог. Требовалась другая, более мощная техника на гусеничном ходу, и срочно.

Густые темные облака все плотнее закрывали небо, начал моросить дождь. Вот когда некогда паниковать, надо было срочно искать выход из создавшегося положения, оставлять трубоукладчик до следующего дня явно опасно, назавтра можно и место не найти, не только технику, такие случаи бывали.

Так что единственный выход – срочно вытаскивать трубоукладчик. Председатель сельского Совета как будто предвидел эту ситуацию и подсказал направление еще тогда, при встрече с ним, где найти более грузоподъемную технику на гусеничном ходу. И Анастасия направилась в путь искать эту технику, опять зная только направление, стараясь идти как можно быстрее. Подгонял страх от настойчивой мысли о том, что трубоукладчик, вес которого около тридцати тонн, находится в опасном месте и может, постоянно углубляясь за счет собственного веса, совсем исчезнуть с поверхности земли, проще сказать, утонуть.

Управление по трубопроводному строительству находилось далеко за поселком. Шла через вековой лес, где много поваленных временем и ветрами деревьев, через овраги, наконец подошла к поселку строителей трубопроводов. Увидела дорогу, обрадовалась, подошла к ней, а она представляла собой глубокую непролазную грязь, широкие колеи заполнены водой, здесь явно ходил один гусеничный транспорт; ей казалось, что пройти по такой дороге невозможно даже в сапогах. Осмотрелась вокруг и заметила, что вдоль дороги, около быстровоз-

водимых жилищ (вагончиков на сваях) имеется тротуар шириной не более полутора метров, закрепленный на сваях на высоте 80 сантиметров от земли. Тротуар построили из тонких молодых сосенок, жестко скрепленных друг с другом. Этот лесной тротуар проходил по обе стороны дороги, вдоль вагончиков строителей, к столовой, к медпункту, к бане, к конторе и другим нужным временным строениям. Анастасия нашла выход из тайги прямо на деревянный тротуар, шагало легко, и она быстро подошла к конторе, но руководства на месте не оказалось; все были на трассе, говорить было не с кем. Вышла из конторы растерянная, что же делать? Кругом было пусто, не видно ни одного человека. «Где у них могут быть гаражи, — гадала Анастасия. Может, имеется какая-то техника?» В конторе об этом говорить не захотели, были тогда и такие чиновники.

Анастасия Павловна стояла на тротуаре и смотрела по сторонам. Надеялась, что кто-нибудь из рабочих появится на улице, и она сможет получить ответы на свои вопросы. Но на тротуаре никто не появлялся, безлюдность даже пугала, видимо, все работали на трассах и своих производственных местах. Вдруг услышала шум мотора, прислушалась, чтобы определить направление, и пошла на шум. Пришлось спуститься с тротуара на грязную дорогу, чтобы идти напрямую, но этого не заметила. И вот радость: перед ней стояла большая канадская машина (возможно, «Формос»). «В названии могу ошибиться, — рассказывала она, — да название меня и не интересовало, я видела перед собой высокую машину с двумя цепями гусениц, одна цепь метров около шести, а может, и более, вторая около четырех метров, т.е. то, что нужно, осталось уточнить грузоподъемность». Подойдя ближе, Анастасия спросила у стоявших рядом молодых мужчин: «Какая грузоподъемность вашей машины?» Ответили: «Сорок тонн». — «А трубоукладчик вы сможете вытащить из болота?», — снова спросила она. Ребята говорят: «Конечно». Тогда объяснила ситуацию и обратилась к ним с просьбой вытащить трубоукладчик и пояснила, в каком месте. Они уточнили про мост через речку, смогут ли они проехать на своей технике по нему. Анастасия сказала, что мост из круглых бревен, и такой мощной технике на гусеницах по нему не пройти, и опустила голову, решив, что они не смогут подъехать к трубоукладчику. Она не знала этих мест, а тем более дорог вокруг поселка. Ребята же сказали: «Забирайтесь, садитесь и поедem». Она забралась после них и села в кабину с краю у двери, так как совершенно не знала этих

ребят и остерегалась, чтобы не сыграли какую-либо «шутку», надеясь сразу выпрыгнуть в случае чего-то непредвиденного. Она была старше этих ребят лет на десять, но женский страх, это природное чувство не покидало ее, тем более что они поехали почему-то не к поселку, а от поселка. Анастасия тихо спросила, держась за ручку двери: «Почему поехали от поселка?». Ребята ответили, что поехали в объезд, а проезд под железной дорогой только в одном месте, после переезда повернут к поселку. Ответ ее несколько успокоил, оставалось только верить сидящим рядом молодым водителям.

«Кабина у этой машины очень высокая и передняя часть прямая, как у «КамАЗа», поэтому, когда спускались даже с небольшого холма, казалось, что сейчас вылетишь, если стекло не выдержит или машина перевернется». Возможно, потому так казалось, что ехала она в такой машине первый раз. «У меня не хватало смелости даже разговаривать, я была вся в напряжении: во-первых, поняла, что дорога не близка, а приближались сумерки; во вторых, рядом сидели два молодых, совершенно незнакомых человека, один был за рулем, другой, видимо, для замены; в-третьих, я не могла предугадать результата, а вся ответственность за технику была на мне», — рассказывала она и, казалось, переживала все заново. Наконец, проехали под железной дорогой и повернули к поселку, Анастасия повеселела и начала разговаривать. Ребята понимали ее состояние и заулыбались, говоря: «Не бойтесь, вытащим мы Ваш трубоукладчик, не впервой!» Так, уже более весело подъехали к месту происшествия.

Все вылезли из кабины, водители осмотрелись и спрашивают у водителя трубоукладчика: «У тебя есть трос?». Троса не оказалось, они пожурили молодого водителя и спрашивают Анастасию: «Что будем делать? Наш трос короткий, необходимо подъезжать близко к трубоукладчику, не далее чем полтора метра». Анастасия Павловна молчала. Это были не ее подчиненные, и приказать она не имела никакого права, а в данной опасной ситуации даже попросить. Если завязнет и эта техника, то уже нечем будет вытаскивать ни ту, ни другую. Сама она могла рисковать, а заставить рисковать других прав не имела, так тогда считала. Установилась тишина, молчал водитель трубоукладчика, молчали электромонтеры, молчали и ребята, приехавшие вытаскивать трубоукладчик. Анастасия ждала их решения, другого было не дано. И они решились, сказав: «Ну что ж, попробуем!»? Все испытывали огромное напряжение. Вдруг «Формос» быстро подъехал на

допускаемое его тросом расстояние к трубоукладчику, второй молодой человек из приехавших быстро зацепил трос, и водитель «Формоса» выдернул трубоукладчик на более сухое место. Они оказались профессионалами своего дела, и «Формос» сразу отъехал в безопасное сухое место, все облегченно вздохнули и заулыбались. Анастасия поблагодарила ребят и убедила взять двадцать пять рублей, все, что было в кармане на тот момент. Отпустить их без оплаты не могла, и другого способа их отблагодарить в тот момент не видела. Ребята уехали, Анастасия мысленно сказала им вслед: «Храни вас Бог».

Проводив ребят взглядом, повернулась к трубоукладчику, около него возился водитель, чувствовалось, что появилось еще какое-то препятствие. На вопрос, почему не выезжает к дороге, он ответил, что заклинило стрелу. Стало все понятно, он не может опустить стрелу, а впереди линия электропередачи, под которой нельзя проехать, не опустив стрелы, так как, коснувшись провода воздушной электрической линии, трубоукладчик может замкнуть электрическую цепь на себя, что смертельно для водителя трубоукладчика.

Наступал вечер, темнота, как туман, заволокла все вокруг, снова создалась критическая ситуация. Лучший вариант – отключить линию электропередачи, но с какой стороны можно отключить ВЛ-0,4 кв. (воздушная линия, напряжением 400 вольт или 0,4 киловольта), местные электромонтеры не знали, то есть неизвестно, в какую сторону надо шагать и далеко ли? Нумерация опор не ясная. Решили измерить, какая высота нужна для стрелы трубоукладчика, оказалось, что он может задеть нижний земляной провод, но если его поднять, отведя немного в сторону на 30 – 40 сантиметров, то трубоукладчик сможет проехать под линией электропередачи. Анастасия взяла ситуацию на себя: договорилась с водителем подъехавшего бортового «Урала», чтобы он подогнал автомашину под ЛЭП и оставил её. Она забралась в кузов, встала на доску-скамейку около кабины и багром подняла нижний провод на необходимую высоту, отведя его в сторону, чтобы не задеть фазный провод. Установилась напряженная тишина. Трубоукладчик очень медленно, как ей показалось, проехал под ЛЭП. И опять все вздохнули облегченно, напряженный, тяжелый рабочий день закончился.

Сколько их было, таких дней, и не только у Анастасии Павловны, а у многих и многих других больших и малых руководителей и у рядовых простых рабочих, работавших тогда первопроходцами, даже

при наличии проектов по строительству автодорог, линий электропередачи, линий электросвязи, мостов, трубопроводов, населенных пунктов среди нетронутой веками тайги! Приходилось преодолевать реки, озера, топкие болота. Об этом, конечно, кто-то из них обязательно расскажет. Работать же без проекта было во сто крат тяжелее и опаснее. Наконец, трубоукладчик своим ходом поехал в гараж и прибыл туда самым последним, вся техника уже стояла на своем месте.

Трудно было идти к руководству на следующий день. Анастасия не надеялась, что ей дадут технику, но не появиться после случившегося не могла. Пришла, извинилась, что задержали технику. А начальник промолвил: «Это не беда, главное, что она все-таки вернулась, но сегодня не можем дать, надо ее подремонтировать». Анастасия Павловна согласилась с доводами начальника и пошла к своей строящейся линии. Шла и думала, как же достроить линию связи, болото кончилось, далее можно работать снова на ГАЗ-66, но как ее доставлять на трассу, дорога была только для вездеходов, да и те часто застревали. Придя на трассу, отпустила электромонтеров на отдых, без техники делать было нечего, а сама пошла договариваться на завтра о выделении ГАЗ-66. Договорилась, оставался один вопрос, пройдет ли машина до места работы. Она понимала, что надеяться можно только на чудо, но верила, что выход найдется.

Новый день наступил тихо и незаметно, он не мог не наступить. Погода была пасмурной.

За ГАЗ-66 пришла сама, поехали на место работы. На общей дороге, как и предполагала, в том месте, где было болото, машина застряла, зацепиться было не за что, пришлось ждать более мощную технику. Анастасия даже не могла выйти из кабины, вода доходила до ступени. Через некоторое время появился вездеход, он шел по своим делам. Водитель вездехода пытался помочь, но вытащить машину не смог, а только перевез Анастасию на сухое место. Она поднялась на высокую насыпь уже построенного железнодорожного полотна, осмотрелась и стала ждать другой транспорт, который бы смог перетащить автомашину. Вскоре появился «Кировец» (К-700), она спустилась к нему, остановила и упростила водителя за минимальную плату вытащить машину и перевезти к месту работы. Водитель согласился и перетащил автомашину через гиблое место. Сообразив, что это прекрасный вариант, Анастасия договорилась с водителем «Кировца» о выполнении такой же работы два раза в день, утром и вечером, на все

необходимые для окончания строительства дни. Вариант доставки ГАЗ-66 на трассу был найден.

С ГАЗ-66, да на сухом месте, работа пошла быстрее и веселее, а главное, согласно техническим нормам и правилам. К концу рабочего дня подошел К-700 и перетащил автомашину через опасное место, и она вернулась в свой гараж. Безусловно, ГАЗ-66 с бурильной установкой и лебедкой и К-700 для перевозки этой машины по бездорожью был лучшим вариантом работы, линию связи достроили очень быстро. После подвески телефонного кабеля появилась необходимая связь между поселками строителей и железнодорожников и, соответственно, с выходом на город Сургут, а далее на большую землю – Союз Советских Социалистических Республик.

«Интересно отметить то, что чем труднее возникала ситуация, которую приходилось преодолевать, тем смелее и увереннее берешься за новое дело», – вспоминала Анастасия Павловна. Но, откровенно сказать, она не для примера рассказывала эти памятные факты, а для того, чтобы их кому-то удалось избежать. Все виды строительства требуется выполнять по проекту и оплачивать согласно расчетной смете. Но тогда всё объяснялось срочностью, необходима линия связи как воздух, и отказаться ее строить она не могла.

«Не знаю, что тогда всеми нами руководило, но долго не рассуждали, а делали то, что требовало начальство, время и обстоятельства на данный момент, несмотря на погоду, природные условия, возникавшие непредвиденные трудности. Теперь всё это осталось в прошлом, но память об отзывчивых, прекрасных людях сохранилась навсегда и не только память, а глубокая благодарность и радость, что рядом были такие люди», – закончила Анастасия.

КОРОТКИЕ СЮЖЕТЫ

Здесь же в памяти возникло еще несколько острых сюжетов.

С увеличением населения в строящемся городе Сургуте росли и почтовые отправления. В город ежедневно поступало минимум три,

четыре тысячи посылок, где были теплые вещи и продукты, южане подкармливали своих родственников. Из Сургута посылок шло не менее. Снабжение города было хорошее, товары разные и нужные, купить было на что, и их отправляли родственникам. На железнодорожной станции ни места, ни времени не давали для длительной разгрузки и погрузки почтовых вагонов, и с посылками был сплошной завал. Пришлось начальнику районного узла связи Скибину Александру Яковлевичу решать вопросы строительства складов для страхового участка, куда можно будет выгружать посылки и другие почтовые отправления из почтовых вагонов. Проект строительства здания выполнялся Тюменским областным управлением связи, ими же и финансировался. Но для того, чтобы почтовые вагоны подгонять к складам для их разгрузки и погрузки, требовалось построить железнодорожный тупик.

Железнодорожники не допускали строительства тупиков без проекта. Для оперативности проектирования нужно было срочно подготовить исходные данные.

Эту работу начальник поручил Анастасии Павловне, несмотря на то, что она несла полную ответственность за электрическую связь. Но ввиду того, что трасса железнодорожного тупика пересекала электрические кабели, линии связи, коммунальные инженерные сети и требовалось получить согласования от хозяев этих инженерных сетей, начальник решил, что эту работу успешнее выполнит главный инженер. Он был прав, в городе она справилась с этой работой быстро и профессионально. Далее надо было получить согласование трассы железнодорожного тупика в Управлении Свердловской железной дороги, и она поехала в Свердловск (ныне Екатеринбург). Все документы были в одном экземпляре, и она берегла их как зеницу ока. В Управлении железной дороги согласование получила быстро, но документы ей не отдали, говоря, что один экземпляр должен остаться в Управлении. Анастасия попросила размножить и оставить себе экземпляр, но ей грубо отказали, заявив: «У нас множительная техника постоянно занята». На грубость у нее ответов не было, да и с хозяевами не поспоришь. Тогда попросила вернуть ей согласованный экземпляр, чтобы она сама размножила. Вернули.

Вышла на улицу и остановилась. Куда идти – представления не имела, города не знала, где какие институты или нужные ей предприятия, неизвестно. Идет и смотрит по сторонам, читает таблички. Сколь-

ко времени шла, не знала, время в данный момент ее не интересовало, но твердо знала, что если сегодня не найдет нужное заведение, то будет ходить завтра и так далее, до тех пор, пока не размножит свои документы. И опять можно сказать, что когда очень хочешь сделать нужное дело, удача будет тебе сопутствовать. В этот же день, на той же улице, по которой шла, увидела табличку «Научно-исследовательский институт». Остановилась около этого здания и, собравшись с духом, вошла в ворота ограды. Дежурный у входа потребовал пропуск. Объяснила, что идет к начальнику. После звонка дежурного к начальнику ее пропустили. Зайдя в кабинет, представилась и объяснила ситуацию, сказав: «Если имеете множительную технику, помогите размножить, всего один экземпляр». В те времена эта техника была редкостью, лично сама Анастасия ее и в глаза ещё не видела.

Про нефтяной край знали все, и многим хотелось помочь в решении его вопросов. Поэтому начальник, позвонив кому надо, сказал, чтобы сделали один экземпляр, затем объяснил ей, куда и к кому подойти. Анастасия решила купить шоколадку и упросить исполнителя сделать два экземпляра, мало ли еще кому понадобится, да и ее организации надо иметь у себя копию, оригинал-то передается проектной организации. Все так и получилось, и она, счастливая, ушла из этого института, поблагодарив начальника перед уходом. Так что и в городе можно было найти людей, готовых выполнить, исходя из своих возможностей, необходимую для нефтяного края работу, в этом она убедилась. Передав один размноженный экземпляр Управлению железной дороги, отвезла документы – исходные данные в проектный институт города Новосибирска, где оперативно выполнили проект.

С помощью Тюменского областного управления связи начальник Сургутского районного узла связи Скибин В. Я. оперативно построил здание страхового участка и железнодорожный тупик, теперь почтовые вагоны подгоняли прямо к зданию страхового участка и спокойно выгружали и загружали. Но после сортировки почтовую корреспонденцию надо было развозить автомашинами по почтовым отделениям связи города – ближе к их получателям. В сухую погоду это не составляло особого труда, а если пройдет дождь, то возникали большие трудности даже для автомашины «Урал».

Финансировали, как всегда, сами объекты: железнодорожный тупик и здание страхового участка, а подъезд к нему – автодорогу оставили, что, мол, сделают за счет эксплуатации, то есть опять хо-

зайственным способом. А это было нелегко, расходов всегда много, и автодорога к зданию страхового участка никуда не годилась, и мощные грузовые автомашины «Урал» вязли, а шофера постоянно жаловались. Так получилось, что начальник выехал в командировку, а машины опять завязли, и Анастасии Павловне пришлось подключиться, чтобы их вытащить.

Она решила засыпать песком эту опасную низину. Но найти самосвалы также было трудно. Все они постоянно были заняты на отсыпке дорог, проездов, мостов, строившихся домов и предприятий. Разговаривая с руководителями автобаз о выделении хотя бы по одному самосвалу, узнала, что в автобазу МС-11 (Мостострой-11) подошли новые самосвалы «Татра». Решила попросить самосвалы на день, а может, на два для засыпки болотистого места на дороге. В будние дни самосвалы были заняты – хватало своей работы, а на субботу руководство пообещало выделить семь самосвалов, если водители согласятся поработать. Значит, и Анастасии необходимо было работать в субботу, что приходилось тогда часто делать и в воскресенье практически всем руководителям предприятий, да и представителям власти тоже. С другой стороны, начав дело, стремилась доводить его до конца, чтобы потом некого было упрекать, если что-то сорвется.

С водителями договорилась, договорилась и с руководством ближнего карьера по разработке и погрузке песка также на субботу.

Подошла суббота, она поехала за самосвалами. На семи новеньких «Татрах» выехали молодые водители, недавно отслужившие в армии и приехавшие работать в нефтяной край. Они выстроили свои яркие, оранжевого цвета, самосвалы в один ряд, как на показ. Сами водители, высунувшись в боковое окно кабины, улыбались, и на фоне машин создавали яркую, памятную картину. Прекрасная армада, водители полностью соответствовала своим новым машинам и ждали назначения. Анастасия Павловна порадовалась и улыбкой поддержала их парад, затем объяснила, что необходимо сделать, где карьер песка, где дорога, которую надо отсыпать, и все разъехались. Анастасия поехала на место отсыпки и ждала эти самосвалы, но уже с песком.

Вскоре самосвалы появились и начали засыпать гиблое место на дороге. Анастасия стояла рядом с табельщицей, которая отмечала номера машин, возивших песок. По истечении времени

она жалела, что не было рядом кинокамеры. Работа тех молодых солдат-водителей заслуживала того, чтобы ее показать людям, и крупным планом. Но тогда ей было не до этого, и мысли даже такой не возникло.

Наблюдая за отсыпкой дороги, она просто радовалась их слаженной и красивой работе. Автомашины с песком и без песка шли на скорости, следуя друг за другом, но допустимую дистанцию соблюдали строго, выгружались аккуратно, последовательно и быстро уезжали за новой порцией песка. При выезде не мешали въезду другого самосвала. Если один из самосвалов проваливался в болотной грязи, то едущий следом подъезжал и быстро вытаскивал его. При этом водитель ли завязшего самосвала быстро выскакивал из кабины и цеплял трос к своему самосвалу, или водитель следующего за ним самосвала выскакивал и подцеплял трос, спора не было, ребята быстро и точно оценивали ситуацию, определяясь, кому быстрее, и вытаскивали завязший самосвал. Они не задумывались над тем, кто вперед, а думали о том, как быстрее устранить сдерживающие работу обстоятельства.

Все это делалось без шума, без гама и без всякой матерщины. «Как они работали, как красиво они работали! – вспоминая, повторяла она несколько раз. – Залобуешься, дружно, весело, с каким-то, только для них известным азартом!»

Замечательные были водители, молодые, жизнерадостные, учились работать на отлично, и новые, красивые самосвалы «Татра» способствовали этому. Она радовалась добросовестной и оперативной работе молодых людей; в этот же день пятьсот метров дороги было отсыпано. В понедельник Анастасия Павловна специально приехала к начальнику автобазы – МС-11, чтобы поблагодарить, и сказала: «Да у вас не ребята, а орлы, с ними можно горы свернуть, берегите их!» И порадовалась вместе с их руководством за таких прекрасных, трудолюбивых и дисциплинированных ребят; их отношение к работе и для нее было свежим глотком воздуха при выполнении своей работы.

«Господи, помоги этим молодым людям не потерять себя в этой жизни», – так думала она в то далекое время, так думает и теперь.

КРАЖА

Разное было в жизни Анастасии Павловны: одному радовалась от всей души, от другого печалилась. Испытывала боль за тех, кто не хотел или не мог по каким-то неизвестным, но явно не оправданным причинам жить за счет собственного труда. Они, идя на риск, желали разбогатеть сразу, отобрав материальные ценности у других, и жить роскошно за счет труда других. И в советское время были такие люди, несмотря на то, что работой обеспечивали всех. Кража есть воровство, или наоборот, но в Законе Божьем написано так: «Под воровством понимается кража, то есть присвоение каким бы то ни было образом того, что принадлежит другим».

В данном случае речь идет о почтовых переводах, за сохранность которых государство (в первую очередь работники почтовой связи) тогда несло полную ответственность до вручения их получателю. За тяжелую работу в нефтяном крае платили хорошо. Самому хватало прожить, и была возможность помочь своим родным и близким; переводов в то время было много. А как уже говорилось выше, дорог не было, кроме зимних дорог. В остальное время года автомобильным транспортом добраться из города до отделений связи в сельских населенных пунктах не было никакой возможности, поэтому использовался водный транспорт. Да и населенные пункты в нефтяном крае располагались больше на берегах рек, в летнее время к ним легче было подплыть. Поэтому почтовые катера курсировали постоянно из города Сургута к поселкам и обратно, возили посылки, почтовые отправления и если небольшие суммы, то и почтовые переводы – деньги; если суммы приличные, заказывался вертолет, и деньги в специальной денежной сумке отправлялись специальным рейсом – вертолетом и обязательно с охраной.

Капитан одного из катеров работал уже восьмой год на почтовых трассах, работал отлично и пользовался полным доверием руководства. Он имел семью: жену и двоих детей и считался хорошим семьянином. Вдруг около него появилась неизвестная никому из его знакомых женщина по имени Людмила; ее повышенное внимание к нему, постоянная готовность угодить привлекли его. Людмила была женственна, обаятельна, и капитан не устоял. Она все больше ему нравилась. Когда Людмила предложила взять ее поваром на катер, чтобы быть вместе, и не стала требовать, чтобы он оставил семью, капитан

согласился. И стал капитан жить двойной жизнью, это ему даже нравилось, только иногда что-то там, в душе, скребло, видимо, совесть задевала за живое, но тут появлялась новая подруга, и все исчезало. Сколько бы это продолжалось, неизвестно, тайна двоеженства хорошо сохранялась, жена не подозревала.

В один из рейсов вместе с посылками была отправлена сумка с деньгами (советскими деньгами в сумме шестнадцать тысяч рублей). Как всегда, когда катер пришел в Сургут, его встретила почтовая автомашина. Операторы страховой службы сдали для отправки почтовую корреспонденцию и начали получать привезенную. Приняв документы на сумку с деньгами, расписались в получении и хотели сразу отнести ее в свою автомашину, но зашла Людмила, она передала документы на посылки и попросила побыстрее разгрузить катер. Выгружали из катера в автомашину, как обычно, цепочкой, операторы при этом пересчитывали посылки. Посылок и почтовой корреспонденции оказалось много; загрузив машину, операторы устали и быстро уехали, а катер повез полученную корреспонденцию в поселки.

Приехав на страховой участок и сдавая почтовую корреспонденцию, выгруженную из катера, операторы обнаружили пропажу сумки с деньгами, но где она пропала, сказать не могли. Больше всего боялись, что при перегрузке из катера в автомашину, но, с другой стороны надеялись, что не взяли с катера, и тогда капитан привезет ее, вернувшись через три дня в город. Второе исключило все другие варианты, стали ждать капитана и решили начальству не докладывать.

Начальник в это время был в командировке, приехал на второй день после происшествия, которое бы ранее и не посчитали происшествием, так как, придя из очередного рейса, капитан обязательно бы вернул мешок, и начальство даже не узнало бы об ничем неоправданной оплошности своих работников, такие случаи бывали ранее.

В этот раз все было по-другому.

Катер пришел, как обычно, через три дня, его встретили. Сразу спросили о сумке с деньгами. Капитан удивился вопросу и спокойно сказал: «Вы же расписались в получении и забрали ее, у меня лишнего ничего нет». Операторы вместе с начальником смены, которая приехала с ними, понимая серьезность положения, расстроились. Обме-

явившись почтой с катером, виновники решили доложить руководству о пропаже, где искать, они даже не представляли; место прежней перегрузки они осмотрели до этого уже несколько раз, но ничего не нашли. Такая пропажа грозила уголовной ответственностью начальнику смены и операторам с возмещением утерянного, а начальнику в самом лучшем случае увольнением с предупреждением.

Доложив начальнику, операторы надеялись продолжать работу. Но начальник отстранил их от работы, попросив никуда не уезжать и быть дома. Он дождался прибытия злополучного катера, сам переговорил с капитаном, в которого верил, но тот твердил свое, что операторы забрали сумку, иначе они бы не расписались. Начальник районного узла связи (РУС) Скибин Владимир Яковлевич задержал катер, несмотря на то, что почтовая корреспонденция могла быстро накопиться. Придя в свой кабинет, он вызвал Анастасию Павловну, что делал очень редко, и рассказал о случившемся, закончив свое сообщение вопросом: «Доложить милиции или самим начать поиск и разобраться?» Тяжелый вопрос, опасный, прежде всего для начальника, так как, если он сам найдет, то все может пройти незамеченным, а если милиция, то ему наказания не избежать. Но прошла уже неделя после пропажи сумки с деньгами, а проводимые поиски ничего не дали. Время в такой ситуации решало все, а значит, требовало более оперативных действий. И было принято решение – сообщить в милицию, так как главным посчитали возвращение сумки с деньгами государству, тогда и наказание будет гораздо легче. Александр Яковлевич поехал в милицию. Теперь с капитаном разговаривал начальник милиции, учинив ему строгий допрос, и капитан не выдержал. Он сознался, что сумка с деньгами осталась на катере, а затем рассказал все, как было.

Александр Яковлевич, заскочив на ходу в кабинет, вызвал Анастасию Павловну и сообщил: «Нашли, летим вертолетом с милицией и капитаном на место, где спрятана сумка!» – и быстро уехал.

На следующий день все стало ясно, сумку с деньгами нашли запрятанной в земле на одной из береговых гор по трассе прохождения катера. Она была не открыта, видимо, надеялись переждать суматоху – ее поиск. Сумку с деньгами вернули в Государственный банк, сумма соответствовала квитанции, в которой расписались операторы.

Кража была раскрыта, деньги доставили получателям, все радовались и уже меньше боялись возможного наказания. Для себя сделали вывод о том, что если их уволят с работы, то все будет законно, и они уже сами не пойдут на работу, связанную с материальными ценностями.

Капитана судили, ему дали восемь лет лишения свободы. На суде выяснилось следующее: в рубке при передаче сумки с деньгами и других документов оказалась подруга капитана, что по правилам не допускалось и на что операторы не обратили внимания. Она заговорила с ними и стала задавать какие-то вопросы. Как только операторы расписались за сумку с деньгами, им быстро подали другие рабочие документы и попросили побыстрее разгрузить катер. Операторы вышли из рубки капитана и взялись за разгрузку, забыв про сумку с деньгами, которая осталась в рубке. Выяснилось также, что подруга капитана была ранее судима за подобные мошеннические дела. Она вновь понесла наказание, и все встало на свои места.

А семья капитана пострадала вдвойне, потеряв примерного раннее отца и мужа и одновременно кормильца семьи.

Это событие потрясло Анастасию, она также считала капитана порядочным и ответственным за порученное дело человеком, а все получилось иначе. Капитан оказался слабым человеком, так как легко поддавался влиянию, а может, захотелось пожить на широкую ногу. Но как говорится, от чужого добра (имущества, денег) не жди добра. В семье Анастасии с этим было строго, родители всегда напоминали: «Чужое – это не твое, и брать чужое нельзя ни под каким предлогом». Ее мать просила ничего не покупать с рук, говоря: «А вдруг это ворованное». Слышала от людей, что есть воры, но самой не приходилось их встречать, и как-то все проходило мимо. Здесь же все – и воровство, и наказание прошло перед глазами. «Лучше бы такой ситуации не знать и не видеть», – вспоминала впоследствии. Испокон веков доказывают, что воровство не принесет добра воруящему, а оно все не исчезает.

Предупреждают нас и русские пословицы: чужим богат не будешь; не трогай чужого, своего не будет. Может, грубовато, но даже и так: на чужой каравай рот не разевай.

Очень хорошо на эту тему сказал поэт Г. Р. Державин еще в 1798 году. Его слова и сегодня считаем полностью актуальными и подерживаем:

Живи и жить давай другим,
Но только не за счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого;
Вот правила, стезя прямая
Для счастья каждого и всех.
Яснее, наверное, не скажешь, лучшее — это исполнение этих слов.

ЭНЕРГЕТИКА ЖИЗНИ

*Энергия для жизни нам дана,
И попусту ее не трать.
Энергия для созидания нужна,
Умей использовать ее и сберечь.*

Это был день приема граждан по личным вопросам. Так было принято в советское время, когда один раз в неделю руководители предприятий, главные инженеры и заместители руководителя должны были принимать всех граждан, в том числе и работников своего предприятия по личным вопросам или просьбам. Анастасия Павловна работала главным инженером.

В этот день посетителей было много, даже собралась очередь. После выхода предпоследнего посетителя возникла пауза, никто не входил. Анастасия встала из-за стола и пошла к выходу, чтобы убедиться, что в приемной никого нет. Но не успела еще подойти к двери, как вошла дама среднего возраста. Анастасия остановилась и спросила: «А Вы по какому вопросу?» Дама смотрела и улыбалась, а затем сказала: «А я ни по какому! Вы меня не узнаете? Помните станцию Тягун, Машу и ее сестру?» Анастасия поняла, что пришел очень близкий человек, из далеких школьных лет и назвала имя: «Рая?» Она ответила: «Да, это я!»

— Рая, милая, сколько же лет мы не виделись?

— 25 лет и снова рядом, только я не одна, у меня муж и трое детей; пойдём-ка домой поскорей. Тебя дома не застать, вот и пришлось мне в очереди отстоять. Как я рада встрече с тобой! О тебе все знаю от мамы твоей, о себе чуть позже, тут будет пострашней. Она говорила и говорила, Анастасия только слушала. Немного поясню.

В те школьные дни Настя и Рая в соседях росли, и друг о друге все знали они. Настя с песней делала домашние дела, Рая в песне не очень смелой была. Но от Насти, как она говорит, научилась петь и стала на жизнь веселее смотреть. Настины песни всегда напевала и помнила лучше, чем сама Настя, что при встрече ей доказала.

Трудолюбивой и свободолюбивой Рая была, радость в учебе находила и потихоньку росла. Любила лыжи и бегала на них отлично; выполнила норму мастера спорта, а в спорт почему-то не пошла, но силы и здоровье от него приобрела.

Настя на два года старше была, и Рая за советами к ней шла. Даже свою любовь ей доверяла, которой радовалась и боялась. Настя же, слушая, молчала и про Геннадия, ее друга и одноклассника, также все знала.

Он часто к дому прибегал, но не стучал и не кричал, а просто ждал: быть может, выглянет в окно, или выйдет за дровами, а может, поиграть снежками. Не знал он, что от нее ждать, она на выдумки смела; смела, чтоб их же исполнять. А может, за водой пойдет, он встретит, рядом с ней пройдет; довольный, убежит, а завтра новой встречи ждет. Он без нее и дня прожить не мог, как только выучит урок, стремился к ней, во что бы то ни стало, хоть на минутку, хоть на пять минут, чтобы в ее глаза тихонько заглянуть. Но Рая и значения тому не придавала. Она сердилась и, смеясь, ворчала и даже часто прогоняла. Просила Настю убедить его, чтоб не ходил, и не смотрел в окно; ее не ждал, не мерз и не страдал. Просила также выйти и сказать, что Раю он не должен ждать, что пусть идет себе, гуляет и впредь ее не замечает.

Но Настя отвечала: «Нет, я не могу пред ним держать ответ. Тем более категорично приказать, я не хочу за вас решать. Геннадий знает сам, кого любить, о ком страдать. Я вашей дружбе не помеха. К тебе он ходит, я здесь не при чем, поговорим о чем-нибудь другом». И Настя тому ту меняла, а Рая, о своем мечтая, убегала.

Так, смеясь и бранясь лукаво, Рая с Генной дружили и радость обоюдную в той дружбе находили. А школьные дни текли все быст-

Настя и Рая

рей, им школу окончить хотелось скорей. Но Настя окончила ранее и уехала в город учиться далее. Вскоре получила специальность, а на место работы направление и уехала еще дальше по назначению. Кажется, что они расстались навсегда, и пробежали те года, когда росли и жили в одном доме и одном подъезде (где по очереди мыли полы), радуясь юности жизни и не чувствуя больших забот.

И вот она – встреча через четверть века. Двадцать пять лет назад судьба их развела и каждому свое преподнесла. Они, как дети, обрадовались этой встрече. Но Раин жизненный рассказ Настю потряс.

Геннадий и после школы Раю не забыл, лишь армию он отслужил и к ней явился. В солдатской форме был хорош, пригож, но Рая сомневалась и снова к девушкам другим его все отправляла. Мол, посмотри-ка ты, мой друг, сколько девчат красивее меня вокруг. А он твердил ей все одно: «Ты мне нужна одна, и никакая другая тебя не заменит. О том, прошу, не говори и впредь меня ты не гони, а лучше приласкай и обними. Готовься к свадьбе, а не отвлекайся на сомненья. Судьба у нас одна, одно должно быть и решение».

Недолго после армии встречались и очень скоро обвенчались.

Матери его не по нраву пришлось, но он просил того не замечать, она не будет тебя огорчать. Надеюсь, что ближе познакомившись с тобой, ее неприязнь уйдет сама собой.

И все-таки, хоть было нелегко, решили вдруг уехать далеко. Геннадию работу предложили в Казахстане, отказываться они не стали.

Очень быстро собрались и в Казахстан далекий подались. Там жизнь зависела только от них самих, и это окрыляло их. Ни работы, ни трудностей быта они не боялись, быть может, просто не замечали. Очень долго ждали, чтобы жить вместе, вдвоем, им не хотелось думать больше ни о чем.

Это были самые счастливые дни, сильно друг друга любили они. «Ругаться не было причин, где он, там я, где я, там он все время рядом был», – вспоминала Рая. И дети пошли один за другим, но грусти им не приносили, все счастливые в семье этой были. Первый сын, затем две дочери, одна за другой, шесть лет радости семейной, да еще какой!

Но мать звала сына домой, мол, тяжело ей жить одной. Решили в его город возвратиться и на мать никогда не сердиться. По домам раздельно жить, но стараться с ней дружить.

Ей надо было помогать: дом ремонтировать (он старым стал, как его мать), весной землю вскопать, посадить картошку и овощей немножко, летом полоть огород, окучивать и поливать, а осенью урожай собирать. Нянчиться с его детьми мать не могла, возможно, не хотела, а Геннадий брался за любое дело и в доме матери, и в доме своем, ему казалось все нипочем. У Раи семья – дети малые, хлопот хватало, но мужу, как могла, так помогала. Не надолго его хватило, здоровье, видно, слабое было. А тут еще пришла беда, которая убила навсегда. Но об этом немного позднее, расскажем все по порядку, чтоб было яснее.

Дети немного подросли и в садик все втроем пошли. Рая сразу вышла на работу, не создавая себе заботы. Куда и как, не тяжело ли? Она не искала легкой работы. Так попала на завод ЖБИ, изготавливающий железобетонные конструкции. И побежали рабочие дни, семейной заботой все скреплены.

Деньги тратили на детей, их хотелось одеть красивей. Чтобы были не хуже других, вся надежда и любовь продолжалась в них.

Рабочий день начался, как обычно. Рая, песню мурлыча, по цеху шла, она всегда полна энергии была. Кран, как обычно, нес железобетонную плиту в две тонны. Внезапно одна петля оборвалась. Плита та с крана сорвалась и очень быстро подалась в ту сторону, где Рая проходила. Как все это ужасно было, ведь тяжестью своей ее к стене плита та придавила, все тазовые кости раздробив, сломав и кожу с мясом на боку содрав. Всех ужас охватил, кто это увидал.

Она ж сознание не теряла и не упала, пока ее плита держала. Здесь суматоха, крики – звали помогать, чтобы скорей плиту с нее убрать. Рая как будто бы стояла и, онемев в тот миг, молчала.

Врачи, коллеги по работе прибежали, от ужаса дар речи потеряли. И даже не сумели ей сказать, чтобы она не смела к ним шагать. Они уже, как видно, не могли предположить, что человек живой и хочет жить.

Когда плиту убрали, она попытку сделала шагнуть, но тут же и упала, но сознание и здесь не потеряла. Давление было 30/50, она на все вопросы отвечала. Ее в больницу привезли и сразу на операционный стол занесли. Врачи не долго совещались и быстро за работу взялись. Где и что надо, под наркозом все зашили, все кости, как могли, соединили, гипс прилежно наложили, бинтами всю ее скрутили и уложили на специальную кровать, где дали ей возможность выживать. Уколы ставили не менее пяти раз ежедневно. Три литра крови влили постепенно, и многое, что нужно для жизни непременно.

Врачи, что считали необходимым, все делали, что выживет, не верили. Главный врач сказал: "Родственников не пускать, чтоб ее видом не испугать". Рая это вскоре поняла и врача при осмотре к себе позвала: "Прошу Вас, пустите ко мне мать, мне необходимо ее увидеть". Врач не смог ей отказать и разрешил ее позвать. А мать в приемной целый день сидела, но не ругалась, а ждала, когда же разрешат ей к дочери пройти, и, наконец, предложили на пять минут войти.

Она к кровати подходила и очень громко говорила: «Я не плачу, и ты не плачь, надо силы собирать». А к кровати подошла, белу простынь подняла, Раю за ноги щипнула и на доченьку взглянула. Рая вскрикнула тихонько и сказала: «Мама, больно!» – «Это я и хотела знать», – тихо отвечала мать. «Надо же понять, чего нам ожидать, – продолжала она думать, а громко сказала: – Теперь я знаю, ты будешь жить, не очень скоро, но будешь ходить!» Улыбнулась Рае, поклонилась медперсоналу и пошла к выходу. На ходу проговорила: «Поскорей забудь, что было, от врачей не отступай, все советы принимай. За детьми я пригляжу и тебе их покажу».

Это был 1970 год, матери исполнилось семьдесят лет, Рая самой младшенькой у нее была. Муж погиб на фронте, мать осталась одна и семеро детей, всех подняла, воспитала она. Будучи крестьянкой, она всех детей с детства приучала к крестьянскому труду. Семья не в роскоши жила, но то, что имела, трудом нажила. Так что Раино детство прошло в селе и в труде.

Прошло еще несколько дней, впустили мужа и детей. Ей уже давно казалось, что вечность с ними не видалась. В незнакомой палате семья выстроилась вдали от кровати. Дочки, два и четыре года, к

своему отцу прижались, его за руки крепко держали. Сын шестилетний рядом стоял, казалось, что подросток и взрослым стал.

Дети смотрели на родную мать, и трудно было им понять, почему она лежит, к ним навстречу не бежит, не целует, не милует, ничего не говорит, а с улыбкою все смотрит, всю печаль в глазах сокрыв. Дети словно хотели сказать: «Мы же здесь с тобою вместе, мама, не лежи на месте, встань и с нами поиграй и верни нам прежний рай!»

Мать улыбкой отвечала и глазами чуть мигала. Врачи, медсестры подошли, на полную семью взглянули, не удержались и всплакнули. Их нежность взглядов поразила и то молчание, что больше слов об их любви взаимной говорило.

Чужих никто и не заметил, взгляд детей и мамы светел. Его никто не мог затмить, но пора им уходить. Об этом медсестра сказала, остальные отошли и в раздумьи побрели. А дети смотрели матери в лицо, она улыбалась — для них было все. Но удержаться долго не могла, отвернувшись, прилегла, слезу смахнуть решила и вдруг заговорила: «Скоро будем снова вместе, вас люблю я, как и прежде. Ради вас я буду жить, но пора вам уходить. Всех целую крепко, крепко, берегите папу, детки, а также друг друга не обижайте и друг другу во всем помогайте». Гена нежно вторил ей: «Береги себя, Раяушка, без тебя нам очень трудно».

Это свиданье прошло как в сладком сне. И Рая осталась одна, сама с собой, а дети за отцом пошли гурьбой.

Геннадий у врачей хотел хоть что-нибудь узнать, они же не знали, что ему сказать. Твердили лишь одно: «Надо надеяться и ждать». Одна лишь мысль врачам покоя не давала, в таком состоянии все умирали.

А Рая верила, что будет жить, ей же детей надо растить. Лечение строго принимала, терпела все и даже не стонала. Врач удивлялся на нее, она частенько тихо напевала. Ее упорство выжить, ее стремление жить ему помогали ее лечить.

А время шло, кости срастались, были и смещения, мешавшие движению. Врач промолвил: «Пришло время работать, надо суставы ног тебе разработать, для этого периодически крути ногами, как будто едешь на велосипеде, но не исключай другие способы движения, пока на кровати, в одном положении». Сняли груз, и началась работа до слез и пота. Днем Рая стеснялась и слабой казалась, к ночи силы собирала. А ночью себя не жалела, ногами крутила смело, плакала от боли и потела. Слез ее не видали, но медсестры

это предполагали. К утру она бессильно лежала. Днем снова отдых, ночью непосильный труд, и только мысли о семье ей силы новые дают. Прошло полгода в работе до пота, и ноги стали подчиняться, а Рая чаще улыбаться.

И вскоре принесли костыли. Рая с кровати поднялась, на костыли те оперлась, с поддержкой медсестры тихонько пошла, но в первый раз быстро устала. Присела на кровать, чтоб отдохнуть, и про себя сказала: «Учись ходить, коль хочешь жить», — и снова пошла. Это был самый счастливый день за прошедшие полгода. Много радости этот день принес, пришла семья, порадовались вместе. Все улыбались, а дети, поняв счастливый день своей душой, даже сплелись, и вновь расстались, но уже не надолго.

Еще на костылях Рая плохо ходила, а ее домой отпустили. Ее выписали с наставлениями для обязательного исполнения. Врачи и медперсонал радовались и даже гордились, что Раю вылечили и домой отпустили. Да, благодарности большой врачи те заслужили, они вернули детям мать, а мужу любимую жену возвратили.

Рая и сама поверить не могла, что снова в дом к семье пришла. От больничной палаты устала, но врачам навсегда благодарной осталась. Она соскучилась по домашним делам, за них быстрее и взялась. Где ползком, где на костылях чистоту в доме навела, обед сама сварила (при этом чистила картошку и овощи, лежа на полу), детей и мужа дождалась, блинами угостила. Встреча счастливою прошла, ну а потом дела, дела и по-прежнему борьба за выживание, Рая очень слабой еще была. Полгода на стуле не сидела, и она начала тренировки своего тела, чтобы на стуле сидеть научиться, здесь нельзя было торопиться. С домашними делами справлялась, но никто не знал, как это ей давалось. Главное, что вся семья вместе, все любимы, а значит, счастье возвратимо.

Но муж серьезно заболел, о чем и знать-то не хотел; о себе последнее время он не вспоминал. О Рае, о детях, все мысли о них, брался за любую тяжелую работу, а тяжести не замечал. Так язва желудка в рак переросла, и жить им вместе недолго дала.

Рая на костылях еще ходила (прошло три года после несчастного случая с ней), когда любимого мужа похоронила. Осталась одна и трое детей (им девять, семь и пять лет было); работать не могла, на пособие по инвалидности тогда семья жила, которого явно ни на что не хватало. Тогда-то ей предложили детей в приют отдать, о чем она

не любит вспоминать. «Я быстрой бы умерла, чем в приют их отдала», — говорила она, переживая то время. Но власти все же помогали: в школе за обед платили, детей обували и одевали. А Рая продолжала тренировки своего тела и ног, теперь она на самом деле училась ездить на велосипеде. И научилась, тогда она костыли в сторону отставила, а свои ноги ходить заставила. Как только почувствовала в ногах опору, сразу работу себе нашла и в школу мыть полы пошла. Сын постарше дочек был, вместе с матерью их мыл. Затем огород завели, стали жить сытнее. Дети потихоньку подрастали и все больше матери помогали.

Раиса Гавриловна с внучкой

А здесь и мужчина появился, он от своей семьи отделился. Жена гуляла от него, он этого не смог простить и начал одиноко жить. Он веру в женщин потерял и от того один страдал. Кто-то на Раю показал, мол, эта не изменит, уж очень сильно в семью верит. Живет с детьми одна, без мужа, хотя, конечно, он ей нужен. Живут весело, дружно, спокойно и заслуживают жить достойно.

И Михаил решился сделать ей предложение — жить вместе и детей растить вместе, без всякого о прошлом сожаления. Рая сначала удивилась, но через какое-то время согласилась. «И снова стала полная семья, он всех детей любил, как я», — позднее она вспоминала. Не сразу, а со временем и дети отцом стали называть, он радовался и пытался это звание оправдать. Раиса быстрой начала поправляться, те-

перь было на кого опираться. Инвалидность даже сняли. Михаил строил кирпичные дома, она ему помогала. Так вместе на стройке и работу нашли, пока дети подросли. Затем Раиса устроилась на более легкую работу; травма давала о себе знать, теперь и дети решили ее оберегать. Но тренировок не оставляла, зимой на лыжах бегать стала. В зимнем многоборье вместе с молодыми принимала участие. Ей было 42 года, и даже в 46 лет она призовые места занимала. Вот это да!

Никто и подумать не мог, какие физические страдания она сумела преодолеть, но духом не упала, ее жизненная энергетика все-сильной оказалась. Да, она ее беречь могла, чтобы на жизнь хватило, все в ее силах было. По жизни легко и свободно шагала, а иногда, казалось, что летала. Она на самом деле очень быстро ходила, иногда и бегом могла пробежать, надеясь, что не будут за это осуждать. Целеустремленная натура наша Рая, того совсем не замечая, всего, чего хотела, от жизни добивалась. Нам казалось, что выживала, она считала, что жила. Такая наша Рая – всегда в движении, всегда весела, всегда с песней задорной жила. Всегда бодра, добра, всегда спокойна и смела.

Геннадий для нее остался не показной драгоценностью, которую только при Насте открывала; с нею о нем могла говорить, и Настя ее понимала. Но при этом разговоре часто затихнет, помолчит, с улыбкой какой-нибудь эпизод их жизни вспоминая. Для нее он был лучом света всю жизнь, продолжением его лучей считала детей, которых любила себя сильнее. Труд уважала, какой бы ни был, все переносила: все детям, все для детей, детьми жила, детьми дышала. Им лучшее, им повкусней, себе лишь то, что оставалось.

Дети росли, годы бежали. Дети место в жизни нашли – по душе работу, мать расцветала, и вскоре семьи завели, а она бабушкой стала. Все три свадьбы родители справили, надеясь, что на добрый путь наставили. Так и вышло, дети жили и живут дружно, трудятся достойно и теперь своих детей растят, правда, только по одному, а почему? Время, говорят, такое. А для дедушки с бабушкой три внука. Рая с Михаилом помогают внуков растить, они им не дают грустить. Дети также родителей не забывают, все подарки покупают, чтоб красиво одевались и рядом с ними проживали. Матери купили шубу, да не одну, а отцу куртку меховую, плащ, в дом кухонную мебель приобрели и по мелочи, что необходимо, все нашли. В общем, все, что родителям надо, – дождались от детей награды!

«Живут умнее и смелее и отдыхают веселее, — при встрече Рая говорила: — Наши года бегут, и мы стареем, остановить их не сумеем. Так и пенсия подошла, а дочка к этому времени дачу приобрела». Она тихонько продолжала: «Теперь на даче ягоды и овощи растим, варенья, соленья готовим, приходите, и Вас угостим!» Улыбнулась весело и поклон отвесила, убежала за мечтой, догадайся, за какой? Настю это не удивляло, такое и в детстве часто бывало: разговор вдруг оборвет, улыбнется и уйдет. Всесильная энергетика ее вела, трудом и верой в жизнь ее создала! Ты сумеи такую энергетику создать, чтобы увереннее по жизни шагать!

Вот перед вами тот рассказ, он вас не менее потряс? А персонажи все живые и среди нас живут, их уважают, кто в окруженьи пребывает. Им оды не поют, а верят, любят и в гости ждут.

ФИЗКУЛЬТУРА - УРА, УРА, УРА...А!!!

*«Я без крова обошелся б даже,
Мне не надо в жизни ничего.
Только б горы, скалы их и кряжи
Были возле сердца моего».*

Расул Гамзатов.

Природа и человек неотделимы. Особенно отчетливо это чувствуешь, когда находишься в лесу, а тем более в горах. Одной из групп новосибирских студентов посчастливилось вырваться из городского плена на свободу: в лес, в горы, к рекам и озерам. В этой группе оказалась и Настя.

Не могу не рассказать об этом, а было это, конечно, летом. Очень важно в жизни, скажу вам я, побывать в туристическом походе, друзья!

Группа наша была небольшая: 22 студента, всех знаю. К нам добавили мужа и жену (не помню, откуда), молодого инженера из Москвы и студентку из Ленинграда.

На туристической базе Алтайского края, около города Бийска

мы собрались и укомплектовались. Здесь же нам представили руководителя и проводника одновременно: Гришину Надежду Афанасьевну. Она коротко рассказала о маршруте и о том, что три дня нас будут сопровождать лошади, которые и понесут основной груз. «Остальное увидите сами своими глазами, — продолжала она, — когда же начнутся горные тропы Алтая, все оставшиеся продукты и туристические принадлежности придется нести каждому в рюкзаках, лошади вернутся на базу». Вот и все напутствие, сказанное без всякой грусти. Так что с туристической базы мы вышли с легкими рюкзаками, чем все были довольны.

День солнечный, настрой бодрый, и мы отправились по протоптанной ранее тропе гуськом за руководителем группы, вслед за нами шли три лошади, нагруженные туристическим багажом. На третий день подошли к подножию Алтайских гор, среди которых протекала полноводная с живописными зелеными берегами река Катунь. Она брала начало здесь же, в Алтайском крае, и пополнялась в основном водой от таявших снегов и ледников на вершинах Алтайских гор. В том месте, где мы остановились, Катунь больше походила на котлован спокойной и чистой воды среди гор и густого зеленого леса.

«Лето, ах лето, лето красное, мы с тобой!..» — как в песне поется. День выдался жарким, река манила к себе, и мы, быстро раздевшись до купальников, пошли в воду всей группой. Но очень быстро с криками «ай — а ай, ай» и «ой — ой, о ой» одни окунувшись, а некоторые и не окунувшись, повыскакивали из воды на берег, стали отряхиваться и вытираться полотенцами, выкупались, так сказать.

Вода уж больно холодна, хоть есть и ширь, и глубина, и рад бы поплавать, но тело дрожит и от воды скорей бежит к теплему солнышку, да на поляночку. Настолько холодна вода, что просто обжигала, и выдержать это никто не мог. Если вы не «моржи», то на реку Катунь можно только любоваться или на лодочке кататься. А лодки, спрятанные в зарослях на берегу, оказывается, ждали нас. Ребята тут же их нашли и на веслах к месту сбора подгребли. Кроме дежурных, которые остались готовить обед, все быстро расселись по лодкам и поплыли по реке Катунь. Вода чистая от солнечных лучей искрилась, берега спрятались в пышной зелени трав, кустарников и деревьев, выше деревьев горы, а еще выше яркое и горячее красно солнышко, которое, казалось, улыбалось нам. Это надо увидеть — это явно благодать. Все притихли, как замороженные, и молча созерцали вокруг, внутри себя восторг скрывая. Окружавшая нас первозданная

природа создавала удивительную тишину, как будто хотела задержать на себе внимание подольше.

Гребли веслами, плыли медленно, быстро плыть никому не хотелось, так прекрасно вокруг, сначала даже не пелось. Все мы как бы оцепенели от сказочной красоты, которую видели явно, реально, и ощущение это проникало глубоко в душу. Это были, может быть, самые счастливые мгновения в жизни каждого из нас, нам повезло прожить их в полной гармонии и слиянии с окружающей нас природой. В отличие от шумного и кажущегося серым, по сравнению с нашим окружением, города, на душе было спокойно и светло.

Вспомнился родной Урал, где трава в лесу не так высока, как здесь, а деревья стройнее и выше, и где мы также восхищались удивительной красотой природы.

Через некоторое время потихоньку, чтобы, как нам казалось, не вспугнуть тишину, начали петь.

Душа переполнилась и просила выхода в окружающий мир природы, чтобы наполнить его и человеческой радостью, прекрасной душевной песней. Так с тихой песней мы доплыли до противоположного берега, остановились и вышли на зеленый берег. Надежда Афанасьевна сказала: «Кто желает покататься на лодке, пожалуйста, можете поплавать, но далеко не заплывайте, там будет быстрое течение, прошу к обеду не опаздывать, а кто желает прогуляться по лесу, пойдёмте со мной».

Огромное спасибо организаторам туристических походов, маршруты выбирали прекрасные, чтобы удивить, порадовать, а в результате влюбить туристов в удивительнейшую алтайскую природу. Как говорят, горы дарят людям счастье красоты, мы убедились в этом еще в детстве, когда росли среди Уральских гор. «Только в горах можно найти столь большое разнообразие сочетаний элементов природы: скалы и деревья, вода и камни, снега и небо, трава и солнце...». Кроме этого, с повышением абсолютной высоты местности изменяются и климатические условия, что создает интересное разнообразие природы в горах. А горы Алтайские гораздо выше Уральских.

Настя с группой пошла в лес. Солнечные лучи пронизывали его насквозь, лес от этого становился сказочным. Мы шли по густой, высокой траве, никакие тропки не просматривались. Казалось, что все вокруг нам улыбалось: и разнолистная с цветами трава, и зеленый лес у подножья гор, и даже скалы, которые светились от солнца и манили к себе. Восхищению не было предела.

Настя вспомнила детство, и ею овладело неудержимое стремление взобраться на гору. Около очередной скалистой горы она отстала от группы и начала забираться на ее вершину. «Быстро заберусь, посмотрю вокруг и вернусь, — подумала она. И группу успею догнать»; ей казалось, что группа шла очень медленно. Но одно дело подумать и представить, а совсем другое — исполнить задуманное. Находясь внизу, нельзя определить всю сложность подъема. Настя решила, что легко с ним справится. Фактически же подъем оказался сложным, камни срывались из-под ног один за другим, Настя только успевала убирать ноги, чтобы не сорваться; крутизна горы оказалась почти отвесной, даже возникала мысль вернуться, но она отогнала ее, решив, что спуск придется искать в другом месте. Карабкаясь по скале на вершину, совсем потеряла ощущение времени. Ей казалось, что оно остановилось и ждет, когда она завершит подъем. Но время не стояло и не ждало, оно рядом, незаметно, бежало.

Наконец, вершина, обзор прекрасный: синее небо, бесконечный простор, видно лодки на реке, видно лагерь вдалеке. Все что-то бежали, сустились, а лодки на реке кружились от берега недалеко. У Насти на душе легко, она стояла на вершине и улыбалась. Горы, подобно Уральским, в основном покрыты лесом, а их светлые верхушки сливаются с голубыми небесами; долины шире и ярче от пышной зелени. Все божественное великолепие природы снова открылось перед ней. Только на вершине горы чувствуешь в полную силу, как прекрасен созданный мир, и она замерла на миг перед этой красотой. Затем осмотрелась и поняла, что внизу не котлован чистой воды среди гор, а большой поворот реки Катунь.

От видимого окружения и беспредельности простора, а также от легкого приятного ветерка настроение превосходное. Хотелось крикнуть, чтобы услышали и увидели. Настя попыталась это сделать, но вскоре поняла, что крик не получается, ее не услышат.

Тогда, переполненная чувством радости, Настя запела:

Посмотри вокруг, мой прекрасный друг;
Как кругом цветет моя земля.
Это край родной, край широкий мой,
Перелески, горы и моря.
Край родной, широкий светлый мой,
Неразлучны мы всегда с тобой...

Она знала, что никто ее не слышит, и поэтому пела легко и свободно: о родном крае, о Родине, о любви, пела в полный голос и от души. Природы она не стеснялась, природа только помогала ей, а при людях не всегда получалось, иногда голос сразу пропадал. Но восторженное состояние души продолжалось недолго. Она была одна на вершине, надо было возвращаться на землю, бросив прощальный взгляд вокруг, начала искать более пологий спуск. Вдруг появилась тревога, так как группы туристов в лесу не было видно, только на реке плавало несколько лодок, в которых были знакомые студенты. Они явно не просто плавали, так как все время смотрели на ее берег. Настя надеялась быстро спуститься, но спуск также оказался не из легких. У подножия горы росло много кустарников вкусной, спелой, черной смородины, пошла к ним. Рвать ягоды было не во что, она сломала несколько усыпанных ягодами веток и поспешила, как ей казалось, к реке. Но вскоре поняла, что заблудилась, реки не было видно. Если бы сразу пошла в направлении от спуска с горы, все было бы верно, но из-за смородины потеряла ориентир. Сверху река была очень близка, внизу же перед нею стоял лес, он окружал гору со всех сторон. Тогда Настя остановилась, взяла себя в руки – сосредоточилась, вспомнила вид с горы и вскоре вышла к реке.

Она стояла на берегу реки, счастливая от выполненного желания. Тут же подъехала лодка с подругами, еще более обрадовавшись, улыбаясь, она подала девушкам ветки с черной смородиной и села в лодку. Приняли молча и мрачно. Настя удивилась такому настроению, но не придала этому значения. Она начала разговор, а услышала грубый укор: «Как это ты посмела отстать и заблудиться, что уже четыре часа все тебя ищут и кричат, а ты как ни в чем не бывало вышла на берег и улыбаешься».

Настя была поражена: «Четыре часа, вот это да! А я только успела забраться на одну гору, – показала она на видимую с реки вершину, – и быстро спустилась. Правда, немного заблудилась перед выходом к реке. Прошу вас меня простить и поскорей о том забыть. Конечно, с вашей стороны я виновата, а своей душою я стала богата, весь мир мне хочется обнять, а вас всех до единого расцеловать. Ну, улыбнитесь, вас прошу, не то я вместе с вами загрущу». Но группа в лодке сердито молчала, и Настя вдруг почувствовала, что очень устала. Она же к ним спешила, а с ней не хотели говорить, и она замолчала, только смородиной всех угощала.

Так, не желая того, Настя омрачила всем настроение, особенно руководителю группы, которая несла ответственность за всех туристов. За нарушение дисциплины строго наказывали – снимали с похода и возвращали домой. С этим вынуждены были все согласиться, так как суть туристического похода – это отдых для души и тела среди красоты природы. А здесь создалась такая беспокойная ситуация, не исключаяющая возможности несчастного случая, такого в походе допускать нельзя.

Так что ее быстрого извинения никто не принял. Надежда Афанасьевна строго заявила: «Настю будем возвращать домой, далее ей следовать с группой не разрешаю. От группы отставать нельзя, я не могу за всеми уследить. Кто думает нарушать походную дисциплину, может возвращаться вместе с ней».

Положение становилось серьезным. Настя же, понимая свою вину, молчала. Но здесь заговорили мы, ее однокурсники, что это с нею впервые, что на самом деле она очень дисциплинированная, такого с нею не повторится, мы скоро ею будем гордиться. Отстояли Настю подруги, но с ней первое время не разговаривали, переволновались за нее, и нужно было время, чтобы внутренне успокоиться.

У руководительницы поднялось настроение, она, видно, не очень хотела применять крайнюю меру наказания, и активная защита подруг ей понравилась. Надежда Афанасьевна сообщила вдруг, что гора, на которую забралась Настя, – третьей сложности по скалолазанию, с нее начинают сдавать на разряды. По возвращении, если она будет выполнять, установленные турбазой правила поведения, вручим ей значок скалолаза. Настя, извинившись еще раз за принесенное беспокойство, поблагодарила за разрешение идти с группой далее. Все повеселели, напряжение спало, но ко сну пошло устало.

Назавтра, пройдя полдня по маршруту, остановились на обед и отдых. Руководитель сообщила, что лошади оставляют нас и возвращаются на турбазу, надо разобрать все продукты и хозяйственную утварь по своим рюкзакам. Всегда есть проворные люди, за ними и другие поспешили, почти все быстро разобрали. Настя же проявила нерасторопность и подошла последней, ей подали пять килограммов вяленой воблы. Немного опечалилась, положив груз в рюкзак, потому что ей не приходилось ранее есть эту рыбу, и решила, что и другим она навряд ли понравится, значит, придется нести этот груз вперед на подъем и назад до турбазы. Понимая, что все равно этот груз надо кому-то нести, успокоилась.

Но, к ее удивлению, получилось все наоборот, покушав рыбу один раз, все стали ежедневно таскать воблу из рюкзака, и она освободилась от груза ранее других, даже самых проворных.

Настя старалась быть дисциплинированной, далеко не уходила, не отставала от группы, но горы влекли к себе какой-то невероятной силой. Ей недостаточно было того, что группа ежедневно поднимается все выше и выше в горы.

После обеда все отдыхали, а она потихоньку уходила и забиралась на невысокие окружавшие стоянку вершины. Старалась, чтобы группа была хорошо видна, посмотрев вокруг на окружающую природу, пела, считая, что никто не слышит, и быстро спускалась к группе, чтобы вместе следовать дальше. Но, с другой стороны, когда туристы приходили на новую стоянку уставшие после крутого подъема или после дождя, все садились и сначала отдыхали. Настя же сразу шла в ближайший лес за дровами для костра, за ней шли не более двух туристов. Собрав дрова посуше, приносили к месту стоянки и зажигали костер. Не было рядом воды – она, спросив направление у руководителя, шла искать воду и приносила ее. После этого к приготовлению пищи приступали дежурные. Настя почему-то не уставала на природе, ей все время хотелось что-то сделать для всей группы, взять часть ее нагрузок на себя; весь маршрут она как будто отработывала свою вину, а возможно, и по натуре была такой.

Мы поднимались по тропам Алтайских гор все выше и выше, по-прежнему друг за другом. Инженеру-исследователю из Москвы очень нравилось задавать в это время задачи для устного решения и вопросы для быстрого ответа. На стоянках, у костра его никто не слышал, он замыкался в себе и молчал, а во время пути, подъемов он как будто просыпался. Задачи и вопросы сыпались из его уст как горох, казалось даже, что им нет конца. Кто-то сказал, что во время ходьбы лучше думается, инженер на себе доказывал эти мысли и, возможно, проверял на других. Настя с удовольствием участвовала в этой игре, часто отвечая очень удачно. Инженер заметил это, ему нравились быстрые ответы, он пытался быть ближе к Насте, но она сторонилась его. Он и на стоянках пытался следовать за ней, но ее проворство на природе помогало очень быстро уйти от него. Ее поразило, что он полгода как женился, а в поход пошел один. Интуиция недоверия к мужчинам всегда рядом с девушками, и по-другому быть не может. Под конец похода он постучался в палатку Насти, попросил ее выйти и

сказал: «Скажите хотя бы Вашу фамилию? Даю Вам свой адрес в Москве и рабочий телефон, прошу написать, позвонить, я вышлю необходимую литературу для подготовки к дальнейшему образованию, чтобы работать в нашем научно-исследовательском институте». У Насти были мысли о том, чтобы в будущем заняться научно-исследовательской работой, но, получив предложение, начала сомневаться, в ее ли способностях дело? «Научно-исследовательская работа ушла от меня с этим случайно встретившимся инженером-исследователем навсегда, как и я от него», – шутила впоследствии Настя.

Но это было позднее, а пока мы поднимались к вершинам Алтайских гор, к этим удивительнейшим созданиям природы, одним из красивейших гор в мире. Мы шагали по одному из проложенных, как нам казалось, самому красивому туристическому маршруту. Интересно, что каждый дневной подъем отмечался новым ярким цветком. Это удивляло и радовало, а первой этот цветок замечала Настя.

Также вспоминаются вечера, когда, рассаживаясь, как кому удобно, мы сидели у костра. Высота 2500 метров, тишина, темнота, костер горит спокойно, иногда потрескивая. В это время наступает какой-то душевный покой в тебе, и кажется, даже рядом с тобой и незаметно начинает звучать песня:

Серый дым создает уют.

Искры гаснут в полете сами...

Вначале всегда пели спокойные и даже грустные народные и современные песни, потом зажигались и пели задорные туристические:

Эх, подружка, моя большая кружка, полулитровая моя.

Поишь меня, поишь меня горячим чаем;

За что тебя, за что тебя я уважаю.

Эх, подружка, моя большая кружка, полулитровая моя...

На самом деле в походе удобнее пить чай из большой кружки. Во-первых, идя все время на подъем, хочется пить и только из большой кружки можно напиться; во-вторых, видя большую кружку, не спешишь, а пьешь спокойно, чтобы почувствовать отдых, так как дальше снова надо шагать и шагать. А если это вечер, то пьешь, просто наслаждаясь питьем. Если не очень хочешь пить, налей неполную кружку и всего-то.

У костра поется как-то вдумчиво, полностью оцениваешь смысл слов песни, красоту голоса и душевность исполнения. Костер открывал душу, и любимые песни хотелось слушать. Здесь хорошо чувству-

Студенты в походе. 1960-й год

ешь, как прекрасно пение, и узнаешь, как разнообразен текст песен, всегда можно выбрать песню к данному моменту или окружающей тебя природе. И мы пели, пели на два голоса, сольно и коллективно — все было к месту. Заканчивали вечер интересными рассказами, стихами или танцами у костра, все зависело от настроения и от инициативы туристов.

А на завтра снова в поход, все выше и выше, к небесному своду все ближе и ближе. Добрались! Высота 2800 метров! Кто бы ни рассказал, поверить трудно, это надо увидеть своими глазами, и мы увидели: солнце яркое сияет, рядом снег тихонько тает, чуть ложбинка, в ней цветы, как сияние мечты! Здесь, на этой высоте анютины глазки прекрасной окраски, а рядом белый снег лежит и талой водицею землю поит. Невиданно и неслыханно, никто представить этого не мог, а перед нами живой цветок.

В подтверждение увиденного осталось только фото наших ребят в пляжной одежде на фоне снега и анютиных глазок. Снег и цветы рядом, на метр, полметра выше или ниже друг от друга. Многие думали, в том числе и я, что анютины глазки — это домашние, садовые цветы, но что они растут в Алтайских горах и на такой высоте, не могли

даже предположить. Да, долга жизнь, а как мало мы успеваем узнать, увидеть интересного в ней и в природе.

В походе уходит от тебя всякая суета, и весь мир кажется другим, светлым, чистым и радостным. В те времена приемники и транзисторы не разрешали брать в поход. Запрет мы оценили положительно и даже с благодарностью отметили, что их отсутствия и не заметили. Красота гор, леса, неба, солнца завороживала нас и способствовала, чтобы оставаться самими собой и песней, согласной с душой.

Видимо, на самом деле только в том случае, если будешь самим собой, почувствуешь себя одним целым с родною землей – родною природой.

Туристический поход по горам уносит тебя в чудеса мироздания. Но пока мы добирались до высотных чудес, обувь у большинства поизносилась так, что сомневались, дойдем ли в ней до базы, или придется идти босиком. В походе даже эта неприятность воспринималась легко, с улыбкой, мол, лето, доберемся до дома!

После высоты 2900 метров пошли на спуск. Спускаясь, встречали новые группы. Встречи проходили весело и быстро. Группы выстраивались одна против другой вдоль туристической тропы и кричали хором, первыми те, кто спускался с гор: «Физкультпривет, физкультпривет, физкультпривет!» Некоторые поднимали ноги, показывая рваную обувь и улыбаясь. В ответ слышалось громкое, полное сил: «Физкультпривет, физкультпривет, физкультпривет!» Затем общее «ура... а, ура... а, ура... а!» И расходились, как вчера, до новой встречи.

Из туристического похода все пришли с одной мыслью, что это есть лучший отдых для души и тела. После похода ничего не болело, а хорошее настроение туристы обеспечили себе не менее чем на год. Да, отдох в горах – самый активный отдых.

И снова лето красным солнышком согрето.

Ура, ура, в поход пора!

АВТОМАТИКА - МУДРОСТЬ В ДЕЙСТВИИ

1. Внедрение автоматики.

С автоматикой Анастасия столкнулась впервые при выполнении практической дипломной работы – электрического автостопа. Автостоп давал возможность не держать круглосуточно телеграфиста в населенных пунктах с небольшим объемом работ. Пришла телеграмма в сельский населенный пункт – телеграфист центрального телеграфа включала с помощью автостопа телеграфный аппарат в этом населенном пункте, передавала телеграмму и через автостоп выключала аппарат. В 1961 году это было новшеством, и Настя была очень довольна, что нарисованную на бумаге электрическую схему превратила в «живую», полезно действующую электрическую схему. Но техника совершенствовалась постоянно, и то, что сегодня казалось новым, через год-два устаревало. Автоматика входила в производственные процессы семимильными шагами, только успевай внедрять.

Здесь же внутригородская телефонная связь через АТС – автоматическую телефонную станцию, телеграфная и междугородная телефонная автоматическая связь. Со всеми видами связи пришлось соприкоснуться Анастасии и способствовать внедрению автоматики.

Для доказательства преимуществ автоматики (скорость, качество и надежность) не надо много времени, они неоспоримы, но для ее внедрения тогда требовалось много времени и человеческих усилий. Как говорится, быстро слово сказывается, да не быстро дело делается.

О внедрении автоматики в нефтяном крае и пойдет рассказ.

В районном узле связи (РУС) города Сургута полгода не было главного инженера, и Анастасия Павловна согласилась на предложение о переводе ее в этот город. До этого времени она шесть лет работала в этой должности в узле связи города Урая, и ей нравилось исполнять самостоятельно принятые решения или намеченные планы. Предложение поступило от главного инженера вышестоящей организации, видимо, без согласования с партийными органами, он не был коммунистом. В результате, как впоследствии выяснилось, на их поддержку она не могла рассчитывать. В то время Анастасию это не интересовало, отец учил ее надеяться только на самую себя. А на перевод

согласилась по трем причинам: неоднозначно отнеслась к увольнению начальника Урайского городского узла связи; второе, то, что Сургут привлекал своей хорошей транспортной схемой (большие самолеты, железная дорога); третье, еще работая в Казахстане и прочитав большую статью в газете о строительстве города Сургута, подумала: «Вот бы поработать в этом городе». И случай такой представился.

Начальник Сургутского РУС не очень обрадовался ее приезду, так как при первой встрече заявил Анастасии Павловне, что она отвечает за электросвязь и сама должна принимать все решения, у него хватает работы. Это была правда, работы хватало всем в это бурно развивающееся время для нефтяного края. «Не знаю, но почему-то я не испугалась самостоятельности, а приняла ее как должное и даже обрадовалась», – вспоминала она.

Впоследствии каждый занимался своим делом, и думается, что они дополняли друг друга, скандалов между ними не было. Владимир Яковлевич был очень добросовестным, ответственным человеком, проработали они вместе два с половиной года. Немного забегаю вперед, поясню, что по причине краж в почтовой связи ему пришлось уйти на другую работу. По этим же причинам был уволен следующий начальник, затем один отказался от должности начальника, не проработав и года, из-за большого, как ему казалось, непосильного объема работ. Появился снова новый начальник, так за десять лет поменялось четыре начальника, что приучило Анастасию Павловну работать самостоятельно и принимать решения самой со своими инженерно-техническими работниками, согласовывая с окружными и областными руководителями, а при необходимости принимая их помощь.

Но вернемся к последовательности.

В первый же день работы на новом месте Анастасия поняла, что здесь «непаханое поле» – целина. Подняв трубку телефона, услышала голос телефонистки, вместо сигнала – ответа станции. Была очень удивлена, такого и предполагать не могла. Надо было назвать номер, и тогда телефонистка вручную соединяла Вас с нужным абонентом, она же следила по световому сигналу об окончании разговора и разъединяла. Ручная телефонная станция обслуживала нефтяной город с населением в 70 тысяч человек; конечно, она не обеспечивала внутригородскую телефонную связь ни по качеству, ни по количеству. Ничего не поделаешь, такова была реальность на момент, когда Анастасия появилась в городе. На разборки, кто виноват, кто прав, времени не

было, да и желания такого не было. Тем более, что окончание строительства радиоцентра и выделение его в самостоятельное предприятие подсказало, чем занимался бывший главный инженер; он перешел на радиоцентр главным инженером.

Ситуацию же в других отраслях связи, особенно во внутригородской телефонной связи, надо было срочно исправлять, то есть изучать и определяться в действиях, а еще точнее изыскать возможности для оперативного строительства в городе АТС. Разобравшись, поняла, что в первую очередь надо достроить здание корпуса электросвязи, необходимого для размещения электрооборудования АТС и других видов электросвязи. Нулевой цикл был выполнен, но на стройке никто не работал, «заморозили» стройку, как в народе говорится. Ей пояснили, что здание строилось одной из ведомственных организаций с длительными простоями, в связи с тем, что строителей часто снимали на те объекты, которые считались более важными, да и поставка кирпича на этот объект шла с большими перебоями. Власти понимали, что связь в сети общего пользования нужна. «Но школы-то нужнее», — говорили в горисполкоме. После этого спорить или что-то доказывать было бесполезно. Несмотря на то, что и школы должны иметь связь, а точнее телефон. Причем по советским законам здания для размещения электрооборудования связи должны были финансировать и строить местные власти, в данном же случае финансирование строительства здания шло за счет Министерства связи, помощь власти нужна была только в организационном плане. Анастасия просила считать объект хотя бы вторичной важности, чтобы не снимали строителей. Вместе с начальником, партийными и исполнительными органами этого добились, строителей с объекта не стали снимать, а с помощью Тюменского областного управления связи обеспечили поставку кирпича и необходимых материалов, строительство пошло быстрее.

Время было дорогое, Анастасия Павловна приняла решение одновременно со строительством здания выполнить проект строительства АТС. Внутригородская связь планировалась и проектировалась тогда только проводной, то есть по проводам. Чтобы дойти до жильцов — будущих абонентов городской АТС, надо было протянуть телефонные кабели (по стандарту в телефонной канализации, которую также необходимо строить) по всему городу и не только к домам, но и к предприятиям и организациям. А для этого нужен существующий план построенных микрорайонов города с нанесенными инженерными

сетями: электрическими, водопроводными, тепловыми, канализационными, а также нанесением железнодорожных путей и автодорог, для выполнения нормативных пересечений, которые являлись неизбежностью. Анастасия надеялась найти этот план в архитектуре городского исполнительного комитета, но там такого плана не оказалось. Строительство города, видимо, шло хаотично.

При более детальном знакомстве с городом это подтвердилось. Город строился ведомствами: нефтяниками, газовиками, энергетиками, геологами и строителями на выбранных ими площадях при отсутствии генерального плана развития города. Проектировали жилые микрорайоны разные проектные институты – для каждого ведомства свои. Все это объяснялось срочностью. В результате жилье строилось быстрыми темпами, застройщики сами отвечали за свои микрорайоны, и это даже устраивало власти города. Иногда казалось, что власти не успевают за развитием и увеличением объемов работ, выполняемых ведомствами, возможно, этим объяснялась их сменяемость; особенно часто менялись заместители по капитальному строительству при городском исполнительном комитете.

Сдерживало строительство АТС для сети общего пользования и то, что все органы власти, а также руководители ведомств, в первую очередь для себя выполняли связь, конечно, узко ведомственную, только для руководства. И здесь вроде не поспоришь, без средств связи ни о каком руководстве и речи быть не может. Но с другой стороны, затраты получались гораздо больше, чем если бы организовать сразу сеть общего пользования через АТС. В городе тогда работало 14 ведомственных узлов связи, и каждый выполнял только временную связь с городскими властями и между собой, для населения эта связь была не доступна.

Анастасия, понимая необходимость и важность сети общего пользования, принимает решение делать то, что в силах самих связистов. Она, совместно с работниками ручной телефонной станции, начала собирать у ведомственников – застройщиков микрорайонов планы построенных ими микрорайонов на топосъемках и соединять в одно целое. От горисполкома добивалась генерального плана (генплана) развития города не менее чем на пять лет, потому что при проектировании обязательно должна учитываться перспектива развития города. Власти и сами понимали необходимость выполнения генплана строительства города, но трудно, видимо, тогда это было сделать, центра города не существовало, его надо было спроектировать. Только после

того, как власти определили генерального проектировщика по строительству города, а затем единого проектировщика в лице созданного проектного института ЗАПСИБЗНИЭП в самом городе, ситуация изменилась и привела застройку выбранной площади для города в нормативные рамки. По заказу городских властей ЗАПСИБЗНИЭП спроектировал центр города и привязки к нему построенных ранее микрорайонов. После этого выполнили генплан развития города, и Анастасия смогла его получить. Прделанная связистами работа по сбору у ведомств существующей застройки с нанесенными инженерными сетями и согласованными с предприятиями, эксплуатирующие эти сети, — очень пригодились. Оставалось сделать сверку с генпланом, и нанести на него недостающие, но уже построенные здания, что сделали оперативно. Собранные исходные данные передали в Новосибирский проектный институт связи. После заключения договора в 1978 году началось проектирование первой АТС для сети общего пользования в самом большом нефтяном городе.

Со стороны связистов основные вопросы были решены, требовалось только время для их исполнения. Анастасия занялась другими отраслями, которые также требовали своего совершенствования и обновления, а именно — большего внедрения автоматизации.

Телеграф тогда работал с большой загрузкой — от 3000 телеграмм в сутки до 10000 телеграмм в праздничные дни. Все их надо было обработать и донести сообщения до жителей города и всего Советского Союза. Аппаратный зал для такой нагрузки был мал, освещение было слабым, что отражалось на зрении телеграфистов, звукоизоляции не было совсем. А тогда моторы телеграфных аппаратов создавали шум, намного превышающий нормы, допустимые для человека. Анастасия занялась решением этих вопросов, их можно было решить на месте, самостоятельно, и это вселяло уверенность. Все намеченное было сделано: зал расширили, обновили, стены и потолки покрыли звукоизоляционной плиткой, установили новые столы, выполнили хорошее освещение в три ряда, каждый из которых отключался или включался по мере необходимости; выполнили нормативный контур заземления. Для этого привлекались специалисты — строители и электрики, но много работ приходилось выполнять инженерно-техническим работникам телеграфа, совмещая с работой по обслуживанию действующего электрооборудования телеграфа. Нормативные контуры заземления выполнили комсомольцы предприятия в выходные дни — в так

называемые субботники, и не только для телеграфа, но и отделений связи, где работали телеграфные аппараты. Реконструкция телеграфа повысила эффективность работы телеграфистов и способствовала внедрению новейшего электрооборудования в телеграфную отрасль с большим использованием автоматики.

Так на центральном телеграфе города Сургута в два раза увеличилось количество каналов на прямые соединения, когда телеграфист простым набором номера выходил в любой город, а затем и район Советского Союза, передавая идущее туда сообщение – телеграмму, при этом укладываясь в контрольные сроки; таким же автоматизированным способом принимались телеграммы, поступающие в город. Увеличилась не менее, чем в два раза, емкость абонентского телеграфа, где абонентами являлись крупные организации и предприятия. Им устанавливались телеграфные аппараты с вызывными приборами, с которых самостоятельно, простым набором (автоматически, уже через собственную станцию абонентского телеграфирования, смонтированную на центральном телеграфе) выходили на нужных абонентов, находящихся в городах Советского Союза, и передавали свои сообщения.

В телеграфной отрасли внедрение автоматики шло более быстрыми темпами, так как новое оборудование монтировалось в основном на центральном телеграфе. Тюменское областное управление связи своевременно и быстро поставляло тогда телеграфное оборудование, а сургутские связисты без замедления внедряли его в производство. Так, по первому запросу нефтяников, им оперативно организовали документальную телеграфную связь с Францией, на которую они могли выходить самостоятельно по мере необходимости (использовалось электрооборудование для автоматического соединения). Франция поставляла тогда оборудование для нефтяных скважин, и новый, более оперативный вид связи оказал большую помощь нефтяникам.

Наконец, проект первой АТС для сети общего пользования был выполнен. Вместе с Тюменским областным управлением связи заказали оборудование и материалы, определенные проектом, на заводы, которые могли это произвести. Все шло непросто, Анастасии приходилось выезжать и в проектный институт, и на заводы, чтобы ускорять выполнение проектных работ, а затем и поставки электрооборудования.

Она никогда и никому не дарила подарки по производственной необходимости, так как считала, что зарабатывает свои деньги добросовестным трудом и не может их дарить. А для ускорения внедрения АТС пошла и на это, в командировки на заводы готовила подарки – книги и ценную рыбу. Впервые тогда появилась на рыбокомбинате и купила хорошей рыбы – муксуна копченого, которого сама еще не кушала, а на завод повезла. Смешно, но, приехав на завод, не сразу разобралась, кому его лучше вручить, а затем искала момент, когда вручить. Это оказалось труднее любой другой задачи. Нужна ли была им рыба, книги, она и сейчас не знает.

И все-таки она не считала для себя приличным делать подарки по производственной необходимости. В дальнейшем приезжала на заводы по комплектации электрооборудованием без подарков, и все вопросы также решались. Но, как выяснилось позднее, в перестроечное время, это один из принципов рыночной экономики. Подарки, проценты и так далее дают возможность быстрее получить или сбыть свой товар.

Пока проектировали, заказывали и изготавливали оборудование для АТС, здание электросвязи в микрорайоне энергетиков построили. «Начинили» его очень быстро. Прежде всего выполнили нормативные контуры заземления и обеспечили бесперебойную подачу напряжения 380 Вольт в здание электросвязи, установив собственную дизельную электростанцию для резервирования централизованного электроснабжения. В это же время смонтировали электропитающие установки, где на каждое напряжение (24 В; 60 Вольт) постоянного тока установили отдельную аккумуляторную батарею и выпрямительное устройство; на напряжение 60 Вольт выполнили две батареи. Далее перенесли из старого, пожароопасного (чуть не сгорело при пожаре в соседнем доме) деревянного здания междугородное оборудование на 60 каналов и междугородные коммутаторы; все смонтировали в новом здании.

В это же время устанавливали радиорелейное оборудование для беспроводной связи с населенными пунктами района. В строительстве мачт для установки антенн радиорелейных линий связи большую помощь оказал трест «ЗапСибэлектросетьстрой», конкретной, одна из его механизированных колонн, колонна номер 14. В ней работали, как и во всем тресте, добрые молодцы, которым все по плечу. Об их работе нельзя не рассказать. С большой благодарностью вспоминаются эти отличные парни, прекрасные специалисты и бесстрашные

монтажники. Они ни на что не жаловались, а строили воздушные линии электропередачи напряжением от 10 тысяч Вольт до 500 тысяч Вольт. Строили по бездорожью, пересекая леса, болота, реки, озера, трудностей и сложностей при строительстве возникало огромное количество, а встретишься с ними – улыбаются, как будто все легко им давалось. Они же находили возможность помогать связистам, так как связь им также нужна постоянно. Часть высоковольтных опор высотой около 40 метров приспособили для мачт и устанавливали как в городе, так и в поселках Сургутского района. Первый забег на мачту делали сами, проверив, сдавали связистам, и всегда с улыбкой. ЛЭП также строили с большим энтузиазмом. Обеспечивая путь электроэнергии от источника ее производства к месторождениям, нефтеперекачивающим станциям и к быстро строящимся населенным пунктам, в том числе к городам, они способствовали развитию нефтедобывающей отрасли, как никто другие.

А связисты продолжали установку оборудования в корпусе электросвязи. Вскоре стало подходить электрооборудование и для первой АТС, его выгружали из вагонов, привозили к зданию электросвязи, а затем поднимали в помещение, где оно должно устанавливаться по высоте, на четвертый этаж здания. По длине стрелы эту работу мог сделать только кран «КАТО», в городе их было всего три. Поэтому подъем оборудования приходился больше на субботу и воскресенье, по договоренности с крановщиками. Часто и крановщиков приходилось искать, они в свои выходные дни тоже хотели отдыхать.

Получая оборудование для одного вида связи, заказывали другое – междугородное оборудование, так как с пуском АТС появлялась возможность включения междугородной автоматики. Междугородная автоматическая телефонная станция монтировалась в областном центре – городе Тюмени. Количество междугородных каналов на Тюмень увеличили после переезда в новое здание электросвязи с 60 до 180, а далее до трехсот каналов, что способствовало оперативному внедрению междугородной автоматики.

Работа шла полным ходом, то в одной подотрасли связи, то в другой, простоев и топтаний на месте не было. Оборудование совершенствовалось, включая в себя больше автоматики, и его стремились быстрее внедрять.

Самыми трудными работами Анастасия считала разгрузочно-подъемные, при выполнении которых часто старалась присутство-

вать, чтобы избежать случайностей, а самое главное – несчастных случаев. Но, как говорится, Бог миловал. Если для АТС оборудование поступало по проекту, компактно, и можно было найти подъемную технику, то на другие виды связи оборудование могло поступить в любой момент и в небольшом количестве (один, два, иногда три шкафа) приходилось разгружать и поднимать вручную, значит, требовалось больше людей. Она считала, что расценки на погрузо-разгрузочные работы не соответствовали фактическим затратам человеческих усилий, были очень низкими, на что она постоянно обращала внимание нормировщиков. Для этого приглашала их на место работ, чтобы убедились визуально и по времени, а не сидели в кабинете, обосновывая правильность расценок. Через некоторое время расценки пересмотрели, это сделали в окружном управлении связи и выдали всем узлам связи приемлемые расценки, легче стало приглашать мужчин на эти тяжелые работы.

После комплектации электрооборудования для АТС монтажная организация ПМК-507 в проектные сроки установила и смонтировала его.

В январе 1981 года в городе Сургуте начала работать первая АТС на десять тысяч номеров в сети Министерства связи – сети общего пользования. Эта АТС была доступна всему населению, независимо от звания и должности человека. Стоимость установки одного телефона составляла тогда двадцать рублей, а абонентская плата два рубля и пятьдесят копеек в месяц. Связь в советское время не была богатой отраслью, так как ее услуги стоили очень дешево. Несмотря на это, все техники и инженеры работали добросовестно и творчески. Все цеха РУС и даже ведомственные конторы связи подключились тогда к установке телефонов от первой АТС, к выполнению спаренных комплектов, к организации соединительных линий на ведомственные АТС и коммутаторы.

Уже в марте к АТС было подключено более 1500 телефонов, что дало возможность демонтировать ручную телефонную станцию. Так ручные коммутаторы в городской телефонной сети города Сургута ушли в отставку, их заменила автоматическая телефонная станция – АТС. Напомню, что абонент телефонной сети сам дает задание автоматике – соответствующим приборам АТС, и АТС выполняет это задание. Но абоненты города Сургута сразу не могли понять сущности автоматике. АТС пришла на смену ручной телефонной станции, где абонент, поднимая трубку, разговаривал с телефонисткой, называя

номер, с которым его надо соединить, и телефонистка разговаривала с абонентом, поясняя: «Абонент на линии» или «Абонент занят». Абоненту же, включенному в АТС, не надо было ничего говорить, что многих удивляло и требовало пояснения. Тогда суть автоматики поясняли в газетах следующим образом:

– АТС интересна тем, что человек (абонент) молча, а станция звуковыми сигналами, вырабатываемыми на АТС, говорят друг с другом. Поднимая трубку, абонент высказывает свое желание воспользоваться услугами АТС. Тогда станция посылает от себя сигнал готовности (длительный гудок определенной тональности), обозначающий в словесном выражении: «Пожалуйста, набирайте нужный Вам номер»; далее станция проверяет набранный номер, если номер свободен, она выполнит соединение с этим номером, и – пожалуйста, разговаривайте сколько угодно (ранее время не ограничивалось); если номер не свободен, то станция посылает абоненту соответствующий сигнал о занятости номера (быстро прерывающиеся сигналы), или отсутствии абонента на этом номере (более длительные, но также прерывающиеся сигналы). Все операции на АТС: соединение, пояснение, происходят с помощью сигналов, быстро и надежно, без разговоров. Если не получается выход на АТС, можно позвонить по телефону (указывали номер), и работники, контролирующие работу автоматики, вам помогут устранить причины неисправности Вашего номера телефона.

Такое объяснение помогло тогда сургутянам понять и принять работу первой автоматической телефонной станции. Таким образом, ручной малопроизводительный труд телефонисток был заменен работой автоматически действующих приборов, что повысило оперативность и качество связи. Это было замечательно и для связистов, и для населения – абонентов городской телефонной сети. К маю 1981 года к АТС подключили более трех тысяч абонентов.

К этому же времени в городе Тюмени закончили монтаж и сдали в эксплуатацию первую, единственную в Тюменской области автоматическую междугородную телефонную станцию (АМТС). Сургутские и тюменские связисты поработали очень оперативно и подключили Сургутскую АТС к Тюменской АМТС. В результате абоненты Сургутской АТС получили выход в междугородную сеть Советской страны.

Впервые услуги междугородной автоматической телефонной связи стали доступны жителям города Сургута. Это приятное и радостное событие, возможно, и не заметили, по радио и телевидению об

этом не говорили. Но все-таки всем было приятно простым набором номера выходить не только на абонентов своего города, а и на абонентов других нужных городов Советского Союза. Для тех, у кого не было возможности установить домашние телефоны, первыми в области были установлены междугородные автоматы. Их установили на центральном переговорном пункте, набор проходил так же просто, как с домашнего телефона.

Первая и центральная АТС города Сургута оказалась первой и в Тюменской области, так как монтировалась с автоматическим определителем номера (с АОН), на старых АТС области этого не было. В результате сургутяне осуществляли набор номера междугородного абонента коротко (без набора собственного номера), набирая не более десяти цифр, в то время как в Тюмени, Ханты-Мансийске и других городах Тюменской области набирали семнадцать цифр. Это говорило о том, что АТС, смонтированная в городе, была более совершенной, с большей автоматизацией, и здесь хочется выразить благодарность проектировщикам и производителям новейшего электрооборудования.

Это был прорыв в отрасли связи крупного нефтяного города.

Автоматика входила в него уверенно и думается, навсегда, и не только в услугах, а и в расчетах с абонентами за предоставляемые услуги.

Так ручную тарификацию междугородных переговоров сургутские связисты, одними из первых в области, передали электронно-вычислительным машинам.

Помнили и о селе, где ставили АТС малой емкости от пятидесяти до двухсот номеров. Оборудование этих АТС было громоздким, тяжелым, техники подъемной на селе не было, опять выполняли погрузо-разгрузочные работы вручную. Единственное облегчение на селе состояло в том, что не надо было поднимать электрооборудование АТС по этажам, все здания были одноэтажными. За десять лет установили одиннадцать сельских АТС в одиннадцати населенных пунктах Сургутского района, все хозяйственным способом. Затем в большинстве населенных пунктов района установили по одному телефону от первой городской АТС. С этих телефонов сельские жители впервые учились самостоятельно набирать абонентов города Сургута и других городов Советского Союза. Такая возможность появилась в селах Сургутского района в 1983 – 1984 годах, конечно, этого было недостаточно, но знакомство и пользование автоматикой принесло много радости селянам. Автоматика поднимала настроение населения и от быст-

Работники РУС на демонстрации. 1983 год

роты набора, и от возможности оперативного общения со своими детьми, многие из которых учились в городах. Это была самая большая радость для связистов и Анастасии Павловны; ей очень хотелось, чтобы село не отставало от города в услугах связи.

Тогда же появилась возможность включения автоматической внутригородской связи, то есть автоматической связи центральной АТС с ведомственными, мелкими АТС и коммутаторами, а их было четырнадцать. Здесь пришлось активно поработать не только связистам центральной АТС, но и всем связистам ведомственных узлов связи города Сургута. Как показало время, связисты города могли и умели работать, что было доказано в действии.

Автоматика все глубже входила в отрасль связи нефтяного района и города. Анастасия вспоминала: «Чем больше внедрялось автоматики, тем сильнее я влюблялась в ее чудодействие».

Так пуск в эксплуатацию даже одной АТС продвинул автоматику очень оперативно. Но для ее внедрения потребовалась огромная отдача человеческих сил и энергии. Этот прорыв в отрасли связи проходил в трудовых буднях. Всем было понятно, что одной АТС для быстро растущего города явно недостаточно. Вместе с властями стали

добиваться от ведомств строительства зданий под АТС в их микрорайонах. Проект АТС в микрорайоне нефтяников выполнялся также во время строительства здания. Также по окончании строительства здания стало подходить оборудование второй АТС на десять тысяч номеров. Здесь же узлом связи был заказан проект здания для строительства третьей АТС на десять тысяч номеров. Здание строилось в микрорайоне энергетиков, подрядчиком выступали строительные тресты энергетиков. База для расширения емкости АТС в городе Сургуте была заложена. Но и население города к этому времени увеличилось более чем в два раза.

В Тюменском областном управлении связи уже думали о перспективе развития междугородной телефонной автоматической связи с использованием спутника земли. Сургутские связисты с радостью поддерживали это предложение, а затем совместно реализовали его. Хорошо поработали тогда инженерно-технические работники станции «Орбита» и цеха междугородной связи. Теперь станция «Орбита» могла выполнять двойное назначение, обеспечивая горожан не только телевидением, но и резервной автоматической междугородной телефонной связью через спутник Земли.

Не отставал от других цехов и цех радиовещания. Здесь внедрялось трехпрограммное радиовещание, когда по тем же двум проводам радиофикации стали передавать не одну, а сразу три программы радиовещания.

По проектам были выполнены работы по строительству АТС и реконструкции станции «Орбита», все остальные работы выполнялись без проектов, по производственным планам. Несмотря на это внедрение новой, более совершенной техники, проходило во всех цехах, во всех подотраслях связи. Казалось, связисты работали в полную силу, а, как выяснилось в перестроечное время, развитие автоматической телефонной связи может проходить гораздо быстрее и результативнее, но об этом немного позднее.

За работой Анастасия не заметила, что бегут года (прошло еще десять лет) и не только ее, а у матери тоже; мать всегда была самым преданным помощником в ее жизни. Поэтому после смерти матери Анастасия ушла с должности главного инженера на другую работу, чтобы иметь больше времени для дома.

Но автоматику она полюбила и всегда радовалась ее возможностям.

В телефонной связи автоматика (автоматические приборы и устройства), получив набранный абонентом номер телефона – задание,

сама ищет схему соединения, сама выбирает электрическую цепь для соединения абонентов и обеспечения разговора. Это происходит при условии, что элементы, образующие цепь, правильно соединяются между собой, а параметры элементов соответствуют расчетным номинальным значениям. Но контроль за работой АТС остается за человеком, за хорошо обученным обслуживающим персоналом, опять же с использованием контрольных автоматических приборов.

Просто и сложно, но автоматика быстро и четко выполняет свое назначение – соединение абонентов и передачу информации, это ли не мудро!?

Самое большое впечатление оказала на Анастасию автоматическая междугородная телефонная связь, когда за несколько секунд ты попадаешь в другой город, а сегодня и в другую страну, и говоришь, как будто находишься рядом. Правда, ей некому звонить в другие страны, но когда в день рождения ее поздравили из Парижа, было очень приятно. В это время дочь находилась в туристической поездке по Европе, она позвонила, пользуясь междугородным автоматом у Эйфелевой башни. Приятные телефонные чудеса. Это прекрасно, человек становится выше, уверенней в этом мире, пользуясь автоматикой.

Перестройка, начавшаяся в 1991 году, ускорила внедрение автоматики в нефтяном крае в несколько раз. И ведущую роль здесь сыграли новые возможности административно-территориальной власти, пришедшей на смену Советской исполнительной власти. В это время региональные власти получили большую самостоятельность и могли сами решать, куда вкладывать свои бюджетные средства. С согласия федеральных властей приостановили на время развитие нефтедобывающей отрасли, посчитав, что нефти добывается достаточно, и переключились на другие отрасли и, прежде всего, на связь, так как потребность населения в телефонной связи была огромной. Власть разрешила покупать импортное электрооборудование для АТС в нужном количестве и первое время финансировала эти закупки из бюджета. Ранее, в советское время, импортное оборудование не разрешалось покупать, видимо, стоило дорого, хотя производилось его в Советском Союзе явно недостаточно. В перестроечное время все поменялось, можно было покупать все в любой стране и в необходимом количестве, а стоимость уже не имела значения. Запад устраивала возможность частично рассчитываться за нефть производимым ими электрооборудованием для АТС, а нефтяной край устраивала возможность оперативного

получения более совершенного и качественного электрооборудования связи. Поступающее электрооборудование для АТС было не громоздким (гораздо меньше по габаритам и по весу) и более оперативно монтировалось. Оно поступало быстро, без всяких проволочек, а связисты нефтяных городов также быстро его устанавливали, тем бо-

лее, что города в основном были построены, здания для размещения оборудования были построены. Связистам оставалось получать оплаченное администрацией оборудование АТС, устанавливать в готовых помещениях, выполнять кабельную разводку, где в существующей канализации, где достраивая новую. Ясно, что все это делалось нелегко и непросто и также требовало больших человеческих усилий как местных связистов, так и приглашенных из-за границы специалистов.

Кроме проводной телефонной связи стала внедряться беспроводная связь даже внутри городов, также с использованием автоматики, но все электрооборудование связи шло импортное. Стало понятно, что наша страна (Советский Союз) намного отстала в развитии электрооборудования связи и по качеству, и по количеству. Больно делать такой вывод, зная возможности страны.

Получается, что развитие отрасли выполнялось хаотично, а не планомерно и обдуманно. Здесь должен помогать отраслевой институт, умеющий выполнять экономический анализ с учетом эффективности производства и предоставления услуг, сроков окупаемости электрооборудования связи, а также анализ результативности и полезности для региона и для страны в целом внедряемого оборудования. Но таковой в нашей стране, видимо, отсутствует.

В полезности для населения региона сомнений не было. Поставки импортного электрооборудования для АТС очень быстро исправили существовавшее положение в нефтяном крае. Развитие средств связи вышло на первое место, как ранее добыча нефти. С помощью административной власти и оперативной работы связистов потребность населения и организаций в услугах автоматической телефонной связи удовлетворили на 100%. И это было сделано в короткие сроки: так, за десять лет установили шестьдесят тысяч телефонов только по городу Сургуту. Таким темпам развития отрасли связи можно только радоваться. Даже повышение цен на услуги связи (от 20 рублей за установку

телефона в советское время до нескольких тысяч в перестроенное время) не затормозили ее развитие, так как и заработная плата в нефтяном крае возросла в это время в несколько десятков раз.

Дополнительно к радиорелейным и кабельным сетям связи прибавилась спутниковая связь, появился автоматический выход на все страны мира. Автоматическая телефонная связь расцвела в полную силу, удивляя жителей

Корпус электросвязи

своими возможностями. Но в этот благополучный момент для развития связи Анастасия в этой отрасли не работала.

2. Сравнение для перспективы движения.

С 1987 года Анастасия работала по своей второй профессии инженера-электрика сельской электрификации. Цель электрификации – создание технического передового производственного потенциала во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и на селе. Анастасия теперь курировала электроснабжение строительства школ, детских садов, завода ЖБИ, жилых домов (где вопросы связи также оставались за ней), а позднее строительство электрических сетей для централизованного электроснабжения населенных пунктов Ханты-Мансийского округа.

Но еще одну АТС на 500 номеров в поселке Солнечный ей пришлось установить. Сделать это было гораздо легче, так как поселок был ведомственный, принадлежал Глав Тюменьтрубопроводстрою, где руководители стремились благоустроить поселок во всех отношениях, в том числе предоставить все услуги связи. Об этом она вспоминала с благодарностью. Электрооборудование для АТС поставлял Белгородский завод, исходя из свидетельств, где оно работало, электрооборудование считалось качественным. А почему? Она убедилась, бывая в производственных цехах, а затем работая с монтажниками. Завод имел бригаду монтажников, которая выезжала на место установки АТС, монтировала и настраивала ее. В результате все неисправности выяснялись при настройке, и монтажники, вернувшись на завод, работали над устранением недостатков в следующих выпусках. Затем еще полтора года завод держал смонтированное оборудование под контролем, выясняя все отрицательные стороны в работе АТС, появляющиеся во время ее эксплуатации. Такое отношение к производству радовало, только так и создается качественное электрооборудование.

Сельская электрификация (электроэнергетика) отличается тем, что в ней используются напряжения от 220В до 110 тысяч вольт. Но даже эти напряжения создают в сотни и тысячи раз большие токи, чем в отрасли связи. Все процессы, происходящие в электроэнергетической отрасли, гораздо опасней для человека и электрооборудования, чем в связи. Соответственно, автоматика здесь играет также решающую роль, причем, как в создании условий безопасности для обслуживающего персонала, так и в качественном обеспечении происходящих технологических процессов при производстве электроэнергии, и в сетях электроснабжения потребителей электроэнергии.

Интересно, что эта отрасль производит электрическую энергию, распределяет ее – доводит до потребителя (населения городов и сел, до заводов и фабрик, общественных и культурных зданий и т. д.) и сама же выполняет работу. Точнее, произведенная электрическая энергия освещает и обеспечивает: работу электробытовых приборов, простые и сложные технологические процессы на производствах, электропитание электрооборудования связи и т. д. Ясно, что в этой длинной технологической цепи работают и могут работать только хорошо обученные инженерно-технические работники, связанные между собой хорошими средствами связи и обеспечивающие безобрывность данной технологической и электрической цепи.

За потребителем остается нажимать кнопки включения и выключения, контролируя работу электроприборов и электрооборудования. «Только благодаря практическому использованию электрической энергии человечество ушло далеко вперед во всех отраслях производства и хозяйственной деятельности человека, в том числе и в отрасли связи. Облегчая или заменяя ручной труд человека и беря на себя решение сложных технических задач в производственных процессах, электрическая энергия сегодня – начало всех начал, но опять же с использованием автоматики».

В электроэнергетической отрасли автоматика направлена на включение, отключение или переключение рассчитанной и собранной заранее электрической схемы, а также на управление электрической схемой, при контроле качественных показателей и параметров электрической цепи. Автоматика защищает электрические сети от повышенных напряжений, токов и обеспечивает защиту обслуживающего персонала (человека). Самое сложное и опасное берет на себя автоматика. Она следит за работой электрической схемы, подчиняясь всем текущим и негативным процессам, которые в ней проходят, часто вообще отстраняя вмешательство человека в ее работу. Это ли не мудро?

Этому можно только радоваться. Не человек, а автоматика управляет электрической схемой, но настраивает и включает автоматические приборы в электрическую схему человек обученный, и подготовленный обслуживающий персонал. И от его знаний, практических навыков – профессионализма очень сильно зависит качественная работа автоматических устройств, а соответственно, электрической схемы.

Если в электросвязи, а именно в телефонной связи любой человек-абонент дает задание, а верней, управляет автоматическими приборами АТС, то в электроэнергетике только обученный обслуживающий персонал управляет автоматическими устройствами.

В обеих отраслях автоматика служит человеку.

В электроэнергетике – обеспечивая качественную работу электрической схемы, выполняющей трудоемкие производственные процессы или освещая помещения в темное время суток, тем самым облегчая труд человека и обеспечивая его безопасность.

В электросвязи – обеспечивая оперативную передачу или прием сообщений, помогая человеку интересней жить, быстрее творить и чувствовать себя более свободным. Автоматика быстра и надежна и, на первый взгляд, проста, но это на первый взгляд. На самом деле для автоматике больше подходит слово «мудра». И чем дальше ее совершенствование, тем более убеждаешься – мудра. Да, автоматика – мудрость человеческого мышления, а точнее сказать – мудрость в действии.

Это подтверждает и главное назначение автоматике – обеспечение более рационального и безопасного использования электрического тока. Поэтому, говоря об автоматике, мы всегда помним об электрическом токе – этом начале всех начал. Невидимый, неслышимый, неосознаваемый электрический ток является главным «действующим лицом» как в электросвязи, так и в электроэнергетике. Отличие только в количественном выражении – малые токи в электросвязи и большие токи в электроэнергетике. Поэтому в электроэнергетике электрический ток смертельно опасен для человека, коснувшегося действующих с поврежденной изоляцией электрических проводов или поврежденного электрооборудования голыми руками или телом. Об этом мы видим предупреждения на электрических подстанциях, на опорах электрических линий в виде слов и знаков: «Осторожно!» – указывает стрела в виде молнии – электрический ток смертельно опасен для человека». Эта же стрела дает понять, что опасность молниеносна, мгновенна, быстра, как молния, и неотвратима, если человек не выполняет установленные Правила техники безопасности: не прикасайся к голым электрическим проводам, к действующему электрооборудованию, не проверив отсутствие напряжения специальными приборами или индикатором напряжения. Мы боимся электрического тока, его внезапности и непредсказуемости.

С другой стороны, мы готовы кричать «Ура...а!» электрическому току любого напряжения – электрической энергии, так как она творит чудеса в производственных процессах, облегчая или заменяя ручной труд человека и обеспечивая повышенную производительность труда. Но это происходит при одном условии, если человек строго выполняет установленные: Правила устройства электроустановок, Правила технической эксплуатации и Правила техники безопасности при обслуживании действующего электрооборудования как в электросвязи, так и в электроэнергетике, а также при обслуживании электрических сетей.

Правила! Правила! Правила! Только при соблюдении указанных выше Правил и использовании автоматики, электрический ток творит приятные и полезные для человека чудеса.

Как все это сложно и загадочно, реальная фантастика, а с другой стороны действующая реальность. Никакое другое изобретение человечества не дало такое свободное развитие человеческому мышлению, как электрический ток, эта сверхъестественная, чуть ли не всемогущая электрическая энергия. С ней светлее, с ней теплее, с ней разумнее живем. Но чем сложнее технологический процесс или электрическая схема, тем труднее и опаснее человеку осуществлять контроль, тем нужнее становится автоматический контроль, а в конечном итоге полная автоматизация управления, что опять же требует хороших специалистов и строгого исполнения Правил по безопасности обслуживания.

Еще один интересный момент.

Как часто мы видим воздушные линии электропередачи – провода, которые крепятся к гирляндам изоляторов, а те, в свою очередь, крепятся к опорам; как красиво смотрятся эти опоры, а точнее, линии электропередачи (ЛЭП).

А что по этим проводам идет электрический ток определенного напряжения, и представить трудно, пояснить могут только электрические приборы и специалисты-профессионалы. Анастасию радуют воздушные линии электропередачи, ей кажется, что они украшают степи, поля, леса и болота, безмолвно неся людям свет и облегчение труда – простую человеческую радость. Но опять же при строгом соблюдении Правил по безопасности их обслуживания.

Очень важно, что воздушные линии электропередачи – более высокого напряжения, а сегодня и линии 10 кВ имеют двойное назначение: для передачи электроэнергии потребителям и для связи. По этим

проводам организуются каналы высокочастотной (в.ч.) связи, «необходимой для надежной и экономичной работы электрических схем электроснабжения потребителей и в целом энергосистем. ВЧ связь предоставляет возможность использования для автоматизации ЭВМ (электронно-вычислительных машин), обеспечивающих качественную работу электрических схем по заданным программам».

Для надежной и экономичной работы энергосистем используются также и другие виды связи: кабельные сети, беспроводные радиорелейные линии, ультракоротковолновая радиосвязь и также АТС разного типа, но высокочастотная связь это наиболее экономичный вид связи. Возможно, вскоре придем к тому, что свет и связь войдут в дом по одним электрическим проводам. Как все это интересно, а главное, полезно людям, и роль автоматизации при этом только возрастет.

Так что электроэнергетика и электросвязь друг без друга не могут существовать, а точнее, полезно дополняют друг друга. Автоматика же в обеих отраслях прекрасно заменяет человека – это ли не мудро!?

То, что уже сделано разумом человечества, удивляет, поражает и заслуживает благодарности, но приходишь к выводу, что совершенствованию выполненного нет предела. В создании устройств автоматизации, проще автоматике, также остается беспредельное поле действий для человеческого разума.

И доброго пути в этих добрых делах! Автоматике, а точнее человеку, создающему ее, большей мудрости в действиях как в электросвязи, так и в электроэнергетике!

БЛАГОДАРЕНИЕ

Прекрасный солнечный день, вторая половина дня. В это время солнце появилось напротив окон кабинета Анастасии Павловны и медленно заполнило его мягким теплым светом. Солнечные лучи скользили по мебели и панелям стен, выполненных из светлых тонов дере-

ва, по цветному линолеуму и деревянным стульям, имевшим светло-зеленое покрытие и расставленных вдоль боковых стен, на одной из которых два окна. На подоконниках в светло-коричневых горшочках росли цветы. Они поддерживали светло-зеленую гамму более темным зеленым цветом и радовали своими распустившимися скромными цветками. Кабинет был оформлен по ее вкусу и желанию, а солнечный свет еще более украшал его, добавляя ясное и доброе настроение. Редко, но были и такие приятные моменты. Анастасия подошла к окну, посмотрела на солнце и улыбнулась ему в знак благодарности. Это же скромный рабочий кабинет, а в нем, благодаря ласковому солнышку, все выглядело светло и даже празднично.

Но ее ждали серьезные дела, и расслабляться было некогда, она села за разборку документов, надеясь, что никто не помешает, никаких встреч сегодня не предвиделось.

И вдруг услышала: «Можно войти?» Она подняла голову от бумаг и, встав со стула, сказала: «Пожалуйста!». Вошли двое мужчин, поздоровались, осмотрелись, так как бывали в этом кабинете очень редко, быстро взяли стулья и подсели поближе к столу. Кабинет их, видимо, заинтересовал, они еще раз осмотрелись вокруг, затем первый сказал: «Как у тебя хорошо!»

Заметив стенд, где висели личные творческие планы инженерно-технических работников, встал, подошел к нему, почитал и снова проговорил: «Замечательно!»

Порадовали его перспективные планы развития связи по району, изображенные графически на ватмане и закрепленные на стене, а также обязанности главного инженера, выполненные наглядно. Никто этого не замечал ранее и не говорил об этом Анастасии Павловне, поэтому она была удивлена таким вниманием и порадовалась, что и в ее кабинете можно чувствовать себя комфортно. Единственно, чего она стеснялась, — это то, что наглядные чертежи и планы выполняла сама, а данных художника не имела. Тогда нельзя было иметь художника в штатном расписании, и даже по договору нанимать художника не разрешали.

Первый из вошедших, прочитав перечень обязанностей главного инженера, спросил: «Это что — для памяти?» — улыбнулся и снова сел к столу.

Анастасия спокойно ждала разговора, из-за которого они зашли к ней. Про себя же подумала: видимо, начальника не оказалось на месте (начальники любят общаться с начальниками), вот они к ней и

заскочили, поздороваться и быстро уйти. А кабинет их задержал, и они уселись для спокойного и серьезного обсуждения общих дел, которых всегда было много, только чаще они решались по телефону. Иногда приезжал главный инженер, у него была служебная машина. Но он как-то не обращал внимания на кабинет, а начальнику кабинет понравился, и он решил не спешить, а выслушать предложения по совместной работе.

И они вместе, очень хорошо, по-деловому, обсудили ближайшие общие дела и задачи на будущее. Разговор получился интересным и результативным для обеих сторон. Ушли они удовлетворенные, не торопясь, еще раз внимательно осмотрев кабинет. Анастасия Павловна также осталась довольной и заметила, что чувствовала себя легко и свободно, поэтому и сумела аргументированно обосновать каждое свое предложение. Хотелось верить, что ясное солнышко, а также доброе настроение пришедших помогли ей доказать правильность и необходимость намеченных планов, для согласования и принятия к действию.

Вышестоящие начальники очень редко заходили к ней в кабинет, и всегда она чувствовала себя очень стесненно при них, часто не находила даже слов, о чем говорить. От некоторых шла какая-то непонятная волна, то ли высокомерия, то ли унижения или полнейшего безразличия. В таких случаях, поздоровавшись, она просто молчала и ждала, что скажут и когда уйдут. Конечно, никакого серьезного разговора при таком отношении не могло быть. Она тупела в такой ситуации, а высокий начальник с улыбкой и на ходу высказывал замечания по работе и прощался. Отчего так, было не ясно, но хорошо, что это было редко. Возможно, напоминали, что женщине нельзя работать на традиционно мужской должности. А возможно, как выяснилось впоследствии, потому, что ей не доверяли партийные органы. Чего она не знала, так как редко у них бывала. Анастасия даже не могла этого предполагать, потому что никогда против власти ничего не имела, потому что всегда занималась своим конкретным делом. Непосредственные ее начальники, как выяснилось, знали об этом, но ей не говорили. Она и сейчас не может понять, почему не говорили? А рассказали только после ее добровольного ухода с должности главного инженера по семейным обстоятельствам.

Да, интересный факт. Пока работала, начальство молчало о недовольстве партийных органов, а когда уволилась, стали рассказы-

вать, что их просили даже уволить ее. А почему не уволили, не объяснили. Можно только предполагать. Наверное, совесть не позволяла, так как результаты ее труда, конечно, совместного с коллективом, ежегодно отмечались областью как положительные, они были не хуже, чем на других предприятиях связи, где главными инженерами работали мужчины. Начальники районного узла связи, в основном, были порядочными и ответственными, и, видимо, понимали, что эту ответственность на равных с ними несла и Анастасия Павловна как главный инженер.

Анастасия не хотела об этом вспоминать, поясняя, что ни на кого не в обиде. Шестнадцать лет на должности главного инженера для нее было достаточно. Она сумела понять, на что способна, и радовалась больше всего тому, что за это время в электросвязи не было ни одного смертельного случая.

Анастасия никогда не подчеркивала, что была патриотом своей Родины – России, но все силы свои отдавала для того, чтобы сделать для нее что-то доброе и полезное, честно и добросовестно.

Радовалась, что с коллегами по работе она чувствовала себя на равных, свободно и уверенно, и что все их совместные дела реализовывались. Как выяснилось впоследствии, после ухода ее с должности, многие из них также относились к ней с доверием и уважением, как и она к ним, за что им благодарна.

Правда, коллеги никогда ничего не говорил о кабинете, может быть, не попадали в него в такой солнечный день?

А эта названная выше встреча с руководителями строительной организации запомнилась очень хорошо и оставила теплый след в памяти.

Кто же были эти неожиданные посетители? Это были связисты-строители, о которых нельзя не рассказать. Расскажем о первом из них, Торопове Павле Сергеевиче, с кем больше всего приходилось решать насущные дела по работе.

Он руководил строительством мощной радиорелейной линии (РРЛ-140) от Тюмени до Уренгоя. Радиорелейная линия – это, прежде всего, беспроводная связь (по ней, как и по проводам, осуществляется телефонная, телеграфная связь и телевидение), но она не беспредельна, а работает на определенные расстояния прямой видимости; расстояния зависят от высоты мачт, мощности передающих устройств, и конечно, рассчитываются. Коллектив строителей-связистов, которым руководил Торопов П.С., доставлял по бездорожью (болотам и лесам)

все металлические конструкции для установки этих мачт высотой сто метров и более, устанавливал эти мачты в самых непроходимых, глухих местах нефтяного края; монтировал на них приемно-передающие устройства и устанавливал пункты – станции выделения стволов (приемно-передающие станции) для крупных городов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов. Анастасия была свидетелем этих работ в Сургутском районе.

Строящаяся его коллективом радиорелейная линия имела три телевизионных ствола, два предназначались для телевидения и один – для междугородной связи – пропуска междугородных телеграфных и телефонных каналов, по которым будут проходить междугородные разговоры с городами своей страны, а также с зарубежными странами. Их работу можно сравнить только с работой строителей воздушных линий напряжением 110, 220 кВ и выше. Работа была очень тяжелой, опасной и ответственной как для руководителя, так и для работников его коллектива, на что они, правда, не жаловались.

О Торопове П.С. можно сказать: «Всегда на трудовом посту». В какое бы время ему не позвонил: утром, вечером, не говоря о рабочих часах, в субботу или воскресенье, если он не на трассе, куда часто выезжал, то всегда очень грамотно ответит на все вопросы, спокойно переговорит на рабочие темы. Анастасия Павловна интересовалась сроками строительства, чтобы своевременно взять дополнительные междугородные каналы, а также просила дать место на построенных мачтах для размещения антенн своих радиорелейных линий небольшой мощности, используемых для связи по району. Она считает, что ей повезло работать с этим прекрасным человеком и достойнейшим руководителем.

В результате работы коллектива Торопова П.С. население Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов получило качественное телевидение и междугородные телефонные, а также телеграфные каналы. Задача связистов двух округов состояла в том, чтобы как можно быстрее использовать эти каналы. Сургутские связисты одними из первых взяли с его трассы междугородные каналы, сначала для ускоренно строящегося города Когалыма вместе с газовиками, а затем и для города Сургута.

Выполнив свою задачу в нефтяном крае, Торопов П.С. перебазировался в другой, не менее трудный район, чтобы продолжать строить новые линии связи. Поступало сообщение, что его представили к

*Конкурс "А ну-ка, девушки!" в Сургутском РУС, 1980 год.
Комиссия распределяет призовые места*

награждению звездой Героя Социалистического Труда, но получил ли ее, неизвестно. Поговаривали, что нашлись кабинетные чиновники, препятствующие этому даже моральному поощрению.

Несколько слов о рационализаторской работе, за которую Анастасия Павловна несла ответственность, работая главным инженером РУС.

Она считала эту работу необходимой и полезной для предприятия связи. В процессе эксплуатации действующего электрооборудования связи возникало много повреждений, что вызывало остановки в его работе. Причем некоторые из недостатков в работе электрооборудования связи можно было устранить на месте, а более серьезные недостатки оформлялись рекламациями на завод. То, что можно было устранить на месте, оформлялось, благодаря творческой мысли инженерно-технических работников, в рационализаторские предложения. Поясним, в какой последовательности это происходило. Анализируя работу электрооборудования связи в каждой подотрасли, инженерно-технические работники предлагали заме-

ну слабого элемента схемы или узла, выполняли эту замену, убеждались в улучшении качества работы и только после этого оформляли рационализаторским предложением. Анастасия Павловна, проверив сделанную работу, выполняла расчет материального вознаграждения, исходя из экономической эффективности, и после утверждения на техническом совете, оформляла приказы на материальное вознаграждение. Часть рацпредложений была направлена на повышение производительности труда, на обеспечение техники безопасности на производстве, все это также поощрялось материально, в той же последовательности.

Это подталкивало инженерно-технический персонал на новые творческие мысли. Приезжали из вышестоящих организаций, чаще окружных, проверяли рационализаторскую работу, делали какие-либо замечания по оформлению, часть рацпредложений забирали для использования на других предприятиях и уезжали. Анастасия Павловна считала такие проверки естественными и не задавала никаких вопросов проверяющим.

Награждение победителя Туполевой Галины

По семейным обстоятельствам она оставила работу в районном узле связи и начала работать в другой отрасли. Прошло шесть лет. В связи с переездом мужа оказалась в окружном центре, где случайно встретилась с одним из проверяющих ранее рационализаторскую работу. Проверяющий задает ей вопрос: «Почему на Вашем предприятии подавалось больше рацпредложений, чем на других?» Вопрос был неожиданным и очень удивил, так как ранее она об этом не знала. В бытность ее ответственной за рационализаторскую работу, никто не говорил, что на ее предприятии подавалось больше рацпредложений, чем на других. А то, что приезжали проверяющие, ее не натолкнуло на эту мысль. Но вопрос был интересным, в памяти, как на экране, промелькнули знакомые лица работников, настоящих специалистов своего дела и творческих личностей. И Анастасия, испытывая радость, что ей повезло с ними работать, начала называть их имена.

«Это - начальники цехов:

«Орбита» – Довженко Вадим Семенович, телевидение со станции «Орбита» сургутяне получали всегда качественное и строго по расписанию;

МТС – Захаров Григорий Ефимович, обеспечивал качественную эксплуатацию междугородного электрооборудования и способствовал внедрению новейшего;

Радиовещание – Горкунов Леонид Егорович, один из первых в области включивший в Сургуте трехпрограммное радиовещание, очень ответственный руководитель.

АТС – Лахтин Виктор Иванович, активно занимался улучшением качества работы городской телефонной связи и способствовал ее развитию;

Районная электрическая связь – Смирнов Александр Дмитриевич, затем Ляпунов Николай Юрьевич, обеспечивали электрическую связь города Сургута с населенными пунктами района;

Телеграф – Федорова Лилия Федоровна, проработавшая более 30 лет в телеграфной отрасли – документальной связи, и до пенсии отдававшая себя в полной мере этой работе. В любое время суток она могла ответить на любой вопрос, касавшийся телеграфной отрасли, о ней также можно было сказать: «Всегда на трудовом посту!».

Это старшие инженеры:

Ачимова Людмила Дмитриевна, обеспечивала качественную работу первой АТС города Сургута. Она не только внешне, а внутренне

несла всю ответственность за работу электрооборудования АТС и приезжала на работу в любое время, если ее помощь была необходима;

Урузбаева Галина Сидоровна, обеспечивала качественную работу междугородной связи и ее ускоренное развитие;

Хребто Анатолий Яковлевич, Макаренко Александр Владимирович, работали без брака по обслуживанию станции «Орбита»;

Инженеры:

Золотцев Василий, активно работал по развитию всех видов связи в растущем городе Когалыме;

Кушников Валерий – электромеханик, точнее, активный сельский инженер-самоучка, обеспечивал качественную связь в Локосово и с Локосово;

Морозов Александр, Железняк Николай, обеспечивали качественную работу электропитающего оборудования связи;

электромеханики:

Кореньков Сергей, не сосчитать, сколько ему пришлось отремонтировать телеграфных аппаратов;

Стоименова Зоя Александровна, уверенно и умело работала на междугородной полуавтоматике;

Богданова Людмила Алексеевна, проявила себя как инженер при переключении абонентов с ручных коммутаторов на АТС;

Махкамов Иван Иванович – прекрасный специалист и дисциплинированный работник». Когда Махкамов выезжал в командировки по монтажу сельских АТС, Анастасия Павловна была спокойна, так как он отличался четким и качественным исполнением своей работы. В конце рабочего дня всегда позвонит и сообщит, что сделано и что намечается сделать или какие возникли трудности.

– Все они активно внедряли в производство рационализаторские предложения и спасибо им, – закончила она. Проверяющий или задававший вопрос выслушал молча и отошел, задумавшись.

А память разбредила душу и не давала покоя. Она вспоминала многих рядовых работников, которые не подавали рацпредложений, но всегда работали добросовестно по обслуживанию закрепленного за ними электрооборудования связи или выполняли другие возложенные на них обязанности.

Это телеграфисты:

Литвинова Валентина Николаевна, Вербя Галина Николаевна, Позднякова Клавдия Николаевна, Юзя Любовь Васильевна – они не

только отлично работали, но и были лучшими наставниками молодых телеграфистов;

Это телефонисты:

Карпова Людмила Ивановна и многие другие, в том числе их бригадиры Безуглова Светлана Александровна, Крылова Нина Петровна, всегда активно поддерживали все новые начинания для улучшения качества предоставления услуг связи;

Это электромонтеры:

Копейкин Николай Александрович, Шишкин Николай Петрович и другие также работали в полную силу и добросовестно выполняли свои обязанности».

Запомнилась ей, как она говорила, работа профессионала-экономиста Тороповой Галины Фоминичны (однофамилица предыдущего руководителя). С такими экономистами Россия могла бы всегда идти только вперед к созиданию. К сожалению, ее анализы не всегда были востребованы. А она была готова объективно и доказательно пояснить любую ситуацию в экономическом развитии предприятия. Галина Фоминична очень грамотно, опираясь на хороший анализ работы предприятия, указывала на недостатки и делала хорошие предложения». Только по ее работе Анастасия поняла, что от экономистов на предприятии многое зависит и к ним надо прислушиваться.

«О вышестоящих руководителях говорить, наверное, не очень уместно, – вспоминала она, – но благодарна им, что работала под их руководством:

это главный инженер Тюменского областного производственно-технического управления связи Левин Николай Федорович. Он зря не хвалил, но и не ругал, а всегда поддерживал все инициативы и начинания в работе;

Козлов Всеволод Антонович, спокойствие, степенность и профессионализм которого всегда настраивали на серьезный лад и требовали отчетливого мышления. Много построено зданий и сооружений в отрасли связи Тюменской области (в том числе в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах) под его руководством;

Чапаев Александр Яковлевич, бывший главный инженер Ханты-Мансийского окружного производственно-технического управления связи, с которым было легко решать все вопросы по работе, он сразу подчеркивал, где согласен, а где нет;

Кайгородов Владислав Константинович, заменивший Чапаева А.Я. по должности, всегда был требователен, что также необходимо.

Благодарю руководителей всех служб электросвязи областного и окружного узлов связи за понимание и содействие, в развитии средств связи нефтяного края.

Сожалеет Анастасия Павловна, что в свою бытность мало выходила в вышестоящие организации с предложениями о поощрениях своих подчиненных. Говорит: «Работы всегда много было, руки не доходили, так сказать. Если бы было разработано Положение о поощрениях: например, получил работник пять благодарностей на своем предприятии, тогда отправляется предложение на поощрение в вышестоящую организацию, от нее получил три поощрения – еще выше и так далее. Тогда бы отдел кадров мог следить за этим и подсказывать руководителям, кто заслуживает какого поощрения, работники бы получали моральное поощрение всегда вовремя. Но этого не было, а жаль. Это не говорит о том, что отдел кадров плохо работал, там также были добросовестные работники, которые принимали участие во всех общественных делах предприятия. А что не было достойного Положения о поощрениях – это общее упущение и руководства, и профсоюзного комитета. Вот именно упущение, так как профсоюз активно вел общественную работу в коллективе, о чем говорят проводимые конкурсы. Вспоминая, как загружены были все работой, Анастасия Павловна считает, что большая часть ее коллектива работала на отлично, часто не считаясь с личным временем, все они явно заслуживают награды и большой благодарности за труд.

И сегодня сургутские связисты продолжают отдавать свое сердце, ум и профессионализм развитию телефонной связи нефтяного края. С новым руководством не приходилось работать, поэтому можно сказать только то, что они прекрасно использовали перестройку, ее возможности, и результаты превзошли все ожидания. А опыт работы многие из них приобрели ранее, так как работали в нефтяном крае во время его бурного освоения, в том числе и Лебедев Эдуард Васильевич, нынешний руководитель. «Хантымансийскотелекома». Анастасия Павловна желает всем связистам удачи и доброго настроения!

Она всегда помнит о связистах, так как отдала отрасли связи 25 лет своей жизни и работала непосредственно на производстве, то есть по эксплуатации электрооборудования связи и внедрению новой техники.

«Откровенно сказать, я благодарна всем, с кем встречалась по жизни. Благодарна, прежде всего, за то, что не мешали идти по выбранному пути. А главное за то, что дали возможность остаться самой собой, что, оказывается, не так легко».

И напомнила, что человек становится способней, когда в него верят. Так будем же верить друг в друга, и жизнь станет нравственнее, умнее и интереснее!

Приложение

Стихотворение Плещеева А.Н., которое послужило началом для этого произведения.

БАБУШКА И ВНУЧЕК

Под окном чулок старушка
Вяжет в комнате уютной
И в очки свои большие
Смотрит в угол поминутно.

А в углу кудрявый мальчик
Молча к стенке прислонился;
На лице его забота,
Взгляд на что-то устремился.

— Что сидишь все дома, внучек?
Шел бы в сад, копал бы грядки
Или крикнул бы сестренку,
Поиграл бы с ней в лошадки.

Кабы силы да здоровье,
И сама бы с вами, детки,
Побрела я на лужайку;
Дни такие стали редки.

Уж трава желтеет в поле,
Листья падают сухие;
Скоро птички-щелбуньи
Улетят в края чужие!

Присмирел ты что-то, Ваня,
Все сидишь, сложивши ручки;
Посмотри, как светит солнце,
Ни одной на небе тучки!

Что за тишь! Не клонит ветер
Ни былинки, ни цветочка.
Не дождешься ты такого
Благодатного денечка!

Подошел к старушке внучек
И головкою курчавой
К ней припал; глаза большие
На нее глядят лукаво...

Знать, гостинцу захотелось?
Винных ягод, винограда?
Ну, поди возьми в комод.
— Нет, гостинца мне не надо!

Уж чего-нибудь да хочешь...
Или, может, напраказил?
Может, сам, когда спала я,
Ты в комод без спросу лазил?..

— Нет, бабуся, не шалил я;
А вчера, меня целуя,
Ты сказала: «Будешь умник —
Все тогда тебе куплю я...»

— Ишь ведь, память-то какая!
Что ж купить тебе? Лошадку?
Оловянную посуду
Или грабли да лопатку?

— Нет! Уж ты мне покупала
И лошадку, и посуду.
Сумку мне купи, бабуся,
В школу с ней ходить я буду.

— Ай да Ваня! Хочешь в школу,
За букварь, да за указку.
Где тебе! Садись-ка лучше,
Расскажу тебе я сказку...

— Уж и так мне много сказок
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, расскажи мне
Лучше то, что вправду было.

Шел вчера я мимо школы.
Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель,
Долго слушал у окна я.

Слушал я – какие земли
Есть за дальними морями...
Города, леса какие
С злыми, страшными зверями.

Он рассказывал: где жарко,
Где всегда стоят морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бывают грозы.

Рисовали тоже дети,
Много я глядел тетрадок, –
Кто глаза, кто нос выводит,
А кто домик да лошадок.

А как кончилось ученье,
Стали хором петь. В окошко
И меня втащил учитель,
Говорит: «Пой с нами, крошка!

Да проси, чтоб присылали
В школу к нам тебя родные,
Все вы скажете спасибо
Ей, как будете большие!..»

В книге, с которой я печатала, этим заканчивается стихотворение, но мама мне рассказывала еще два столбца, и я вам их поведаю.

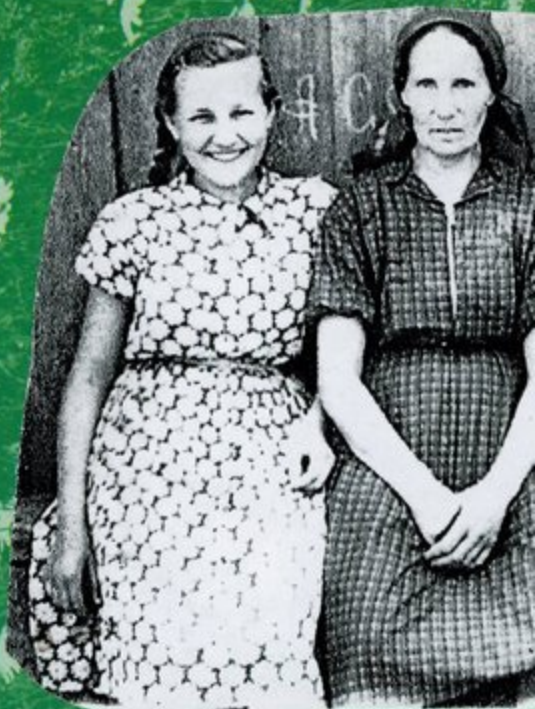
– Отпусти меня, бабуся,
Я за это расцелую
И таких тебе прекрасных
Я картинок нарисую.
– Будь по-твоему, Ваня, бегай в школу.
Только спеси там не набирайся.
Как обучишься наукам,
Темных людей не гнушайся.

Теперь конец этого искреннего творения.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
ВНАЧАЛЕ О ПРЕДКАХ.....	7
СВАДЬБА.....	9
РОДНЯ ОТЦА.....	11
РОДНЯ МАТЕРИ.....	14
РАСПРАВА.....	17
УРАЛ.....	21
МАЛАЯ РОДИНА – УРАЛЬСКИЙ САХАЛИН.....	23
ПОСЕЛОК САХАЛИН.....	23
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ – ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ.....	28
СПОКОЙСТВИЕ, ОТКУДА ОНО?.....	35
О ВОЙНЕ И МАМИНОЙ РОДНЕ.....	39
КОЛХОЗ «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД».....	42
ЗОЛОТАЯ РЕЧКА.....	53
ВОГУЛКА, ТЫ МАНСИЙСКАЯ РЕЧКА?.....	56
ОПАСНЫЙ ПОЕДИНОК.....	58
ПОПРЫГУНЯ.....	62
ТАЙНА СВЕТА.....	64
ПЧЕЛЫ И СЕНО.....	66
ПОКОС И МЕДВЕДЬ.....	70
ЗМЕЯ, ГДЕ ТЫ?.....	73
О ЛЕСЕ И МОРЕ.....	76
ОХОТА БЕЗ РУЖЬЯ.....	85
КОРОТКИЕ ЭПИЗОДЫ.....	88
О ПРАЗДНИКАХ.....	89
СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ.....	92
МАДЕС.....	92
СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ (продолжение).....	94

«МЕДВЕЖОНОК».....	96
КИНО.....	98
ГАРМОНЬ.....	99
НЕПРЕСТИЖНОСТЬ ТРУДА.....	104
ГРЕШНЫЕ СЛОВА.....	107
ТАЙНА ПЕЩЕРЫ.....	109
ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ.....	111
ШКОЛЬНЫЕ ПРОДЕЛКИ.....	116
О ВОСПИТАНИИ.....	119
ПРОДОЛЖЕНИЕ.....	122
РОДНЫЕ МЕСТА ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ.....	127
ТЕТЯ ТАНЯ.....	134
НАШИ СОВРЕМЕННОКИ.....	138
ИСПЫТАНИЯ.....	138
ЛЮБВЕОБИЛЬНОЕ ВРЕМЯ.....	151
СУДЬБА.....	159
ПРИМЕР ДЛЯ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.....	169
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.....	172
ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ.....	180
НЕФТЯНОЙ КРАЙ.....	186
НЕСТАНДАРТНАЯ СИТУАЦИЯ.....	191
БЫВАЛО И ТАКОЕ.....	199
КОРОТКИЕ СЮЖЕТЫ.....	207
КРАЖА.....	212
ЭНЕРГЕТИКА ЖИЗНИ.....	216
ФИЗКУЛЬТУРА - УРА, УРА, УРА...а!!!.....	225
АВТОМАТИКА – МУДРОСТЬ В ДЕЙСТВИИ.....	235
БЛАГОДАРЕНИЕ.....	255
Приложение.....	267

Bn Cassu

MMH

